23/1-14

ЗНАНИЕ — СИЛА 5/93

Ежемесячный научно-популярный и научно-художественный журнал для молодежи

№ 5 (791)
Издается с 1926 года

Сдано в набор 03.02.93
Подписано к печати 20.05.93
Формат 70×100 1/16
Офсетная печать
Печ. л. 10,0 Усл.-печ. л. 12,23
Уч.-изд. л. 17,46
Усл. кр.-отт. 52,0
Тираж 36 100 экз.
Заказ № 291

Адрес редакции:
113114, Москва,
Кожевническая ул., 19,
строение 6
Тел. 235-89-35

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Министерства печати и массовой информации РСФСР.
142300, г. Чехов Московской области

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Цена свободная
Индекс 70332

В НОМЕРЕ

ЗНАНИЕ — СИЛА 5/1993

ISSN 0130—1640

„Knowledge is power" *(F.Bacon)*

ЗНАНИЕ-СИЛА 5/93

ЗНАНИЕ — СИЛА 5/93

Ежемесячный
научно-популярный
и научно-художественный
журнал для молодежи

Зарегистрирован 28.12.1990 года
Регистрационный № 1319

№ 5 (791)
Издается с 1926 года

О. Голованова-Брель

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

Не плакать, а думать и действовать

«Когда историки произведут наконец вскрытие трупа скончавшегося Советского Союза и советского коммунизма, то, возможно, причиной смерти они назовут экоцид. Ни одна другая промышленная цивилизация не отравляла столь долго и столь планомерно свою землю, воздух, воду и народ». Такими словами начинается вышедшая в конце 1992 года на русском языке книга американского профессора демографии Мерри Фешбаха, написанная им вместе с известным журналистом Альфредом Френдли-младшим «Экоцид в СССР. Здоровье и природа на осадном положении».

Почти одновременно в России вышел правительственный доклад о состоянии окружающей среды и здоровья населения, получивший название «Белая книга».

В чем сходны эти книги, а в чем их различия, не преувеличивают ли американцы опасность того состояния, в котором находится наша природа, обозначая его как экологическую катастрофу и видя здесь угрозу всей планете? С этими и рядом других вопросов специальный корреспондент журнала Г. ШЕВЕЛЕВА обратилась к советнику Президента Российской Федерации по вопросам экологии и охраны здоровья А. ЯБЛОКОВУ.

Г. Шевелева: — Я хотела бы начать с названия этой книги. Правильно ли называть то, что происходило и происходит в нашей стране, экоцидом? Ведь «экоцид» — слово, образованное по аналогии со словом «геноцид», это некоторое направленное, осознанное действие. Насколько можно считать то, что происходит у нас с природой и людьми, преднамеренно направленным? Мне кажется, здесь есть неточность.

А. Яблоков: — Вы абсолютно правы. Тем не менее я считаю, что авторы имели право на такое преувеличение. Ведь само слово «экология», обозначающее науку, далекую от политики, стало сейчас политическим понятием. От исходно биологической науки оно давно отделилось и зажило собственной политической жизнью. Так же обстоит дело и с названием этой книги. Когда в 1992 году она вышла в свет на английском языке, то привлекла внимание всего мирового сообщества. Книга мгновенно стала бестселлером и несколько недель стояла первой строкой в списке самых популярных книг во всех англоязычных странах. Во многом это случилось благодаря такому заголовку, который хоть и содержит в себе преувеличение, но привлекает внимание немедленно. Я — за такое название.

Эта книга — чрезвычайно подробный, очень веско документированный рассказ о том, что у нас творится с природой и здоровьем людей. И действительно, собранные вместе, эти факты производят такое оглушающее действие, что другого слова, как «экоцид», не подберешь. Хотя, конечно, ни у кого — ни у Брежнева, ни у Андропова, ни у других руководителей государства — в мыслях не было вытравлять свой народ. Но фактически — это был и есть настоящий экоцид.

Г. Шевелева: — Почти одновременно с этой книгой у нас в стране вышла так называемая «Белая книга» — правительственный доклад об экологии России. В чем сходство и в чем различие этих книг?

А. Яблоков: — «Белая книга» — это тоже книга фактов. Их выпущено две. Одна посвящена состоянию окружающей среды, другая — здоровью населения. Я назвал их «Белыми книгами» по образу и подобию книг, представляемых правительствами других стран в свои парламенты. В этих книгах одни лишь факты. Официальные, проверенные факты — и ничего кроме них. В этом их отличие от книги Фешбаха и Френдли-младшего, которая содержит не только факты, но и эмоции по их поводу.

Обе «Белые книги» — и об охране окружающей среды, и о состоянии здоровья населения — были представлены в октябре 1992 года, во время выступления Президента в парламенте, и розданы всем парламентариям. Это первый случай, когда в Верховном Совете представлялись книги. Президент придал этому событию огромное значение, сказав парламенту, что книги представляются для того, чтобы, пропустив через себя все факты, приведенные в них, парламент начал действовать. К сожалению, мы знаем, что парламент действует далеко не так, как хотелось бы. Парламент даже не соблюдает свои собственные законы. Вот пример. Правительство представляет парламенту бюджетное послание. В нем не выделены отдельной строкой расходы на охрану природы. Парламент должен был потребовать такого выделения, ибо оно предусмотрено законом. Но нет! У парламента другие, как видно, заботы. В горячке политических битв он забывает свои собственные законы. И не только парламент — мы все за сегодняшними заботами очень часто забываем о завтрашнем дне.

«Белые книги» были опубликованы в специальных выпусках газеты «Зеленый мир» и тиражом в 30 тысяч вышли в издании Министерства охраны окружающей среды и природных ресурсов.

«Белые книги» — это государственные документы. Но всего лишь вершина айсберга. Когда они составлялись, было собрано огромное количество, целый монблан фактов! Вышли же они в объеме около ста страниц убористого текста. А фактический материал, лежащий в их основе, — около полутора-двух тысяч страниц. Все это хранится в Министерствах охраны окружающей среды и здравоохранения. Это материал для специалистов.

Книги были переданы во все территориальные органы государственного управления. Если книга Фешбаха и Френдли — это призыв к обществу, то наши «Белые книги» можно назвать руководством к действию органам государственного управления. Президент, представляя парламенту «Белые книги», как бы сказал: «Вот положение, которое мы имеем. Действуйте, чтобы его изменить».

Мы хотим следующую «Белую книгу» сделать по захоронению радиоактивных отходов в морях. Я — председатель правительственной комиссии, которая сейчас готовит доклад Президенту. Мы предлагаем этот доклад открыть, сделать достоянием общественности и считать его очередной «Белой книгой». Мы даем факты, а анализ и выводы должны сделать

шестидесяти процентов. Значит, все идет нормально. Люди из «оборонки» прекрасно понимают, как нужно выживать, куда поворачиваться, как спасать страну.

Перед нами стоит задача изменить структуру трудовых ресурсов. У нас примерно половина занята в промышленности, около четверти — в сельском хозяйстве, около двадцати процентов — в сфере обслуживания, остальное падает на армию, студентов и т. д. Это данные по СССР, но примерно такое же соотношение и в России.

А в любом западном государстве — Швеции, Дании, Италии, Германии, в любом — общество делится так: половина населения занята в сфере обслуживания, в промышленности — около двадцати процентов, в сельском хозяйстве — три, пять, до десяти процентов. Значит, там общество построено на том, чтобы делать комфортабельнее жизнь друг друга. В этом смысл организации общества. А у нас он был в том, чтобы изолироваться от мира, а потом уничтожить всех «врагов». Наша военная доктрина была наступательной — это сейчас доказано. После того как распался Варшавский договор и были открыты секретные документы, лежавшие в его основе, стало ясно, что военная доктрина нашей страны была отнюдь не оборонительной. А отсюда и размеры военно-промышленного комплекса, и многое другое.

Не следует понимать меня так, будто я против ВПК. Нет. Думаю, что ВПК, каким он в конце концов получился,— это сейчас наша надежда, ибо именно там сосредоточены лучшие кадры, огромные заводы, новейшие технологии, умение работать и так далее. Все это должно приносить пользу нашему обществу.

Сейчас много говорят о том, должен ли ВПК торговать своей продукцией. Я не против того, чтобы ВПК торговал тем, что производит. Но не автоматами и пулеметами! Ведь они выстрелят наверняка, и мы не знаем, где это произойдет. Не исключено, что и у нас. Торговать высокими технологиями, торговать какими-то космическими приборами или аппаратами, которые могут быть использованы на государственном уровне,— это другое дело. И торговля подобного рода должна идти под строгим государственным контролем. Пока в конверсии, к сожалению, нет разработанной стратегии.

Мы много говорим об энергосбережении. Но если половина наших энергетических ресурсов шла на выпуск оружия, значит, у нас огромные резервы энергосбережения. Западный мир сейчас очень озабочен сбережением энергии. У нас же здесь возможностей — непочатый край.

Нам говорят: грядет энергетический кризис, нужно наращивать количество атомных электростанций. Сейчас атомная энергетика составляет двенадцать процентов в общем котле энергии. Но ВПК съедает сорок процентов всей производимой энергии. Мы прекращаем военное производство — и вот вам огромное высвобождение энергии, которую можно использовать для производства не столь энергоемких вещей. Мы спокойно можем планировать сокращение расхода электроэнергии на двадцать процентов, а это колоссальнейшие возможности.

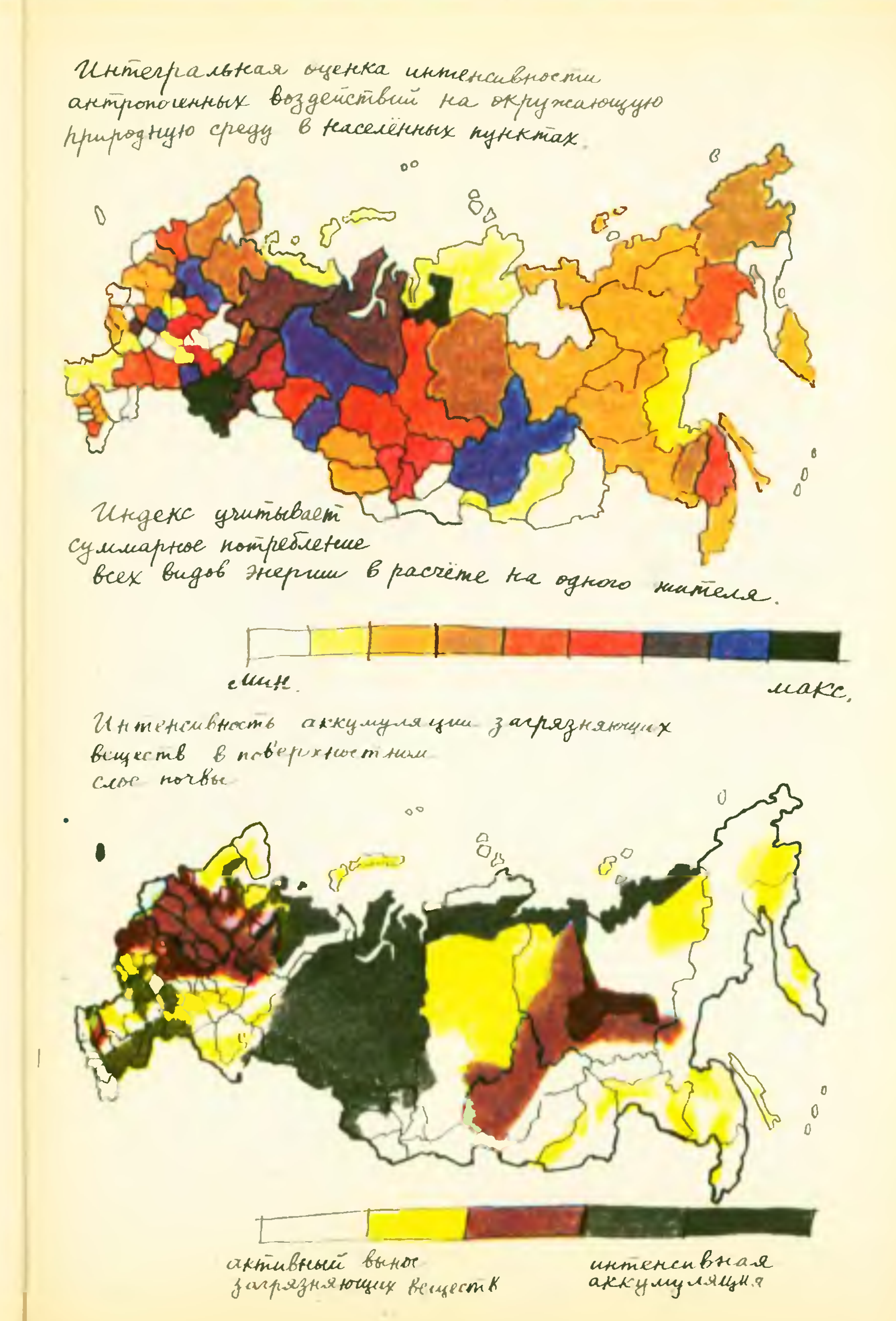
Давайте соберемся за круглым столом, обсудим все «за» и «против» и поймем, что более разумного пути, чем конверсия, просто нет.

Г. Шевелева: — Что мешает? Вас не слушают?

А. Яблоков: — Слушают. Слушают — и делают свое дело. Общество — сложная система. Оно меняется по своим законам. Инерционная система нашего хозяйства стоит на пути этих изменений. Вот атомная энергетика. Это мощная сложившаяся отрасль. Они умеют работать и активно отстаивать свои интересы. А вот несколько заводов, производящих газовые турбины, которые вполне — я в этом уверен! — могут заменить атомные реакторы, не столь активны, они не умеют лезть в окно, когда перед ними закрывают двери. У них нет такой оформленной структуры, как у атомщиков. А строение нашей промышленности — все еще отраслевое, мощная отрасль своим весом оттесняет более слабых. Хотя, может быть, эти «более слабые» несут правильное, разумное решение.

Энергетическая программа — это важнейший документ, и с точки зрения развития промышленности и экологии. И если в принятой правительством концепции этой программы заключено преимущественное развитие атомной энергетики, я считаю, что проиграл и я, проиграли все, кто занимается экологией в нашей стране. Потому что энергетическая программа — это ключ ко всему нашему развитию, в ней заключен ответ на вопрос, будут ли у нас гигантские плотины, атомные станции, «чернобыли» и так далее или мы будем вкладывать инвестиции в какие-то другие пути развития энергетики.

В свое время, еще будучи государственным советником по экологии, я собрал экономистов, занимающихся раз-

витием энергетики. И поставил перед ними всего лишь один вопрос: можем ли мы дальше развиваться без атомной энергетики. Через полтора месяца я получил законченную концепцию развития нашей энергетики без атомных станций Я представил эту альтернативную концепцию и в правительство, и Президенту. Но поскольку наша программа еще зависит и от программы общеевропейской,— а в той мы числимся как развивающие у себя строительство атомных станций,— альтернативная концепция осталась без внимания. И хотя мы с Виктором Ивановичем Даниловым-Данильяном, российским министром охраны окружающей среды и природных ресурсов, приложили много усилий, чтобы удержать правительство от принятия концепции энергетической программы, в которой доля атомных станций с двенадцати процентов возрастает до двадцати, нас не услышали.

Г. Шевелева: — Одна из глав американской книги называется «Больная земля». Эрозия, засоление, опустынивание — бичи нашей земли. Каковы возможности восстановить ее здоровье? Что может дать здесь собственность на землю?

А. Яблоков: — Все верно. Земля наша не просто больна — она изуродована, исковеркана, безжалостно разрушена. Думаю, собственность на землю может дать одно — хозяина, с которого можно будет спрашивать. Сейчас спрашивать не с кого. Подтоплены огромные территории, засолены миллионы гектаров, они выпали из пахотных земель. А с кого спрашивать? «Иных уж нет...» Министерства и ведомства, которые все это сотворили, расформированы, их уже нет. С кого спрашивать за подтопление Нижнего Новгорода — половина города подтоплена, Москвы — пятнадцать процентов городской земли подтоплено. Мы тратим огромные деньги на поддержание фундаментов, на борьбу с оползнями и т. д. Больше двух тысяч городов и поселков у нас подтоплены. В чем причина этого явления? Возьмем для примера Волгу. Она превратилась в цепь озер, в каждом из них уровень воды на три-четыре метра выше, чем был в реке. А ареал влияния водохранилищ огромный. На много километров вокруг уровень грунтовых вод поднимается. По моим расчетам (не дай Бог, я окажусь прав!), через десять — пятнадцать лет нам придется треть национального дохода тратить, чтобы только сохранить построенное.

Если земля будет иметь хозяина, он и сам будет заинтересован в том, чтобы эта земля рожала, да и спросить будет с кого. Земля перестанет быть безродной, ничейной. Хозяин не накидает пестициды из мешка без меры только потому, что ему сказали: сыпь! Он учтет и свои сегодняшние расходы, и свою будущую выгоду. Какие-то опасности и в частном владении есть. Поначалу будет желание рвануть вперед, получить быструю выгоду, а это, конечно, чревато расхищением природных ресурсов. Но для этого существуют государственные законы, которые обязан выполнять собственник. Они есть во всех странах, за их выполнением следят специальные инспекции, и нам предстоит их выработать и научиться безукоснительно выполнять.

Г. Шевелева: — Книга Фешбаха и Френдли имеет подзаголовок «Здоровье и природа на осадном положении». Мы прекрасно знаем, в каком состоянии находится здоровье населения нашей страны. Думаю, и ваша «Белая книга» не оставляет на этот счет иллюзий. Что намечено делать?

А. Яблоков: — Это слишком обширный вопрос. Намечено много направлений деятельности. Одно из них — переход на страховую медицину. Сейчас этот вопрос не сходит со страниц газет. Не буду об этом распространяться. Но есть один рычаг, который отлично действует во многих странах и совсем не действует у нас. Я имею в виду возмещение ущерба, нанесенного здоровью конкретным предприятием. Конечно, трудно доказать, что именно это предприятие повинно, потому что мы, как правило, имеем дело с «компотом» загрязнений. Но в целом ряде случаев — можно! И вот тогда я иду в суд — и на этом деятельность этого предприятия заканчивается. Потому, что я ему вчиню такой иск, который его разорит. Да к тому же еще не я один. И сюда войдут расходы не только по лечению, но и затраты на смену квартиры, на переезд, на переход детей в другую школу и так далее, и тому подобное. Такая практика существует во всех развитых странах, и во многом именно она позволила удлинить в них продолжительность жизни.

В 1964 году продолжительность жизни у нас и в США была одинаковой и даже у нас немного большей. С тех пор у них она увеличивалась, а у нас уменьшалась, и сейчас американцы живут в среднем на восемь лет дольше, чем мы. Вот мне шестьдесят. Я знаю, что еще десять лет — и все. Для живущего в России это, как правило, предел. Жителю Соединенных Штатов впереди светит еще около двадцати лет. Я чувствую эту разницу очень остро. Молодым этого не понять. Я хотел бы увидеть, как будут жить мои внуки и правнуки. Это законное желание! Я хотел бы отдать молодым свои знания, научить их не набивать шишки там, где стукался я, не повторять моих ошибок. У меня есть, что сказать миру, но может не хватить на это времени. Вот что обидно. А знаете ли вы, сколько людей у нас не доживает до пенсии? Здесь статистика очень печальна. Среди умирающих мужчин почти сорок процентов — это люди, не дожившие до пенсии. Вот почему необходимо, чтобы заработали все рычаги, улучшающие условия существования людей.

Суды США рассматривают в год около ста пятидесяти дел по возмещению ущерба. Из них заявители выигрывают гораздо меньше половины — трудно доказать вину конкретного завода или фабрики. Но то, что такая возможность существует, дамокловым мечом висит над владельцами предприятий и заставляет их все время думать об угрозе разорения, если они не будут помнить об охране среды. И хозяева отводят немалые средства этой статье расходов.

Г. Шевелева: — А у нас очень часто говорят: «Мы слишком бедны, чтобы думать об охране окружающей среды». Ложность этого тезиса так много раз уже была доказана, что, казалось бы, не стоит и говорить об этом. А на деле не так. Если на чем и экономят, то именно на очистке, на охране среды, на защите от загрязнений.

А. Яблоков: — Мы не бедны. Мы — богатая страна. Только тратим свои богатства не туда и не так, как надо. Экономическое развитие напрямую связано с экологией. Не может быть нормальной экономики без нормального экологического состояния. Таков коллективный вывод, к которому пришел всемирный экологический форум в Рио-де-Жанейро. Устойчивое экономическое развитие мыслимо только при устойчивом экологическом равновесии. Лучшее тому подтверждение — наши зоны экологического бедствия. В них не только природа приходит в упадок, но рушится все. За примерами далеко ходить не надо. Таков Арал, таковы брошенные засоленные и опустыненные земли в Заволжье и в Средней Азии, таковы многие наши районы угле- и нефтедобычи. И никакой экономический эффект не возместит экологические потери.

Г. Шевелева: — И последний вопрос, что называется, не по протоколу. Как вы смотрите на нынешний ход дел? С надеждой? Или...

А. Яблоков: — Как принято сейчас говорить, многовариантно. Есть такой подход: чем хуже — тем лучше. Я никогда к нему не склоняюсь. Вы помните, что многие депутаты пришли в парламент на волне «зеленого» движения. Потом они забыли об экологических лозунгах. Многие из них ушли в национал-патриотическую сторону, другие — увлеклись парламентской борьбой, им не до экологии! Но есть у нас районы, где экологическое состояние очень плохое. Это Кемеровская область, Южный Урал, Чернобыль и так далее. Там экология взяла за горло, и там о ней не забывают. Поэтому я говорю: чем хуже, тем лучше.

Зоны экологического бедствия занимают у нас сейчас примерно 14 процентов территории и охватывают около 40 миллионов человек. Но если дело пойдет так, как оно идет, то и через пять лет это будет 25 процентов территории и касаться будет уже 70 миллионов человек. И тогда никто не сможет остановить этих людей в их повороте к «зеленому» протесту. Я не хотел бы этого. Это отчаянная ситуация, но я предвижу этот вариант как крайний, как самый плохой из возможных. Об этом нужно помнить.

Но есть и другие варианты. Если мы разом опомнимся, схватимся за голову — для чего мы и опубликовали наши «Белые книги»,— то возможность перейти на разумные технологии и экологически безопасное ведение хозяйства, безусловно, есть. Здесь не обойтись без западных инвестиций. И развитые страны готовы нам помочь, но они хотели бы убедиться, что мы не «проедим» эти деньги, как это уже бывало. Итальянцы предлагали СССР кредит в шесть миллиардов долларов. Условием кредита было: десять процентов должно пойти на введение экологически чистых технологий. СССР не смог использовать эту возможность.

А почему Запад хотел бы нам помочь? Все очень просто. Мы — грязный сосед в квартире. Нужно помочь ему почистить комнату — иначе всем будет хуже.

Если бы дело пошло по такому благоприятному варианту, то через два года могло бы наступить прекращение ухудшения экологического состояния. Обратите внимание: прекращение ухудшения, всего лишь. Затем наступает период стабилизации, который продлится около четырех лет. И только после этого — улучшение экологического состояния. В среднем по стране через десять лет мы могли бы начать жить в среде, достойной жизни человека. ●

Постановка А. Обросковой

В. Лапкин,
В. Пантин

Драма российской индустриализации

Трагический опыт последних семидесяти пяти лет, опыт противоестественного существования нации в условиях «социалистического эксперимента», не может быть вычеркнут из ее истории. Он нуждается в осмыслении. Наша историческая природа не вполне ясна для нас, и самые мучительные вопросы порою остаются без ответа.

Часть 1. Посев

Почему индустриальное развитие России, начатое в конце XIX века, завершилось крахом рынка и рыночных институтов?

Не приведет ли новая попытка форсированного перехода к рынку снова к отторжению российским обществом рыночных отношений? Каковы реальные последствия нынешнего кризисного распада индустриальной системы «развитого социализма»?

Завершение ли это эпохи индустриального развития и переход в постиндустриальную эру или в разряд стран развивающихся?

Иначе говоря, исчерпала ли себя стратегия, подчиняющая общественную жизнь нуждам индустриального развития и подавляющая на этом пути все многообразие социальных интересов и возможностей национальной самореализации, или же нет? И тогда Россия обречена в иных формах пережить еще один, новый оборот колеса насильственной индустриализации?

Вокруг этих вопросов бушуют политические страсти. А в основе полемики лежат неразрешимые противоречия общественного развития России, сформировавшиеся на долгом пути российской нерыночной индустриализации.

Со второй половины XIX века индустриализация в России — это магическое российское средство решения проблем военно-стратегического противостояния окружающим державам, доминанта развития. Не имея органичной, исторически сложившейся социальной основы рыночной индустриализации, Россия искала — и, к несчастью своему, находила — иные, нерыночные пути развития «стратегических отраслей промышленности». Такое развитие достигалось, однако, ценою нещадной эксплуатации людских и природных ресурсов. Продвигаясь по этому пути гигантскими, титаническими рывками, Россия всякий раз пожинала плоды общественного разорения. Каждый такой прорыв все основательнее разрушал ткань российского общества, подрывал основы благополучия и саму возможность последующего возрождения. Эти волны индустриализации — неотъемлемая черта российской истории XX века. Так или иначе с ними связаны все революции, войны, «социалистические эксперименты» и социальные преобразования страны в уходящем столетии. Какова же природа и исторические корни именно такой индустриализации?

Предыстория. С XI—XII веков и до второй половины XIX века **аграрная колонизация** оставалась ведущей, ключевой стратегией развития государства на Руси. Именно этот процесс с XIV века стал определять государственную политику «собирания земель» сначала в рамках Московского княжества, затем — Московского государства, позже — Российской империи.

Несмотря на смену эпох, правителей, форм государственного устройства, основы процесса аграрной колонизации сохранялись неизменными. В условиях низкой урожайности и примитивной культуры земледелия на старых, освоенных территориях быстро достигалось относительное аграрное перенаселение. Следствием этого была усиливающаяся потребность в новых землях, то есть в завоевательных походах и войнах. При этом государственная политика аграрной колонизации опиралась как на стихийные процессы крестьянской (северо-восток) или казацкой (южные степи, Зауралье) миграции, так и на методы принудительного переселения крестьян на новые земли. В результате такой стратегии к началу XIX века Россия стала крупнейшей по территории евразийской державой, занимавшей почти шестую часть суши.

Как показывает история Западной Европы, в обществе, развивающемся от родового строя к феодальному, торговые города, буржуазия, рыночные отношения могут стать устойчивыми образованиями лишь в результате завершения процесса экстенсивной внешней аграрной колонизации. Пока же этот процесс продолжается, докапиталистическое государство, опирающееся на служилое сословие, вотчинное землевладение и натуральное крестьянство, сохраняет возможность ограничивать и подчинять своим интересам рыночные отношения и их носителей.

Российское государство было уникальным образованием, **сдерживающим становление рынка** и на протяжении столетий поддерживающим процесс аграрной колонизации. До XVI века его экспансия охватывала территории с этнически и культурно родственным населением. Глубокий политический и хозяйственный кризис конца XVI — начала XVII века (Смута) обнажил роковую альтернативу российской истории: либо переломить культурные и государственные традиции Руси и приобщиться к европейскому порядку, либо же крайним напряжением национальных сил проложить государству путь аграрной колонизации вовне Руси, на земли Запада и Востока.

Натиск на Запад, как показал опыт Алексея Михайловича и Петра, оказался чреват катастрофическими потрясениями российского духа и быта. Присоединение Левобережной Украины усилило влияние католицизма на Москве, внесло раскол в российскую культурную традицию. В свою очередь Петру, «прорубившему окно в Европу», пришлось переломить прежний государственный порядок, революционизировать весь городской быт, создать мощнейшую по тем временам и неслыханную на Руси казенную мануфактурную и железоделательную промышленность. Но лишь переход во второй половине XVIII века к активной «восточной политике», к завоеваниям в Причерноморье, на Кавказе, в Средней Азии и на Дальнем Востоке позволил укрепить и стабилизировать государственный строй империи.

Вместе с тем Запад оставался слабым местом Российского государства. Победа в войне с Наполеоном, купленная разорением Москвы и западных губерний, усилила политическое влияние России в Европе, но не принесла новых значительных территориальных приобретений. Более того, созданием «Священного союза» европейских монархов Александр I положил предел экспансии России на Запад.

Но и на Востоке, несмотря на победы России в войнах с Турцией и Персией (1820—1830 годы), плоды этих побед оказались весьма скромными из-за дипломатического и экономического противодействия Англии и других европейских держав. Прямое столкновение с Англией и Францией стало неизбежно, когда натиск России усилился и в ходе борьбы

В. Лапкин, В. Пантин.
Драма российской индустриализации

за проливы ее восточная политика стала впрямую угрожать западным интересам.

Поражение в Крымской войне (1853—1856 годы) от промышленно развитых государств произвело сильное впечатление на высшую российскую бюрократию: по существу вся прежняя стратегия государственного развития была поставлена под вопрос. Это поражение подтолкнуло российское правительство к крестьянской реформе, сыграло роль мощного «корректирующего воздействия». И, конечно, сделало очевидной диковинную техническую отсталость России. Промышленная революция в Англии, переход к крупному машинному производству обессмыслили дальнейшее «соревнование» крепостнического хозяйства и капитала.

Первая попытка. Вскоре после 1861 года влиятельный министр финансов России М. К. Рейтерн поставил вопрос о необходимости создания сети железных дорог и механической промышленности, без которых «Россия не могла считаться вне опасности даже в собственных ее границах». Требовалось также радикальное оздоровление государственной финансовой системы, восстановление доверия к ней как внутренних, так, главное, и иностранных кредиторов.

Первоначально правительственная политика поощрения железнодорожного грюндерства и других видов предпринимательства давала заметные результаты.

Однако мировой кризис и последовавшая за ним депрессия (1873—1878) вновь ввергли Россию в полосу хозяйственных и политических осложнений. Нерешенность многих фундаментальных проблем российской экономики стала очевидной во время кризиса. Тяжелая промышленность, естественная основа национальной модернизации, влачила в России жалкое существование. Ключевая отрасль индустрии — металлургическая — не находила опоры для собственного развития, т. к. не находила адекватных своим потребностям источников концентрированных и долговременных инвестиций. В стране, известной своими богатствами, как выяснилось, отсутствовали естественные механизмы аккумулирования и производительного применения капиталов. С самого начала новой пореформенной эпохи, с «либеральных 1860-х», инициатива индустриализации России исходила «сверху», от всесильного государства, а не «снизу», от предпринимателей и купцов. Развитие крупной индустрии и средств сообщения диктовалось прежде всего соображениями государственной безопасности, а не интересами потребителя. Правительство, не находя опоры своим начинаниям на почве отечественной промышленности, вынуждено было проводить политику «фритредерства», поощряя ввоз фабрикатов, металла и оборудования. При этом торговый баланс России становился отрицательным, дестабилизируя финансы. Задача перехода к золотому обращению отодвигалась далеко в будущее. (Не правда ли, это чем-то напоминает современную ситуацию, с той разницей, что рыночная инфраструктура в России сто двадцать лет назад была более развита?)

Помещичье сословие не выработало за эти годы механизмов производительного вложения средств ни в промышленность, ни в сельское хозяйство, да, впрочем, и не имело к тому особых стимулов. Помещик оставался приверженцем старых полукрепостнических форм эксплуатации крестьянина. Доходы землевладельцев не превращались в капитал. И потому аграрный сектор не мог стать источником необходимых для индустрии накоплений. Получалось так, что капитал нужно было **привлекать** в Россию, образование капитала — и в этом основное противоречие формировавшегося механизма — **было вынесено вовне.**

Пример во многом близкой державы — Германской империи — не мог не вдохновлять Россию: она «железом и кровью» решила задачу привлечения в индустрию необходимых капиталов, присвоив себе контрибуцию поверженной Франции. Спасительным средством стабилизировать российские финансы было форсирование роста хлебного экспорта. Так вновь встал вопрос о проливах. М. Х. Рейтерн предупреждал Александра II в октябре 1876 года: война с Турцией может перерасти «в войну европейскую», что «повело бы не только к расстройству, но, смею выразиться, к погрому наших экономических и финансовых интересов». Но тщетно. Россия вступила в войну. Курс кредитного рубля упал с 85,6 в 1875 до 63,1 копейки золотом в 1879 году. «Погром» произошел. Жестокая, кровопролитная победа российской армии и не менее жестокое поражение российской дипломатии на Балканах перечеркнули плоды побед. Опять с остротой и болью встал вопрос о модернизации.

Две войны (1853—1856 и 1876—1878 годов) нанесли два удара по традиционным принципам хозяйственного строя России. Правительство видело в этом вопиющую необеспеченность своих внешнеполитических интересов. Именно эта необеспеченность и побуждала стремиться во что бы то ни стало насадить на русской почве современную крупную промышленность. Наступал перелом в хозяйственной жизни и всей многовековой истории России, начиналась эпоха российской индустриализации.

«Индустриальная революция» Александра III. За двадцать лет — с 1861 по 1881 — все слои русского общества, включая двор и аристократию, на собственном опыте убедились в живучести натурального уклада России. Именно этот уклад противостоял проникновению товарно-денежных отношений в российский быт. Трагедия состояла в том, что перестройка была и **неизбежна, и невозможна одновременно.** Хозяйственная жизнь России в этот период регулировалась прежде всего двумя государственными органами — Министерством финансов и Министерством внутренних дел. Эти два ведомства и стали главными источниками преобразований 1880-х годов. Во главе Министерства финансов в середине 1881 года становится бывший киевский профессор Н. Х. Бунге, последователь линии Рейтерна на нормализацию финансов, стабилизацию валютного курса рубля, сторонник активного вмешательства казны во все области хозяйства.

Одним из первых важных преобразований Бунге стало огосударствление железных дорог, находившихся до 1881 года преимущественно в частных руках, курс на государственное железнодорожное строительство, выкуп частных дорог (которые при существующей системе государственных гарантий их доходности были дополнительным источником дестабилизации финансов), создание единой системы условий перевозки и тарифа. В этот же период Россия переходит от фритредерства к явно протекционистской политике в отношении собственной обрабатывающей промышленности.

Рост казенных заказов, порождаемый этим курсом и таможенными ограничениями на ввоз фабрикатов, стал первым шагом к индустриализации. Вместе с тем, охраняя предпринимателей от опасностей падения спроса в условиях кризиса (1882—1886), правительство все более вторгается и в «патриархальный быт» российской промышленности, берет на себя функцию умиротворения подданных. В первой половине 1880-х годов вводится ряд законодательных актов, регулирующих отношения между пролетариатом и фабрично-заводским капиталом.

Для такой политики необходимы были источники финансирования. Однако новые внешнеполитические осложнения се-

редины 1880-х годов (напряженность вокруг Афганистана и угроза войны с Австро-Венгрией, при том, что военные расходы этого периода поглощали до трети бюджета) ставят под угрозу все усилия по стабилизации финансов. Россия вынуждена прибегнуть к новым внешним займам...

Курс кредитного рубля падает, падает до рекордного в истории уровня. Н. Х. Бунге уходит в отставку, и на смену ему назначается И. А. Вышнеградский. Это финансист нового типа, профессор Петербургского технологического института, механик, основоположник теории автоматического регулирования. С его именем и связан тот грандиозный переворот в российской финансовой системе, который на долгие годы, вплоть до первой мировой войны, определил основной механизм финансирования российской индустриализации.

1887 год стал сплошным сгустком взаимосвязанных событий. Уже к 1886 году обозначилось обилие ссудных капиталов на рынках Западной Европы и России при условиях низкого учетного процента (до двух и даже менее). Капиталисты парижской биржи принимают в 1887 году решение о финансировании строительства Сибирской железной дороги. В том же году, воспользовавшись как предлогом попыткой Бисмарка оказать экономическое давление на российское правительство путем вмешательства в дела берлинской биржи, Россия принимает решение о конверсии своих ценных бумаг и переводе их на парижскую биржу. Успеху этой операции способствуют огромные урожаи в России в 1887 и 1888 годах, связанное с этим неслыханное увеличение российского экспорта и столь же огромное превышение вывоза над ввозом, укрепившее доверие европейских финансистов к России.

С приходом Вышнеградского экспорт хлеба, и без того взвинченный в предшествующую эпоху, форсируется до предела, до роковой, как это выяснилось в 1891 году, черты — с 15 процентов общероссийского сбора в начале 1880-х до 20—22 процентов в 1888—1891 годах. Это дает возможность, несмотря на резкое понижение хлебных цен европейского рынка в период мирового аграрного кризиса конца 1880-х — 1890-х годов, неслыханно улучшить баланс внешней торговли, заложить реальную основу будущей финансовой реформы (таблицы 1, 2); рекордное положительное сальдо торгового баланса 1888 года (+398 миллионов рублей) будет улучшено только в 1903 году.

Сочетание чрезвычайных мер финансового и полицейского характера позволило обеспечить и резкое увеличение объема наличного товарного зерна. Крестьянство принуждалось к оплате податей (в том числе и недоимок по уже отмененным сборам) сразу же после сбора урожая при наиболее неблагоприятных для них низких ценах на зерно. И даже при высоких урожаях крестьянин не всегда имел возможность обеспечить себя до весны не только хлебом, но даже семенами для будущего сева. Как говорил Вышнеградский, «недоедим, а вывезем».

Неурожай 1891 года предъявил цену, уплачиваемую Россией за такую политику. Голод охватил девятнадцать производящих губерний. Несмотря на предостережения министра земледелия Ермолова еще в мае 1891 года о «надвигающемся страшном призраке голода», форсирование экспорта хлеба продолжалось. Всего голод и эпидемии, связанные с ним, унесли миллион жителей России. Экстренные меры потребовали затраты 161 миллиона рублей на продовольствие, поглотили почти все свободные средства казначейства. Недоимки в разоренных неурожаем местностях достигли гигантских размеров. Под угрозой оказалось доверие к финансовым обязательствам правительства и курс на стабилизацию российских финансов в целом.

В 1892 году в России появляется новый министр финансов — Сергей Юльевич Витте.

Бедствия 1891 года выявили кризис российского земледелия. Государство все в большей степени рассматривало аграрную сферу как объект фискальной политики и ориентировало свои инвестиционные потенции в индустрию. Если прежде, вплоть до середины XIX века, задача завоевания новых территорий для аграрной колонизации была одной из важнейших в политике, чем достигалось снижение остроты проблемы аграрного перенаселения в центре России, то «новая политика» обрекала российскую деревню на нищенство на грани выживания. В Поволжье к концу XIX века в сравнении с 1830-ми годами число неурожайных лет за десятилетие увеличилось с одного до пяти — восьми!

Так неумолимо происходил переход российской державы от стратегии аграрной колонизации к стратегии колонизации индустриальной. Уродливым был путь российской индустриализации еще и

потому, что из охранительных соображений самодержавио-помещичье государство предпочло сохранить и укрепить общину. И это при том, что абсурдность сохранения крестьянской общины в качестве основы будущего процветания России была ясна даже представителям высшей российской бюрократии.

Вот что писал в своих «Воспоминаниях» С. Ю. Витте: «...Как человек может проявить и развить не только свой труд, но инициативу в своем труде, когда он знает, что обрабатываемая им земля через некоторое время может быть заменена другой (община), что плоды его трудов будут делиться не на основании общих законов и завещательных прав, а по обычаю (а часто обычай есть усмотрение), когда он может быть ответствен за налоги, не внесенные другими (круговая порука), когда его бытие находится не в руках применителей законов (общая юрисдикция), а под благом попечительного усмотрения и благожелательной защиты маленького «батюшки», отца земского начальника (ведь дворяне не выдумали же для себя такой сердечной работы), когда он не может ни передвигаться, ни оставлять свое, часто беднее птичьего гнезда жилище без паспорта, выдача коего зависит от усмотрения, когда, одним словом, его быт в некоторой степени похож на быт домашнего животного, с тою разницей, что в жизни домашнего животного заинтересован владелец...»

В этих условиях индустриальное развитие оказывалось убогим. Специфическая рабочая сила, исторгаемая общиной, ставила предел массовому распространению новых технологий в промышленности. Для развития индустрии оставался путь безудержного количественного, экстенсивного роста, требующего все новых и новых ресурсов, все большего изнурения докапиталистических общественных укладов...

И вот что получается. Классический вариант индустриализации для западных держав конца XIX — начала XX века, это когда внутренние ресурсы страны используются максимально, мобилизуя и аккумулируя капитал, технологии, высококвалифицированное массовое производство, в то время как внешняя колониальная система обеспечивает дешевые сырьевые и людские ресурсы. В российской индустриализации «все наоборот»: засилье иностранных капиталов, поощряемое государством, при сохранении архаичных аграрных отношений, превращающих российскую деревню во «внутреннюю колонию», обеспечивающую развитие индустрии.

Расцвет и кризис. Объективно внешняя картина выглядела так. Государственная программа железнодорожного строительства, подкрепленная соответствующими таможенными и финансовыми мероприятиями, сотворила невозможное — был совершен колоссальный рывок в развитии российской промышленности, и прежде всего тяжелой индустрии.

Важно понять следующее. В основу политики индустриализации была положена система казенных заказов военного и финансового ведомств — это первое. И второе: широко привлекался заемный капитал Запада. Такая система совершенно игнорировала развитие внутреннего рынка, немонопольного, широкого

спроса. Железнодорожное строительство проводилось государством за счет облигационных займов, по большей части размещенных за границей, и налогов. А это создавало дополнительные возможности для прогресса индустрии независимо от потребительского спроса на ее продукцию.

Достаточно быстрая и практически «бескровная» победа казенного предпринимательства над частным в области тяжелой индустрии в 1880-е — 1890-е годы предопределила второстепенность для российского государственного аппарата вопросов **собственно промышленного развития.** «Частный» интерес был подчинен казенному. Для казны же первостепенными были вопросы финансовой стабильности, стабильности в сфере, где правительство чувствовало себя не столько хозяином положения, сколько должником. Важнейшим правительственным актом этого периода стала денежная реформа 1897 года, переход к золотому обращению и девальвация кредитного рубля. Наконец-то казна реализовала свой план, который вынашивала несколько десятилетий! Создавались прекрасные условия для самого широкого привлечения иностранных капиталов в основные фонды тяжелой промышленности России. И результат не замедлил явиться: доля иностранных капиталов возросла с 35 процентов в 1895 году до примерно 50 процентов в 1900.

Однако с конца 1898 года на биржах Западной Европы начал ощущаться недостаток ссудных капиталов, обозначился резкий рост процента, и приток капиталов в Россию приостановился. Начались банкротства в промышленности. Для поддержки резко падавшего курса ценных бумаг образуется так называемый «биржевой красный крест» — консорциум частных банков под руководством государственного банка. Госбанк, стремясь заступить место частных банков в кредитовании хозяйства, резко увеличивает свои учетно-ссудные операции.

Оживают механизмы «борьбы с кризисом» и «государственные спасания» банков и предприятий. Ряд крупнейших металлургических и машиностроительных предприятий — Невский, Александровский, Керченский, Донецко-Юрьевский и другие — переходят в собственность Госбанка и в его фактическое управление. Кризис, свертывание темпов железнодорожного строительства дают импульс росту монополистических объединений в сфере индустрии. Коммерческая легализация сбытовых монополий, вызванная кризисом, порождает лавину картелей и синдикатов с достаточно жесткой внутренней организацией.

В этих условиях монополия вырастала из узости внутреннего рынка, хронической малоразвитости и недифференцированности спроса, особенно — что касалось многомиллионной российской деревни. Даже в 1908 году, после начала столыпинской реформы, в записке Совета съездов представителей промышленности и торговли о спросе со стороны деревни говорилось прямо-таки с иронией: «Мечтать об укреплении нашей металлургической промышленности на основе подков, осей, кованых колес, плугов и спасительных для русского крестьянства железных крыш практическим людям вовсе не к лицу. Разумеется, можно заняться арифметикой и подсчитать, сколько железа потребуется на все русские крыши, сколько пойдет на ковку лошадей. Однако все это остается лишь арифметикой, не имеющей ничего общего с велениями текущей жизни...»

Политическая стратегия самодержавия разрывалась «между прошлым и будущим», между необходимостью укрепления внешней мощи и сохранения незыблемых основ внутреннего порядка. Потому пестование высокопроизводительной тяжелой индустрии сочеталось с охранительными мерами в отношении аграрного строя империи. Такое вынужденное сосуществование и предопределило уродливые, совершенно ненормальные пути развития индустрии в России.

Развитие крупной промышленности вынуждено было подстраиваться к ситуации преобладания дотоварного хозяйства, к монопольной роли казенного спроса. Возникал своего рода заколдованный круг: дотоварность и нищета деревни определяли узость внутреннего рынка, его расширение подменялось ростом казенного спроса и субсидиями, что в итоге вело к сохранению и усилению нищеты крестьянства, попросту к его разорению. За счет увеличения государственного спроса, государственного предпринимательства создавалась видимость расширения внутреннего рынка, но как только казенный спрос падал, сразу обнажалась узость рынка: «...нигде за границей не существует такого легко сжимаемого рынка, как у нас. С одной стороны, массы населения живут урожаем, нигде не зависящим столько от случая, как у нас, с другой стороны, нигде казна и политика казны как одной из крупнейших потребительниц не играет такой крупной роли. Неурожай и сокращение казенных заказов в совокупности могут вызвать сокращение спроса до размеров, почти катастрофических»,— отмечалось в докладе на VIII съезде представителей промышленности и торговли в 1914 году.

Последствия активной деятельности государства по объединению промышленников в монопольные организации, по их «пристегиванию» к государственной системе накопления были вполне закономерны. Государство по существу «удушало в объятиях» предпринимательские, частнокапиталистические элементы, лишая их самостоятельности и стимулов к росту производительности труда. Оно поощряло, словами того же Витте, «предпринимательское распутство» российских промышленников, «не желающих иметь конкурентов в своей области» и использующих средства, гарантируемые казною. **Российский индустриальный гигант вырастал обличьем своим, разительно отличаясь от своих западных собратьев.**

Предварительные итоги. Российская индустриализация началась, когда класса буржуазии в России еще не было. И более того, когда при попытке реализации либерального варианта буржуазных преобразований режим Александра II столкнулся с серьезнейшими экономическими и политическими проблемами как внутри страны, так и за ее пределами.

Затруднения «на пути к прогрессу» были преодолены типично российским способом. За отсутствием соответствующей державным потребностям общественной инициативы само государство выступило в роли «псевдосубъекта» индустриализации, опосредующего взаимодействие «производство без капиталов» России и «капиталов без производства» Западной Европы*.

Интересы самодержавной политики предопределили условия становления российского промышленного предпринимательства.

Колыбелью отечественной буржуазии стало прокрустово ложе государственно-бюрократической опеки. В государстве искала она защиты от конкурентов и кризисных явлений, свойственных рынку, а в монополии — средство подавления претендентов на государственную помощь и участие. Рынок подменялся борьбою за государственные заказы, за протекционизм и благосклонность. Проблема накопления инвестиционных ресурсов сводилась к проблеме доступа к механизму международного финансирования российского правительства и гарантируемых им предприятий. Проблема политической консолидации буржуазии отступала на второй план перед необходимостью сохранения лояльности по отношению к финансисту и гаранту процветания российского делового мира — самодержавию.

Такая индустриализация вела не к развитию, а к деградации и слому товарно-денежных связей. **Задача развития рыночных отношений подменялась усилением эксплуатации дотоварных укладов.** Разрушение прежнего равновесия в аграрной сфере вело к деградации крестьянства как сословия, к дестабилизации

традиционных социальных связей. Прежняя полнота социального бесправия крестьянства дополнялась полнотою хозяйственной ответственности за избранную государством стратегию национального развития. Массовые голодовки и разорение крестьянских хозяйств, массовые миграции впрямую формировали паупера как все более внушительный социальный слой России, как ключевую политическую фигуру в преддверии назревающих потрясений. Зубы дракона были посеяны. Всходы не заставили себя долго ждать.

* В результате естественные процессы формирования российской национальной буржуазии оказались под мощным прессингом «ускоренной индустриализации», навязанной России мировым рынком.

В таблицах использованы статистические данные, приведенные в следующих публикациях: «Краткий очерк внешней торговли и таможенных доходов России за 1884—1894 годы» под редакцией В. И. Покровского, Санкт-Петербург, 1896 год; энциклопедический словарь «Гранат», том 36, статья «Россия», 1913 год; А. Ф. Яковлев. «Экономические кризисы России», Москва, 1955 год.

Таблица 1

Среднегодовые (по пятилетиям) показатели внешней торговли России

Годы	Вывоз	Ввоз	Баланс	Вывоз хлеба	
	(в млн рублей)			(млн руб.)	(млн пуд.)
1861—1865	226	207	+19	56,3	79,9
1866—1870	317	318	—1	95,1	130,1
1871—1875	471	566	—95	172,4	194,1
1876—1880	527	518	+9	281,7	287,0
1881—1885	550	494	+56	300,1	301,7
1886—1890	631	392	+239	332,1	413,7
1891—1895	621	464	+157	296,7	441,1
1896—1900	698	607	+91	298.8	444,2

Таблица 2

Хлебный вывоз России в период 1886—1895 годов

Год	Вывоз хлеба			Прочий вывоз	Общий вывоз	Ввоз
	(млн. пудов)	(% от урожая)	(млн рублей)	(млн рублей)		
1886	274		228	256	484	427
1887	386	15,2	285	332	617	400
1888	541	21,1	434	350	784	386
1889	462	22,5	371	380	751	432
1890	413	18,4	334	318	692	407
1891	385	21,9	348	359	707	372
1892	184	8,7	161	315	476	400
1893	398	13,4	289	310	599	450
1894	630	21,2	373	296	669	554
1895	608	22,7	312	377	689	526

1. Если к началу 1861 года в стране насчитывалось всего 1488 километров железных дорог, то далее их прирост по пятилетиям составлял: 1861—1865 годы — 2055 километров, 1866—1870 годы—6659 километров, 1871—1875 годы — 7424 километра. Уверенно росла добыча угля (с 18,3 миллиона пудов в 1861 году до 109,1 миллиона пудов в 1877 году), значителен был прирост отраслей текстильной и пищевой промышленности.

2. Грандиозное железнодорожное строительство осуществлялось за счет импортируемого металла (импорт металла с 1860 по 1870 год вырос в двенадцать раз и еще вдвое в 1870-е годы, импорт железа и оборудования для железных дорог в 1870-е годы составил огромную по тем временам сумму — около миллиарда рублей). Импорт достигал 60 процентов потребляемых товаров производственного назначения. (Стоимостный объем импорта восьмидесятых годов будет превышен только в 1899 году, а окончательно — лишь с 1904 года.) На фоне огромного спроса на металл особенно изумляет застой в российской металлургии: 20,5 миллиона пудов чугуна в 1861 году и 24,4 миллиона пудов — в 1877. К концу 1870-х годов лишь 4 процента черного металла выплавлялось на минеральном топливе, 80 процентов паровых двигателей в промышленности работало на древесном.

Тогда же, в 1887 году, после семилетнего застоя, появляются признаки оживления в тяжелой промышленности (после практически нулевого роста выплавки чугуна с 1880 по 1886 год прирост в 1887 году составил 15 процентов). Это было прямо связано с усилением в то же время таможенного протекционизма и началом осуществления программы государственного железнодорожного строительства.

Конец 1880-х годов характеризуется бумом строительства новых гигантских, не сравнимых с прежними заводов черной металлургии юга России, работающих на каменном угле, в десятки раз превосходящих среднероссийский уровень производительности и энерговооруженности. Уже к 1890 году произошло удвоение производства рельсов по сравнению с серединой 1880-х годов. В 1891 начинается строительство Сибирской железной дороги (7 тысяч километров), в том же году закладывается восточный конец Приморской железной дороги, демонстрирующий конечную цель и масштабы всего предприятия. Правительство вводит знаменитый таможенный тариф 1891 года, облагающий импорт угля и железной руды, десятикратно увеличивающий пошлину на чугун, в четыре-пять раз — на железо, рельсы и другое.

Россия в 1890-х годах побила все европейские рекорды железнодорожного строительства, уступая лишь Соединенным Штатам (рекорд 1898—1899 — до 5 тысяч километров за год). За период промышленного подъема 1890-х годов промышленное производство в целом удвоилось, а производство средств производства утроилось. Выплавка чугуна увеличилась почти втрое, стали — вшестеро, продукция машиностроения выросла в четыре раза, производство паровозов — в десять раз. В этот период, вопреки всем канонам классической экономической науки, именно развитие тяжелой промышленности обеспечивало в России расширение внутреннего рынка для легкой промышленности, не находившей удовлетворительного спроса со стороны деревни.

3. Выработка на одного рабочего с 1887 по 1900 год увеличилась в тяжелой промышленности на 83 процента, в легкой — на 30 процентов. В целом темп развития тяжелой промышленности вдвое превышал темп развития легкой.

От 25 до 33 процентов продукции черной металлургии составляли рельсы, а вместе с другими железнодорожными принадлежностями заказы железных дорог составляли и до 50 процентов ее продукции. Только одна Сибирская железная дорога потребляла до 50 процентов прироста металлургии; особенно велика была доля железнодорожных заказов в металлургии Юга — нового района индустрии, ставшего ключевой угольно - металлургической базой крупной промышленности.

В горной промышленности доля иностранного капитала выросла с 58 процентов в 1890 году до 70 процентов в 1900, в металлической — соответственно с 32 до 42 процентов.

Картели и синдикаты охватывают большую часть отраслей тяжелой промышленности: рельсовый картель (образован в 1900 году); синдикат «Продамета» (1902 год); стрелочный синдикат (1902 год); картель трубопрокатных заводов (1902 год); картель заводов кровельного железа (1901 год); с 1906 года синдикат «Кровля»; «Продпаровоз» (1901 год); «Продвагон» (1902 год); снарядный картель (1902 год); объединение мостостроительных заводов (1903 год); синдикат «Гвоздь» (1904 год); «Продуголь» (1904 год); «Южный цементный синдикат» (1900 год); картель «Нобель-мазут» (1903 год) и другие.

4. С самого возникновения русской индустрии производство важнейших изделий было сосредоточено на очень небольшом числе предприятий. По данным Л. В. Кафенгауза, в 1903 году во всей России было всего 13 рельсопрокатных заводов, из которых 7 заводов (главным образом южных) производили до 90 процентов всех рельсов в России. Трубопрокатных заводов было 9, вагоностроительных — 15, паровозостроительных — 8 и т. п.

Государство было инициатором полной монополизации производства и сбыта железнодорожных материалов (здесь возникло нечто вроде государственной монополии с планируемыми ценами и распределением заказов на несколько лет вперед), принудительного синдицирования сахарной промышленности (распределение квот производства шло через Министерство финансов), синдиката бакинских производителей нефти, созданного в 1893 году под надзором все того же Министерства финансов (для усиления позиций синдиката в его борьбе с рокфеллеровской «Стандарт ойл» правительство предоставило льготные тарифы перевозки синдикатской нефти по железной дороге к Черному морю) и т. д. ●

Микроволны лечат, но непонятно, как
Водолазом — хорошо, а космонавтом — лучше
Мыс недоброй славы

Различные электромагнитные поля применяют, и с заметным успехом, как лечебное средство, хотя понимание механизмов их воздействия на организм, так сказать, запаздывает. В последние годы в поле зрения исследователей попал участок диапазона миллиметровых радиоволн — такие микроволны обладают хорошо выраженным физиотерапевтическим действием и уже достаточно широко используются в медицинской практике. Но ясности в том, за счет какого биофизического механизма возникает столь положительный эффект, нет. Очевидно одно — микроволны не нагревают биологическую ткань, температурные перепады до и во время облучения не превышают десятых долей градуса. Эффект, следовательно, в чем-то другом. В чем? Возможно, излучение воспринимается кожными рецепторами, в обычной жизни отвечающими за чувство осязания? Эта гипотеза стала уже рабочей, и ее пытаются проверить с разных сторон.

Совсем, казалось бы, издалека подошли к ней физиологи из санкт-петербургского Института физиологии имени И. П. Павлова РАН и Карадагского отделения Института биологии южных морей АН Украины. Они обратились к рыбам, имеющим гораздо более развитую систему кожных рецепторов, чем человек, в частности к акулам и скатам. У этих рыб среди таких рецепторов есть особые, называемые «ампулами Лоренцини», которые, кроме осязания, ощущают еще и слабые электрические токи. Вот их-то и решили проверить на возможную чувствительность к миллиметровым микроволнам. Для этого черноморские скаты были подвергнуты весьма сложной процедуре электрофизиологического опыта, но результат был получен однозначный — они, эти «ампулы», чувствуют микроволны ничтожной интенсивности.

И если у человека, среди его кожных чувствительных клеток, найдутся аналоги электрорецепторов рыб, то можно будет с уверенностью говорить о том, что эти клетки воспринимают микроволны.

Кессонная болезнь возникает всякий раз, когда водолаз нарушает определенный порядок перехода от одного давления к другому. Она проявляется всевозможными болями и поражениями, а вызывается тем, что в крови образуются пузырьки азота. Только постепенный перевод организма от одного уровня давления к другому позволяет избежать этого нежелательного эффекта. Но есть, возможно, какие-то перепады, которые еще можно было бы преодолевать разом, без риска возникновения кессонной болезни. Точное их знание позволило бы в ряде случаев в практике водолазного дела обойтись без дорогостоящих декомпрессионных камер.

Теоретически пытаются решить эту задачу в московском Институте медико-биологических проблем. Здесь построили математическую модель, учитывающую все физико-химические и физиологические параметры процесса, а ее анализ дает неутешительные результаты. Риск возникновения кессонной болезни сохраняется при перепадах давления меньше половины одной атмосферы. Так что декомпрессия в камере все-таки нужна. Но вот что странно. У космонавтов, выходящих в открытый космос, перепад давлений воздуха между кораблем и скафандром получается гораздо большим, однако ни в одном из восьмидесяти пяти случаев выхода человека в космос не было отмечено признаков кессонного заболевания. Почему?

Ученые-медики считают, что дело здесь в физической малоподвижности космонавта по сравнению с водолазом. Из-за этого пузырьки азота в крови не успевают образоваться. Хотя и здесь, в космосе, некоторая теоретическая вероятность кессонной болезни все-таки сохраняется.

Морские волны возникают на поверхности океана от многих причин — ветра, перепадов температуры, давления, других факторов. Большие волны представляют опасность для мореплавания, поэтому их желательно уметь прогнозировать заранее. Несколько лет назад нашими учеными было выдвинуто предположение о том, что поверхностные волны, проходя через морское течение, могут иногда захватываться им, концентрироваться в нем в определенных местах, где вследствие этого возможно накопление большой разрушительной энергии. Высказывались также подозрения, что как раз этот эффект и действует в районе, снискавшем недобрую славу у моряков,— у мыса Игольный, что у южной оконечности Африки. Именно там почему-то регулярно случаются кораблекрушения.

Проверить гипотезу решили севастопольские ученые из Морского гидрофизического института Украинской АН. Их судно «Академик Вернадский», правда, не стало искушать судьбу в далеких южных широтах, а отправилось поближе, в Атлантику, в зону течения Гольфстрим. Здесь можно было вести контроль самого течения, а также и всех поверхностных волн, используя спутниковую информацию, данные бортовой радиолокационной станции, результаты прямых гидрофизических измерений. Так вот, оказалось, что при некоторых сочетаниях параметров основного течения и бегущих через него волн течение начинает действовать как волновод. Это значит, что поверхностная волна, обычно легко пересекающая морское течение под любым углом, попав в волновод, преломляется в нем и, оставаясь «захваченной», может накапливать здесь свою энергию. И кораблю, попавшему в такой естественный волновод, придется очень нелегко.

...А находящийся по соседству со знаменитым мысом Доброй Надежды мыс Игольный, где «работает» этот механизм, можно было бы назвать «мысом Недоброй Славы».

Почему щит — в левой руке?
Мумие, полезное и вредное
Маленькие хитрости микробных миров

Среди людей есть левши и правши, о чем всем известно. Такое же разделение существует и у животных — млекопитающих, рыб, беспозвоночных. И что характерно — правшей всегда больше. Тому имеется и научное объяснение, выражаемое одним словом: «асимметрия», а заключается оно в том, что разные полушария головного мозга играют в жизни разную роль. В последнее время новосибирские исследователи из Института клинической иммунологии Российской АМН получают все больше данных о том, что мозговые полушария по-разному управляют и иммунитетом соответственно левой и правой стороны тела. И тут, возможно, в перспективе будет очень важно знать, откуда пришла к нам инфекция — слева или справа. Потому что тогда и борьба с ней внутри организма будет проходить, так сказать, с разным «накалом».

Чтобы еще раз убедиться в этом, ученые провели опыты на мышах, которым в лапки вводили уколы с чужеродным белком. Организм бурно протестовал, выделяя антитела, но по-разному, в зависимости от того, в какую лапку делали укол — в левую или в правую. Разница, однако, не очень большая. Наиболее ясный ответ был получен при анализе клеток костного мозга, выделенных из бедренных костей лапок. А именно: в левой лапке лимфоидные клетки размножались быстрее, что, видимо, говорит о несколько большей иммунной защищенности левых конечностей по сравнению с правыми,— разумеется, когда речь идет о правшах.

Может быть, и по этой причине тоже воин в ближнем бою всегда подставляет врагу левую руку со щитом, инстинктивно отодвигая правую подальше?

В народной медицине в последние годы то затухает, то вспыхивает вновь увлечение препаратами из горного мумие. Говорят, оно помогает от всех напастей и даже больше. Поскольку водится этот «горный воск» далеко, где-то в горах Средней Азии, то и попадает он к нам через многочисленных посредников-перекупщиков, а не прямо от старателей. Естественно, возникает проблема подлинности, ибо часто доверчивому покупателю вручается, и за немалые деньги, совсем не то...

Нельзя сказать, что большая наука обходит стороной многовековую практику целебного применения мумие. Просто нездоровый шум, всякий раз возникающий при обнаружении очередной панацеи, отпугивает серьезных ученых. Вот и сейчас, дождавшись спада очередной волны всеобщего увлечения препаратом, за его исследование взялись московские ученые из Института физико-технических проблем РАН и Государственного научно-исследовательского и проектного института редкоземельной промышленности. Они изучили химический состав «подлинных образцов» из разных горных районов стран СНГ и получили уже некоторые новые данные. Вот они.

В настоящем мумие в отличие от поддельного, оказывается, обязательно должны присутствовать следующие элементы: натрий, калий, магний, кальций, железо, бор, фосфор, мышьяк, ртуть, таллий, свинец и торий. Если хотя бы одного из них в образце нет, считайте, что перед вами подделка. Целебные свойства наличествуют в мумие из-за присутствия в нем других веществ — редкоземельных элементов лантаноидов. При этом многие виды мумие могут быть и вредны: некоторые из «обязательных» веществ содержатся в них в количествах, в тысячи раз превышающих их предельно допустимые концентрации в воде и пище. Так что без предварительной глубокой технологической очистки природное мумие, даже вполне настоящее, глотать не стоит.

Экосистема — это замкнутый мир организмов, вполне обходящийся без пришельцев. Здесь одни обитатели благополучно поедают других, а продукты обмена или останки первых служат пищей для вторых. Конечно, эта система открыта для солнца, воздуха, воды и минеральных веществ, но любые колебания факторов среды вызывают своего рода реакцию компенсации — заметные сдвиги как в численности, так и в видовом разнообразии населяющих экосистему организмов. Особенно четко это прослеживается на изолированных сообществах микробов. Но есть среди подобных сообществ такие, где видов совсем мало, например в осадках или илах сточных вод,— там они подвергаются шоковым воздействиям ядов, токсичных металлов и при этом как-то выживают.

За счет чего же тогда обеспечивается устойчивость всей системы? Если видов мало, то вымирать уже некому, а жить надо — примерно такова суть проблемы, которую пытаются разрешить совместно специалисты МГУ и Самарского медицинского института.

Как же тогда должны поступать микроорганизмы? Они, не меняя числа видов и численности индивидов, просто меняют биохимический состав своих выделений — к такому выводу пришли исследователи.

Действительно, контрольные опыты показывают, что нормальная микробная экосистема по мере своего развития выделяет в раствор каждый раз разные метаболиты, в основном низкомолекулярные ферменты. Вначале выделяются одни из них, потом другие, третьи и так далее. А вот когда на сообщество начинают действовать стрессовые факторы, порядок и интенсивность выделения указанных веществ резко изменяется. Более того, через какое-то время, по мере приспособления к новым условиям, прежний «график» выделений возобновляется.

Как полагают исследователи, здесь мы имеем дело с новым типом адаптации экосистем к повреждающим влияниям среды, который построен не на гибели, а на биохимических переменах в выделяемых продуктах обмена.

БЕСЕДЫ О СОЦИОЛОГИИ

С. Климова

Кто живет в нашем городе, или

Опыт стратификации, предпринятый случайным прохожим

Освобождение из сложившихся за годы тоталитаризма противоестественных форм жизни оказалось для многих дорогой не к самостоятельности, а к отчуждению. Американский историк Р. Пайпс пишет: «Когда коммунистическое руководство решило ослабить абсолютность своего владычества и вступить с обществом в отношения ограниченного партнерства, оно обнаружило, что никакого общества нет, а значит, нет и партнера. Налицо лишь миллионы атомизированных индивидуумов — некоторые из них отчуждены и обозлены, большая же часть их — безразлична».

Так же воспринимает ситуацию журналист М. Глобачев: «На крайнем Западе распавшегося Союза — типичный провинциальный «город»; в большинстве исламских регионов — слабо затронутая культуртрегерскими усилиями «мировая деревня». На долю России остался сплошной «бидонвиль» — пригород, смесь трущобы с посадом. Это — поле отчуждения, бесформенное скопление слабо связанных друг с другом человеко-единиц, в большинстве своем утративших навыки общинника (альтруистическую трудовую этику и почтение к традиционным авторитетам), но и не приобретших ценности гражданина (социальной самостоятельности, персонального достоинства и почтения к законам). ...Главенствующие персонажи в этом пространстве — чиновник, торговец, бандит, нищий с рядом промежуточных и переходных вариантов».

Но есть и оптимисты. Журналист Д. Горелов считает, что помимо «волосатых нигилистов, матрешечников, алкашей, феминисток, бездельников и прочих мутантов, которыми славен переходный период», у нас вполне хватает «истинных правых» — «дельных работяг-обывателей, начинающих с ничего свой дом и свое дело».

Сами такие публикации — а их много — свидетельствуют, что в обществе начался важный этап. Человек, бесспорно, перестал быть частью коллективного сознания. Он стал автономным и просто вынужден сопоставлять, выбирать, налаживать новые связи: экономические, культурные, духовные. Эти связи формируют новую структуру общества. И попутно как-то осмысляются. Как именно?

Есть такой метод исследования: людям предлагают завершить оборванную фразу. Например: «Люди в нашем городе делятся на...» Эту методику десять лет назад разработал известный советский социолог В. Ольшанский, чтобы изучать с ее помощью межличностные отношения. В 1983 году таким образом было опрошено три тысячи человек. Конечно, это были не случайные прохожие, а люди, представлявшие разные социальные группы общества — так строилась выборка. Среди этих трех тысяч было 210 студентов Московского автодорожного института.

В 1992 году нам удалось частично повторить тот эксперимент. Мы опять отправились в МАДИ и попросили 213 студентов закончить все ту же фразу: «Люди в нашем городе делятся на...».

Что мы, собственно, хотели и могли узнать таким образом? По сути мы предложили студентам создать некий наивный, непрофессиональный, обыденный вариант социальной стратификации. Какие группы они выделяют в городе? Как в ним относятся? К каким причисляют себя?

Разумеется, мы не собирались таким образом изучать реальную структуру общества — нас интересовало лишь представление о ней обыденного сознания. Дело в том, что представления о других людях определяют отношение к ним, предполагают сотрудничество или враждебность, склонность к личностным или безличным, формальным отношениям. Интересовало не только и даже не столько, какие именно группы видят, выделяют наши собеседники, сколько сами принципы структурирования. Какие признаки кажутся им важными, какие их совершенно не волнуют?

И особенно интересно было сравнивать ответы, прозвучавшие сегодня и десять лет назад.

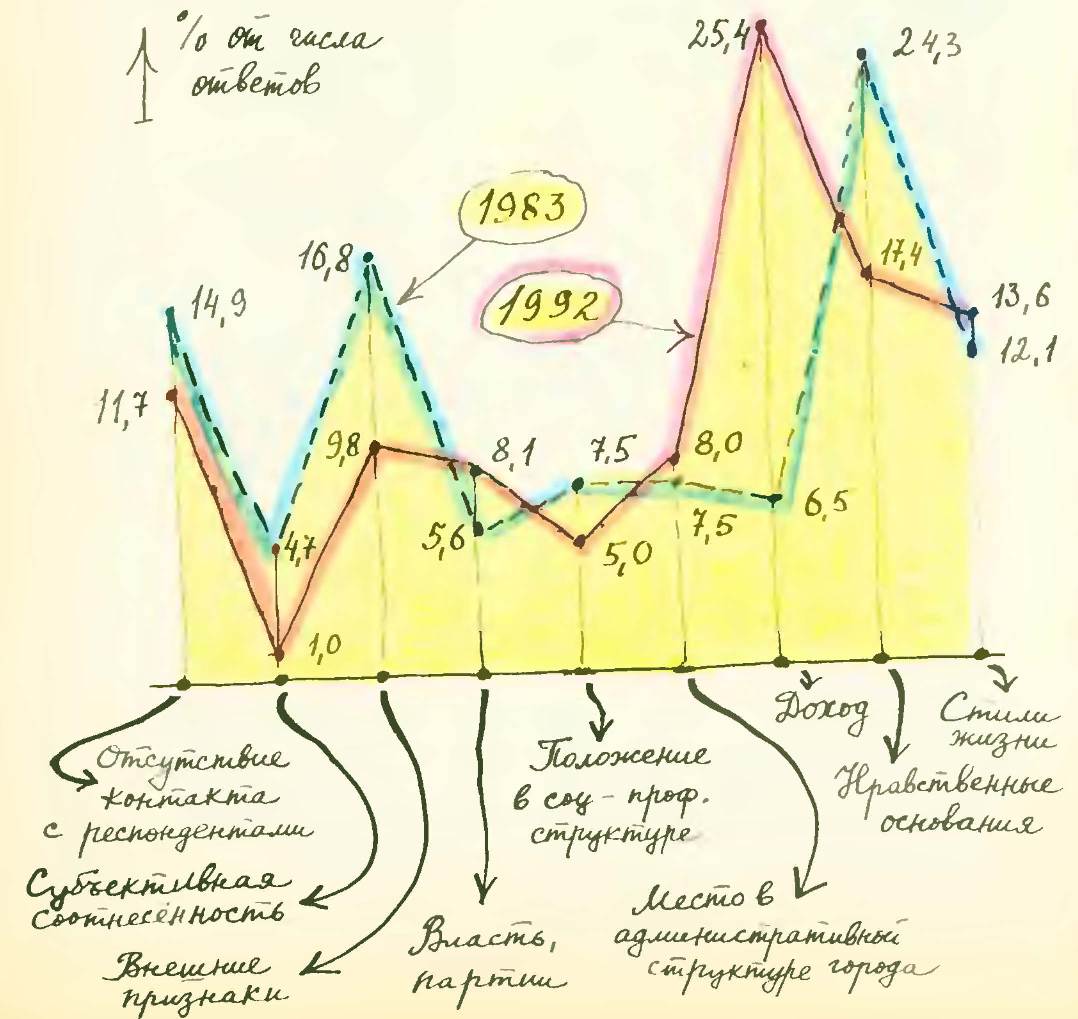
Население не делится

Социологи всегда стараются понять отказ сотрудничать с ними или уклонение от ответа. Проективная методика позволила обнажить мотивы отказа. Просто пропущенных строк по предложению «Люди в нашем городе...» было 8,9 процента в 1983 году и 7,0 — в 1992. Это немного, если сравнивать с типичным числом отказов в традиционных открытых вопросах социологический анкет.

> 1983
>
> ...Оно вообще не делится, поскольку у нас все равны...
>
> ...Население составляет «единый монолит»

Еще 7 процентов в 1983 году и 4,6 — в 1992 мотивировали свой отказ. Воспитанные писали: «неясен вопрос»; грубияны — «на дураков вообще и дураков с инициативой вроде вас»; остряки предлагали делить на «два и пять»; растерянные писали: «на всяких субъектов».

Не делили людей и идейные сторонники равенства. Среди студентов в 1983 году таких оказалось три человека; в 1992 таких идеалистов уже не было. Мягко говоря, странными кажутся поэтому утверждения некоторых публицистов, что отказ от принципов равенства стал для народа большим потрясением.

Если судить по нашим данным, мало кто принимал всерьез лозунги о «формировании однородного общества» и десять лет назад.

Остальные 84,5 процента в 1983 году и 88,4 — в 1992 выделили разные социальные группы в структуре города. Есть ли в этом городе «свои» или все «чужие»?

Свои и чужие

Не часто наши студенты делили окружающих только по чисто субъективному признаку — на «своих» и «чужих», приятных и неприятных, нужных и ненужных. Подобных ответов в первом исследовании было 4,7 процента; во втором — 1,0. Во втором и отказов от ответа было меньше. Возможно, представления о дифференциации общества стали более определенными?

1983

Свои это:
...кого я знаю и понимаю,
...с кем у меня полное доверие,
...кто мне всегда поможет,
...кого я знаю и с кем у меня общие взгляды.
Чужие это:
...равномерно однородная масса,
...черт знает кто,
...неинтересные для меня люди,
...с кем я не могу общаться.

«Свои» по нашим анкетам десятилетней давности — это друзья, непосредственное окружение, малая группа, а не политическая партия, этническая или профессиональная общность. Л. Седов считает ориентацию на узкий круг «своих» синдромом неразвитого, «подросткового» сознания. Однако и возможностей причислять себя к более широким социальным общностям, согласимся, в 1983 году было куда меньше.

Так, возможно, мы взрослеем, переставая видеть «своих» только в тесном кругу друзей?

А может, при этом кое-что и теряем?

Женщины, блондины, старики и евреи

Цвет волос, пол, возраст, национальность как критерии для деления людей города мы объединили в одну группу: «Внешние (формальные) основания». В 1983 году таких ответов было 16,8 процента (второе место); в 1992 — 9,8 (четвертое).

«Внешними» эти основания мы назвали, потому что поначалу решили: кроме способности увидеть в толпе лишь людей разного возраста и национальности,

1983

...большинство — женщины (женщины),
...на хороших и плохих женщин (мужчина),
...женщины: 1 — попроще, 2 — поизысканнее. Мужчины — все сволочи (женщина),
...на несколько наций,
...разных национальностей,
...евреев и всех остальных.

1992

...на «крутых» парней, хорошеньких женщин и всех остальных (мужчина).

блондинов или брюнетов, мужчин и женщин, за такими ответами не стоит никакого отношения к этим группам.

Оказалось — не так.

В 1992 году почти в два раза реже упоминались признаки пола. Население города приобрело другие, более значимые черты.

В 1983 году мужчины в лучшем случае служили не очень выразительным фоном для женщин, в худшем — получали негативные ярлыки.

Десять лет спустя чаще всего употребляется клише «мужчины и женщины». Но при этом мужчины стали стабильно упоминаться первыми (как в мужских, так и в женских ответах) и приобрели кое-какие дополнительные характеристики, почти отсутствовавшие ранее. Не исключено, что это связано с возросшими возможностями для мужчин проявить себя в самых разных социально-экономических ролях.

Если бы анкета составлялась как традиционный закрытый опросник, в нем, скорее всего, было бы деление на молодых и старых или взрослых и детей. Закрытому вопросу предписана нейтральная формулировка, поэтому с ее помощью невозможно уловить эмоциональное отношение — такое, как в высказывании; «люди делятся на молодежь и архаизм» (1992 год). «Архаизм» — это не «старики» и не «пожилые» (которые могут вызвать интерес и уважение). «Архаизм» — это нечто давно отжившее и существующее сейчас по какому-то недоразумению. Любопытно, что в исследовании 1983 года оценочных высказываний по поводу возраста практически не было.

В нашем городе, конечно, живут и люди разных национальностей. Какие национальности заслужили быть отмеченными и с какими эмоциями? Упоминаний

об этом и десять лет назад было мало (три) и сейчас немного (восемь).

Так что национальные проблемы жителя Москвы не очень волнуют. Но качество, эмоциональная нагрузка таких высказываний изменились.

Все три высказывания 1983 года нейтральны. Сейчас во всех восьми анкетах — негативное отношение к инородцам.

В одной анкете последнего исследования появились «жиды». В качестве контргруппы упоминаются не «русские» или «все остальные», а «антисемиты». Главная личная проблема автора анкеты — спасти Россию от детей Сиона. Наверное, причисляя себя к антисемитам, человек собирается предпринять нечто для «спасения» (или уже предпринимает).

Помимо евреев противопоставляют себе и лиц «кавказской национальности». Десять лет назад о них не упоминалось не только в МАДИ, но и во всем трехтысячном массиве анкет. Сейчас эти «лица» появились во всем многообразии негативных ярлыков: хачики, чеченские бандиты, азеры.

Тем не менее, повторим, о национальности по-прежнему вспоминают редко.

Два класса и прослойка

Долгие годы в нашей стране пропаганда навязывала человеку только одну социальную роль — профессиональную. Призывали посвятить всего себя любимой профессии, сделать труд первой жизненной потребностью. Было естественным на вопрос «кто ты?» ждать ответа «инженер» или «студент». Единство социальной и профессиональной структуры объявилось «несомненным», а критерии дохода, престижа и власти объявлялись выдумками буржуазных идеологов, призванными замаскировать классовые различия. (Читайте сборник «Социология и проблемы социального развития», 1978 год.)

Но в массовом сознании классово-профессиональные критерии занимали не такое большое место, как в идеологии. Это отразилось и в нашем исследовании. В 1993 году 7,5 процента студентов и в 1992 — 5 процентов увидели в населении города рабочих, служащих, пенсионеров, студентов, продавцов, шоферов (вообще шоферы идут на втором месте по числу упоминаний после продавцов).

В 1992 году появились бизнесмены, предприниматели, коммерсанты, бомжи, безработные.

В девяти анкетах (4,5 процента в 1983 году) и в десяти (4,5 процента в

1983

...авангард и клопов, которые где-то сидят и только ждут своего,
...на верноподданных и нет,
...на тех, кто занимается иронизмом, и тех, которые интересно живут,
...на граждан в сером, серых граждан и небольшое количество Граждан,
...три класса и правящая верхушка,

1992

...на богатых бездельников (правительство, политиканы, чиновники) и бедных работяг,
...на трамваи, троллейбусы и депутатов,
...на кого только не делится — от бомжей до высокопоставленных политических авантюристов!
...на народ и бестолковое начальство,
...на верхушку (шоу-бизнес, политики) и низы,
...на понимающих реформы правительства и недовольных,
...на сторонников реформ и тех, кто хочет все повернуть назад.

1992) упомянуты рабочие и служащие или рабочие и интеллигенция.

Оценочное значение слова «интеллигент», видимо, существует в массовом сознании, потому что после «интеллигенции» встречаются упоминания третьей группы — «псевдоинтеллигенция» или «администрация». Употребляется и слово «прослойка». Видимо, то, что Ю. Левада называет «фантомным» существованием интеллигенции в настоящее время, интуитивно чувствуется «человеком с улицы». Но с властями, управленческим аппаратом интеллигенцию пока не смешивают. Возможно, такое смешение появится в более широкой выборке.

Проходимцы и честные

В 1983 году нравственные критерии были у студентов на первом месте по числу упоминаний (24,3 процента ответов); через десять лет — на втором (17,4), уступив первое разговорам о доходах. Наши студенты порой не просто выделяли бедных и богатых, а оценивали и способ получения богатства (честный и нечестный, законный и незаконный); так что общее число «нравственных высказываний», пожалуй, не уменьшилось, и вряд ли стоит опасаться, что этот критерий вдруг потеряет всякое значение. А такие опасения звучат нередко: потерю нравственных ориентиров пророчат как раз в связи с наступлением рынка и «власти денег». Конечно, стоило

бы проверить это на большом исследовании; но, судя по нашему «малому», нравственная озабоченность в обществе нисколько не снизилась.

В 1983 году чаще всего упоминались «хорошие и плохие» (клише). На втором месте было описание манер поведения (приветливые и хмурые, гостеприимные и нет, раздражительные и спокойные, общительные и некоммуникабельные). На третьем — «добрые и злые» (клише). На четвертом — «люди», которые противопоставляются: «скоты, отбросы общества, негодяи, сволочи-хамелеоны».

В 1992 году клише «хорошие и плохие», «добрые и злые» занимают второе и третье места. На первом оказываются «порядочные и негодяи». Гораздо чаще противоположной группе просто отказывают в статусе людей, называя, когда делят их, «человекообразными животными», «зверьми», «скотами», «нелюдями».

«Честным» противопоставляют не просто нечестных, а спекулянтов, грабителей, подлецов. В целом «сильных» высказываний довольно много. Если эта тенденция сохранится и на большой выборке, можно будет говорить о росте диффузной враждебности в обществе.

Москвичи и приезжие

7,6 процента студентов в 1983 году и 8 процентов — в 1992 выделили в структуре города местных и приезжих.

...«коренных москвичей и приезжих сволочей. Конечно, не все приезжие такие
...москвичей (в основном честных и добрых) и не москвичей (чаще всего хапуг).

Насколько значим этот признак для коренных москвичей и провинциалов, судить трудно из-за небольшого объема выборки. Но любопытная разница в словах, используемых для обозначения москвичей и приезжих. Иногородние студенты не употребляют слов «лимитчик», «чурка», «лимита» — такое деление для них обидно. Москвичи иногда выражают свое отношение к приезжим весьма эмоционально.

Слово «лимита» нигде не сопровождается пояснениями. Видимо, считается, что ясно и так, о ком идет речь. После опроса пришлось выяснить, какими характеристиками наделяется тот, кого называют «лимитой».

«Лимита... сошьет юбку сама, глаза накрасит, как уличная девка, и думает, что она столичная штучка». «Те, у кого нет московской прописки, живут в общежитии».

А вот голос самой «лимиты»: «Лимитчики могут быть умнее и образованнее москвичей. Москвичи держат себя высокомерно только потому, что у них есть прописка».

Обратим внимание на то, что проанализированные нами признаки характерны для общества, в котором отношения между людьми определяются личностными контактами либо приписными свойствами: нацией, возрастом, принадлежностью к тем, кто имеет прописку. Число ответов, выделяющих эти признаки, уменьшилось.

Увеличилось число высказываний, которые характеризуют другой тип отношений — безличный, более гибкий, связанный с функционированием рынка и политических институтов, экспериментами со стилями жизни.

Богатые и бедные

Критерий «Доход и способ его получения» в 1992 году стал самым значимым в делении людей, населяющих город. Он переместился с шестого места (6,5 процента) на первое (25,4).

Увеличение экономического неравенства и перераспределение национального дохода в пользу предпринимателей, способствующее росту цен, как утверждает известный русский социолог Питерим Сорокин, — признаки экономического выздоровления общества. Но далее П. Сорокин замечает, что если экономическое неравенство становится слишком сильным и достигает точки перенапряжения, то верхушке общества суждено разрушиться или быть низвергнутой.

На наш взгляд, экономическое неравенство не только должно быть «слишком сильным», но и ощущаться таковым. Для того чтобы общественное недовольство было направленным, должны существовать социальные границы высшего экономического слоя и должно существовать убеждение в нелегитимности его богатства.

1983

...на умеющих устраиваться и нет,
...на рвачей и хороших, деловых и хороших,
...спекулянтов, барыг и честных,
...трудяг и тунеядцев, получающих большие деньги людей, живущих нетрудовыми доходами, по которым пытаются равняться все остальные.

В нашем случае ни в первом, ни во втором исследовании незаконное богатство не приписывается какой-то определенной социально-профессиональной группе. Большие деньги — это скорее результат не принадлежности к какому-то слою, а способа их получения.

В анкетах 1992 года «барыг», «рвачей» и прочих сменяют «умеющие делать деньги, бизнесмены, богатые, коммерсанты, крутые с деньгами, миллионеры, деловые люди, мафия, торгаши, предприимчивые, гангстеры, живущие за счет трудяг, спекулянты, взяточники, люди с достатком».

В 1983 году упоминались и осуждались такие источники доходов: выгодная должность, спекуляция, завышение цены на свои услуги (рвач), скупка и продажа краденого (барыга) и расплывчатые, взятые из официальной пропаганды «нетрудовые доходы».

В последнем исследовании к ним добавились участие в организованной преступности (мафия, гангстеры), взяточничество. Наибольшее негодование вызвали чиновники, берущие взятки или просто получающие зарплату ни за что, за безделье.

Если десять лет назад легитимных, с моральной точки зрения, источников богатства просто не было, то теперь они появились: коммерция, бизнес. О них упоминания вполне нейтральные. Появилось понятие «средний класс», или слой.

Из пятидесяти трех высказываний о доходах и способах их получения тридцать девять нейтральных, девять осуждали богачей и пять — бедняков. Бедные осуждались как не умеющие думать и делать деньги, быдло (в противоположность людям состоятельным), ленивые обыватели (в противоположность деловым людям с деньгами), совки (в противоположность богатым и предприимчивым). Можно предположить, что отношение к бедным и богатым разное в разных социальных группах. Но вряд ли полюсами будут самые бедные и самые богатые — разнесет не уровень дохода, а идеология (например, богатых больше всего будут осуждать не посетители ночлежки, а представители движения «Трудовая Россия», а бедных — не миллионеры, но какие-нибудь носители рыночной идеологии).

Миф о чрезмерной политизированности

Мы предполагали, что радикальные перемены в структурах власти, свобода политической активности разделят людей на сторонников и противников правительства, появятся приверженцы разных политических партий. Для обобщений у нас слишком мало анкет, но, судя по настроениям средних студентов среднего московского вуза, ничего подобного не происходит. Десять лет назад высказывания, в которых люди делятся по политическим убеждениям или отношению к власти, заняли по числу последнее, восьмое место (5,6 процента), через десять лет — шестое (8,1 процента). Так что сетования на излишнюю политизированность общественного сознании вряд ли обоснованны, хотя можно допустить, что в моменты критические она возрастала. Другие исследования, достаточно представительные, свидетельствуют о том, что именно в 1992 году интерес к политике резко снизился. Например, в опросе Всероссийского центра по изучению общественного мнения, проведенном накануне нового года, в числе главных событий года уходящего события политические по частоте упоминаний заняли пятое, шестое, седьмое место, уступив первые три событиям экономическим, а четвертое — «мыльному» сериалу «Богатые тоже плачут».

Социологи склонны оценивать эти данные как освобождение общественного сознания от жесткого диктата политики, как его «нормализацию». Однако, если судить по нашим данным, и в 1983 году сознание наших соотечественников вовсе не было чрезмерно политизировано. Может быть, это еще один миф?

Во всем трехтысячном массиве анкет десятилетней давности даже слово «коммунист» не встречалось ни разу. А деление людей на «партийных» и «беспартийных», достаточно редкое, явно было делением не по взглядам, не по идеологии, а по обладанию большими или меньшими социальными возможностями.

Среди же студентов 1983 года даже комсомольские работники предпочитали говорить не о том, что они — сторонники правящей партии, но подчеркивали, что они — радетели общественных интересов. Носителей власти теперь выделяют гораздо чаще и с весьма определенными характеристиками.

Спокойное отчуждение от власти, если судить по этим высказываниям, сменяется ее активным неприятием. Носители власти воспринимаются как богатеющие за счет народа, повязанные с какими-то сомнительными структурами, бестолковые и циничные (ездят в машинах, когда народ душится в трамваях и троллейбусах).

В 1992 году появляются «демокра-

ты», «анархисты», «ваши» и «наши». Отношение к ним скорее индифферентное: никакими особыми характеристиками эти группы не наделяются.

Лохи, мажоры, совки, крутые

Деление по стилям жизни занимает и в первом и во втором исследовании третье место (12,1 процента и 13,6 соответственно).

Понятие «стиль жизни» не было популярным в нашем обществоведении, поскольку ставило под сомнение идеологически нагруженное понятие «социалистический образ жизни». В западноевропейских странах стиль жизни начали активно изучать в семидесятые годы в связи с феноменом альтернативных и, в частности, молодежных движений. Особенно много этим занимались французские социологи. Общий методологический принцип этих исследований — заведомо описательное изложение, уход от четкого определения понятий в социологических категориях, поскольку у каждого «стиля жизни» — своя область бытия, и вопрос, который важен для характеристики одного стиля жизни (например, политическая активность), может быть несущественным при характеристике другого.

1983

...на активно действующих и спящих,
...воспитанных и хамов,
...духовную элиту и потребителей, обывателей,
...живущих ярко и благоразумных,
...простых, нормальных и распущенных, несерьезных интеллектуалов и серых высокоинтеллектуальных сплетников,
...интеллектуалы, работающие ради удовлетворения, и «лбы», работающие ради денег.

1992

...на умных и дураков,
...нормальных, пьяниц и преступников.

Стиль жизни — не только реальный уровень и способ существования: быт, семья, распорядок дня, но и представление о том, каким это должно быть. С другой стороны, стиль жизни — это не сумма образа жизни и ценностных ориентаций. Скорее, это трудно формализуемое, но регистрируемое в описаниях согласие и единение людей на основе общих ценностных стереотипов и жизненного уклада.

Б. Катля называет стилями жизни «зоны социально-психологического климата», определяющие погоду в стране.

1. Предписанный, естественный способ отождествлять себя с определенной социальной группой и, следовательно, выделять ее, существует на обочине сознания наших современников. Деление на мужчин и женщин, молодых и старых, носителей разных профессиональных статусов в большинстве лишено эмоциональной окраски и составляет в целом незначительную долю ответов. Исключение составляет деление по национальному признаку. Растущая межнациональная напряженность может придать ему особое значение. Но пока осознанной психологической готовности признавать свое единство с русскими, независимо от их дополнительных характеристик, практически нет.

2. Уменьшается и значение первичной группы как базы для идентификации. Возможно, это примета изменения жизненного уклада, перехода от «патриархальных» к «индустриальным» отношениям со всеми позитивными и негативными следствиями такого перехода.

3. Нравственные критерии сохранили свою значимость, и практически не изменилась их структура, воспроизводящая «первичные идеалы» — доброту, честность, бескорыстие, дружелюбие. Это говорит о том, что «общечеловеческие ценности», поворот к которым был провозглашен перестройкой, существовали в сознании и поведении людей и до того, как к ним «повернулась» правящая элита.

Вместе с тем растет эмоциональная насыщенность нравственных критериев. Сильные негативные ярлыки стали употребляться чаще («подонки» вместо «плохие»). Это может быть свидетельством роста диффузной враждебности в обществе.

4. Растущий интерес к признакам стиля жизни означает, что растет ценность индивидуальной самобытности. Здесь перспектива множественной идентичности — тенденции, характерной для развитых стран.

5. Интерес к расстановке политических сил в стране, сочувствие к какой-либо из них выражено слабо. Можно зафиксировать не просто отчуждение от власти, но ее неприятие как силы, игнорирующей нравственные ценности.

6. Все чаще выдвигается «доход» как признак деления людей. Это, судя по исследованию, связано не только с резким ростом имущественной дифференциации, но и с убеждением многих в нечестности, незаконности получаемых доходов. Новых богачей многие называют «мафией», преступниками.

Б. Катля считает типологию стилей жизни более практичной, чем принятые деления на профессиональные, возрастные и прочие категории, поскольку стиль жизни включает много факторов, в том числе и самоопределение человека. Характеризуя разные стили жизни французского общества, он выделяет стилеобразующие доминанты, такие, как «ригоризм», «авантюризм», «прагматизм».

Наши студенты тоже выделяли некоторые доминанты в поведении окружающих, но характеризовали их языком улицы, и поэтому в нашей классификации нет ничего похожего на ригоризм или консерватизм.

Здесь, так же, как и с нравственными критериями, меньше всего нейтральных характеристик.

За десять лет изменился не только удельный вес той или иной «стилеобразующей доминанты» в восприятии людей. Вместо описаний появились новые слова-ярлыки, чрезвычайно емкие по содержанию.

Полностью исчезли интеллектуалы, работающие ради удовлетворения, противопоставляющие себя лбам, работающим ради денег. И наоборот, простые и сердечные трудяги перестали видеть своих антиподов в снобах, высокоинтеллектуальных сплетниках, мнимых интеллигентах.

Выросло (с 24 до 34 процентов по группе) число «умных», противопоставляющих себя «дуракам», и «нормальных» — «пьяницам и преступникам» (с 8 до 18,4 процента по группе). Последнее вряд ли связано с ростом алкоголизма: известно, что на 1983—1984 годы приходится пик «застойного» пьянства. Скорее (если тенденция повторится на большей выборке) это означает, что начал формироваться обыденный взгляд на алкоголь как помеху «нормальной жизни» — в противоположность бытующему долгие годы убеждению, что «пьют все» и нет резона как-то выделять пьющих.

Студенты 1983 года ни разу не противопоставили «предприимчивых» и «активных» — «спящим» и «пассивным». В выборке 1992 года — пять таких высказываний. Появилось новое слово для обозначения «деловых людей»: «крутые».

«Крутой» — это одно из самых ходовых слов сейчас. Обозначает оно человека энергичного, разбогатевшего своим трудом (те, кто наслаждается жизнью за родительский счет, имеет другой ярлык — «мажоры»). Он еще и потому крутой, что действует жестко со своими партнерами и конкурентами. Одно из определений «крутого» — «он такой наглый, с большими бицепсами». Это не высший слой в имущественной или властной иерархии. Те — «миллионеры», «элита».

В противоположность просто «элите» существует «духовная элита», но она противопоставляет себя «обывателям» не так энергично, как десять лет назад. Для «серой массы», «мещан» придумано новое слово: «совок». Мы попытались собрать несколько определений этого слова. «Совок» это: 1) человек без лоска, плохо одетый, бедный. В молодежном жаргоне близкий к совку ярлык — «лох»; 2) человек, который хочет много получать и мало делать. Зарабатывать не умеет, только жалуется на малую зарплату; 3) заорганизованный, безынициативный, не желающий брать на себя ответственность; 4) закомплексованный, без чувства собственного достоинства.

«Благоразумные, простые и нормальные» обыватели не заявили о себе в студенческой аудитории. Но не исключено, что в других социальных группах они появятся. Здесь же доминирует энергичный, умный, не лишенный духовных потребностей, но и не забывающий о материальной стороне жизни человек — потенциальное пополнение «среднего класса».

Итак...

Итак, из-за малого числа опрошенных, мы можем сформулировать не столько выводы, сколько гипотезы. Хорошо бы их проверить. И мы это обязательно сделаем. ●

Веками длится спор виталистов и механицистов. Виталисты отстаивают несводимость проявлений жизни к законам физики. Они полагают, что при качественном изменении объекта исследования должен меняться и сам исследователь: для изучения жизни требуются иные познавательные способности, нежели те, что применяются к явлениям неорганического мира. Механицисты считают, что законы познания универсальны и то мышление, которое вскрывает законы, действующие в неживой природе, прольет свет и на закономерности живого. К середине XX века спор этих направлений был, как кажется, завершен. С созданием квантовой теории физика смогла включить в себя многие области знания и подошла вплотную к классическим биологическим объектам.

ПРОБЛЕМА: ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗДУМЬЯ

Г. Любарский

Конец великого спора?

Статья вторая*

Пригожин, Гланcдорф и прекрасная дама Синергетика

Издавна основным отличием живых объектов полагали их открытость, неравновесность, необратимость, уподобляя живое колеблющемуся на ветру языку пламени. И вот удалось развить физическое понимание именно таких сложных неустойчивых систем. Системы, обменивающиеся энергией с окружающей средой, называются открытыми. В соответствии со вторым законом термодинамики энергия во Вселенной необратимо деградирует, переходит в тепло. Можно представить ревущие вокруг нас водопады смерти, рассеяния энергии: мы говорим — и упорядоченные колебания воздуха преобразуются в тепло, мы пишем — и энергия уходит на нагревание листа. Все энергетические цепочки заканчиваются одним и тем же знаменателем — теплом.

Некоторые системы, находясь в самой стремнине рушащейся в ничто энергии, умудряются за счет этого падения создавать организацию, самоорганизовываться. Такие системы называются диссипативными. Водопады текущей вниз, к самому устойчивому состоянию энергии дают этим системам возможность повысить сложность своего устройства. Такие системы описывают неравновесная термодинамика и синергетика, созданные Пригожиным, Гланcдорфом и Хакеном.

С созданием этих теорий физика приблизилась к описанию многих реально существующих систем. Ведь мир вокруг нас находится в непрерывном становлении, он все снова и снова возникает заново. Прочный мир классической физики, состоящий из солидных вещей, уверенно расположенных каждое на своем неизменном месте, — абстракция. Теперь физика может изучать жизнь ручья, ветра, пламени и жизнь организмов.

С помощью неравновесной термодинамики оказывается возможным изучать последний оплот биологической специфики — эволюцию. В самом деле, теория диссипативных систем дает методы работы с «памятливыми» системами, в строении которых записано их развитие, помогает объяснить само возникновение новой организации «из ничего» — из водоворота энергии, падающей в более равновесное состояние.

Самая известная попытка термодинамического объяснения эволюции — работы Эйгена, который создал концепцию самоорганизации макромолекул на основе матричной репродукции и последующего отбора. Достижения многих биологов XX века в этой теории сливаются с концепцией неравновесной термодинамики. Несомненно, попытка Эйгена — лишь одна из первых, и дело не в том, истинна ли именно она, а в подходе, который имеет очень богатые перспективы.

Вспомним «кредо биофизики»: физика может объяснить в биологии все, кроме исторического возникновения объектов. Больше препятствий нет. Биология прочно становится одним из разделов физики. Практическая независимость может сохраняться еще долго, ведь и химические реакции просчитывать, начиная с законов квантовой механики, очень тяжело. Даже простейшие реакции потребовали бы километров расчетов, да и теоретические трудности существуют на этом пути. Но дело в принципе: это возможно, и потому теоретическая химия — это квантовая механика. Теперь та же участь постигла и биологию.

О пользе фигового листка

Итак, рухнули последние твердыни витализма, учения о несводимости уровней организации мироздания. На базе физического мировоззрения может быть сформулирована общая теория, в рамках которой будут описаны явления и живой, и неживой природы.

В тяжелые минуты люди всегда вспоминают об уроках истории. Вспомним эпизод из истории теории эволюции. После создания Чарлзом Дарвином теории естественного отбора наступил период «триумфального шествия» эволюционизма. В короткие сроки сопротивление креационистов было сломлено, и дарвинизм стал не просто признан, он стал модным взглядом на мир. Образованный

* Продолжение. Начало — в № 4 за этот год.

человек обязан был знать основные положения эволюционной теории. Не так уж часто научной теории выпадает широкая известность, но дарвинизм удостоился этого отличия. Гремели последние споры с противниками, все новые факты получали эволюционное объяснение, и вдруг...

Если просмотреть биологическую литературу первой четверти XX века, раскроется изумительная картина: дарвинизм становится «мертвым волком». Конечно, у его сторонников есть еще «порох» в чернильницах, они сопротивляются, но уже очевидно: дарвинизму не встать. В 1901 году происходит второе рождение генетики, изучение закономерностей наследования признаков захватывает всю научную общественность. Генетика опровергает дарвинизм: какой там естественный отбор, переживание приспособленных — не более чем жалкая тавтология, логическая ошибка, ну, пусть не ошибка, так второстепенный механизм. Главное — это генетические механизмы распределения наследственных задатков. Лучшие ученые, передовые философы науки выступили против дарвинизма, заговорили о нем как о вчерашнем дне науки. Дарвинизм разъяли на части, начали анатомировать, изучая хитросплетенные кишочки теории, свысока рассуждая о коренных ошибках.

Все это — история. Давно отгремели бури тех дней, сейчас серьезной альтернативы эволюционной теории не существует. Но откуда же пришло спасение дарвинизма? Из недр самой генетики. К середине века оформился синтез дарвинизма и генетики. Многие бреши в броне теории Дарвина были заделаны именно с помощью генетики. К добру ли, к худу ли — классический дарвинизм исчез, почти забыта и классическая генетика. Возникла новая теория, объединяющая эти дисциплины.

И сегодня «спасение» биологии как самостоятельной области знания пришло из недр физики. Классическая физика рассматривала статичный мир, мир равновесных обратимых процессов. В системе физического знания не было места истории, необратимому изменению. Даже в классической термодинамике, которая ввела на научном уровне понятие необратимости, термодинамический процесс рассматривался как ряд бесконечно медленных равновесных и обратимых изменений. Механисты считали, что движение отдельных молекул можно описать законами классической механики, а значит, и законы термодинамики, описывающие движение больших совокупностей молекул, можно свести к механике.

Но в поведении огромного количества молекул появляются новые закономерности — статистические. И снова история повторяется: некоторые физики сегодня утверждают, что раз элементарные биологические процессы описываются физическими теориями, то и совокупность этих процессов — жизнь — сводится к физике.

Для описания поведения множества молекул Клаузиус и Больцман создали статистическую механику. То есть для включения этого феномена в физику пришлось создать новую физическую теорию — термодинамику. Лицо физики изменилось, появилось понятие необратимости, случайность оказалась необходимым элементом описания мира. Наиболее фундаментальным результатом развития термодинамики становится теория квантов, созданная Планком. Недаром генетические законы были переоткрыты тремя различными учеными сразу после создания Максом Планком теории квантов: идеи дискретности были подтверждены в наиболее авторитетной области естествознания — физике. В дальнейшем Гейзенбергом и Бором создана квантовая механика, где случайность вводится в основу мира. Создание квантовой механики повлекло за собой разрушение «непрерывной» картины мира. В науку уверенно вошли понятия прерывности, дискретности, скачкообразного изменения, до того казавшиеся чуть ли не антинаучными.

Вот какие результаты повлекло за собой достаточно скромное событие — привлечение математического аппарата теории вероятностей к задаче описания поведения больших совокупностей молекул. Можно ли сказать, что после этого физика осталась прежней? Что это та же самая физика? У Сент-Экзюпери в «Маленьком принце» есть рисунок змеи, которая проглотила слона. Змея эта очень смахивает на шляпу. Если физика с помощью неравновесной термодинамики Пригожина — Гланcдорфа претендует на «заглатывание» всей биологии, что будет с физикой?

До сих пор казалось, что вся физика может быть построена на механической парадигме науки. Классическая ньютоновская механика была дополнена релятивистской механикой Эйнштейна, затем квантовой механикой. С помощью статистической механики была создана теория теплоты. Но ведь эти взаимно проглатывающие друг друга змеи могут быть выстроены и в обратном порядке. Неравновесная термодинамика, находящаяся сейчас на периферии физики, может быть поставлена в ее центр. А когда элемент периферии переходит в ядро, начинает определять лицо всей области знания, меняется целое.

Из неравновесной термодинамики в качестве частного случая может быть извлечена равновесная термодинамика, из статистической механики может быть выведена классическая механика. Если весь круг биологических феноменов, характеризующийся необратимостью развития, преемственностью сменяющих друг друга стадий, короче — историей, оказывается фундаментальной областью фактов новой теории, а мир классической механики — частным предельным случаем, выводимым из этой теории, так чья же победа?

С тех пор, как физика открыла для себя мир становящийся, развивающийся и необратимый, физические исследования все более становятся похожими на биологические. Ведь становление встречается на каждом шагу: физика изучает развивающуюся Вселенную, эволюцию звезд и микрочастиц, развитие планет и образование кристаллов. Готовые объекты оказываются лишь предельным случаем развивающихся. А явления жизни дают нам самые многообразные, самые сложные примеры развития. В явлениях жизни природа представила всю мощь своей непредсказуемости. В этом смысле биологи сражаются с самым сильно укрепленным бастионом замка по имени Незнание, кроме, может быть, области человеческого духа.

То, что с самого начала статьи мы упрощенно называли механицизмом, есть основанная на рационалистическом идеале уверенность в выводимости всего знания из простых исходных положений. Подобно тому как из набора аксиом вырастает математика, так же мыслится образ всей науки: из немногих основных законов физики выводятся все более частные законы. Противоположная идеология мыслит себе науку как совокупность замкнутых теорий, не противоречивых, но и не совместимых друг с другом, которые описывают разные уровни, разные области бытия. Поэтому витализм отстаивал независимость биологии от физики, несмотря на то, что последовательное проведение этого тезиса приводит к положению о принципиальной дробности нашего знания и мышления. Однако есть еще одна возможность: знание целостно и взаимовыводимо, но не из простейших исходных постулатов, а из результирующих; система знания может быть построена, исходя из результатов процесса познания, из цели его, а не из его корней.

Нильс Бор в своих статьях о биологии писал, что в квантовой механике физика подошла к тому рубежу, на который еще раньше под давлением фактов вышла биология. Когда в физику был внесен аспект развития, она перестала быть только физикой. Значит ли это, что в вечном споре биология победила физику хотя бы и руками самих физиков? Что ж, может быть, и так. Но по сравнению с величественностью задач познания сколь ничтожны споры о победителе!

Как назовут, оглядываясь в прошлое, наши потомки огромную объединенную область естествознания — общей физикой или общей биологией — не все ли равно. Скорее всего, все-таки физикой, это название прочно связано с самыми громкими победами науки, хотя сейчас сами физики еще не осознают, как изменилась их наука. Недаром Нобелевские премии за открытия в области синергетики присуждаются по «химической кинетике»: физики все не могут поверить, что это — хорошая физика.

Но главное, конечно, не в этом. Создана достаточно общая, включающая физику, химию и биологию, методология естественных наук. При этом биология не потеряла своего лица, по-прежнему справедливо говорить о специфике живого, то есть развивающегося и необратимого, устойчиво неравновесного.

Конец...
или возможность нового начала?

Итак, спор между механицизмом и витализмом решен? Победила дружба, возник новый синтез... Физика создает немеханические способы познания, область жизни исследуется физическими методами... Но все ли спокойно в королевстве?

Наука начинается с того, что берут объект исследования и исследуют. При изучении объект разбивается на более простые элементы, чтобы описать целостный объект через взаимодействие составляющих его элементов. А как выделяется сам объект? Кто говорит исследователю, что вот это целая вещь и вот ее граница? Каким образом выделяются элементы? Физика до сих пор имела дело с достаточно простыми объектами, когда система выделяется тривиально (интуитивно). Когда сложность объектов увеличивается, эти вопросы вовсе не ка-

жутся пустыми придирками философа, которому для ради хлеба с маслом приходится, сидя за письменным столом, выдумывать проблемы.

Биология с такими проблемами сталкивается непрестанно. Существует специально для таких надобностей наука — сравнительная анатомия, одна из древнейших биологических наук, которая как раз и должна уметь в сложной живой системе правильно выделять части. Не случайно не стихают споры вокруг проблем выделения объекта. Муравейник — это просто сборище особей или самостоятельный организм, в котором отдельные муравьи — лишь клеточки? По-видимому, ни то и ни другое, муравейник — все же не организм, но он гораздо более самостоятелен, чем стадо млекопитающих. А коралловый риф? Организм или популяция, или нечто промежуточное? Вопросов такого рода множество, некоторые из них считаются решенными, но затем вновь встают перед научным сообществом. Дерево можно рассматривать как систему побегов; объединяющие их связи настолько слабы, что считать дерево таким же индивидом, как, скажем, волк, невозможно. С границами организма тоже не все гладко. Учитывать ли мертвые части — домики ручейников, кору дерева? А газообразный элемент — входит ли он в организм? Ведь для многих задач оказывается очень важным строение «запахового тела».

А живое сообщество организмов? Существует точка зрения, что сообщество обладает некоторыми чертами организменной целостности. Существует и другой взгляд: что сообщество — это в общем-то достаточно случайный набор видов, сохраняющий постоянное лицо не из-за внутренней устойчивости, а из-за ограничения внешними условиями существования. Однако никто не будет оспаривать, что определенная целостность сообщества существует, а вот насколько она ниже целостности организма — это вопрос. Если взять для сравнения организмы высших позвоночных, то сообщество — не организм. Однако все привычно называют организмами и бактерии. Вот тут еще неизвестно, кто более организм, бактерия или экосистема: у бактерий известно достаточно свободное перемещение генетического материала из клетки в клетку, а сообщество умеет достаточно хорошо регулировать свой состав.

В зависимости от того или иного решения этих проблем коренным образом меняется все исследование. Меняется представление об объекте — меняются и методы его изучения. Нельзя сказать, что в биологии создан формализованный метод решения таких проблем, но опыт взаимодействия с такими задачами накоплен большой.

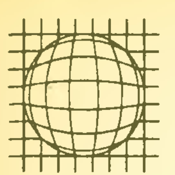
Поскольку физика берется за решение все более сложных задач, перед ней также встает проблема выделения объекта. В квантовой механике и термодинамике эта задача становится нетривиальной, и уже в рамках физики начинаются проблемы с выделением самого феномена и соответствующего ему языка описания. Квантовая механика столкнулась с задачей соотношения субъекта и объекта, термодинамика — с историчностью объекта, поэтому многие проблемы этих дисциплин имеют все более ощутимый «биологический» привкус.

Например, в современных моделях развития Вселенной учитывают только ограничения, налагаемые законами сохранения, как это привычно в физике. Но есть законы развития систем, налагающие иные ограничения. Не поможет ли это построить новые модели развития Вселенной? Масса и энергия сохраняются во взаимодействиях, но существует закон несохранения структуры. Может быть, в один ряд с фундаментальными законами несохранения встанут законы, описывающие необратимый процесс развития, то есть законы несохранения?

«Биологическая» проблематика занимает все большее место в научных исследованиях. Задача оснований классификации, изучения законов развития, проблема выделения частей в целом привлекают все большее внимание, и львиную долю рассматриваемого материала поставляет биология. Здесь возникают новые проблемы, новые возможности для возникновения альтернативных точек зрения — великий спор еще не кончен!

ВО ВСЕМ МИРЕ

Леса Амазонии «кормит» Африка

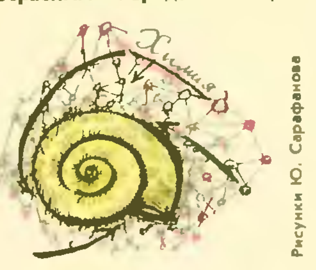
Американские метеорологи из Виргинского университета полагают, что амазонские леса, являющиеся, вероятно, самым разнообразным в биологическом отношении местом на Земле, обязаны своим восстановлением пыли, приносимой ветрами через Атлантический океан из пустыни Сахара. Используя фотоснимки, полученные с помощью авиации и космических аппаратов НАСА, Майкл Гарстанг и его исследовательская группа пришли к заключению, что за период дождей в амазонских лесах ежегодно оседает до двенадцати миллионов тонн африканской пыли. Амазонская почва очень бедна, особенно не хватает в ней фосфатов, так необходимых для роста растений. Без импортной пыли, говорят ученые, большая часть Амазонского бассейна, по всей вероятности, представляла бы собой не лес, а скорее всего, пастбище.

Новый сорт бензина

Американская фирма ARCO объявила недавно, что ее специалисты разработали новый сорт бензина, выделяющий в атмосферу на треть меньше загрязняющих веществ, чем обычный. Однако выпускать его в продажу фирма пока не собирается, считая, что он еще не требуется. Предполагается, что новый бензин, соответствующий ужесточенным нормативам состава выхлопных газов, действующим сегодня в штате Калифорния, начнет поступать в продажу не ранее 1996 года и будет стоить на 16 центов за галлон дороже обычного. Фирма считает, что если все легковые и грузовые автомашины в Калифорнии будут использовать это новое топливо, суммарный выброс в атмосферу снизится примерно на четыре миллиона фунтов в день, что равнозначно объему выхлопных газов примерно трети всех автомашин на дорогах этого штата. Новый сорт бензина по чистоте сгорания будет иметь шансы занять первое место среди всех прочих видов топлива.

Так делает раковина

Биологи издавна исследуют процессы биоминерализации — возникновения минеральных образований в теле (кости, скелет) и вне тела (раковины) живых существ. Специалисты из Пенсильванского университета и Технического университета в Братиславе смоделировали процесс образования раковины. В большой сосуд с порошкообразным карбонатом натрия установили сосуд поменьше, с порошкообразным хлоридом кальция.

Рисунки Ю. Сарафанова

Затем оба порошка смочили раствором гидроксиэтилцеллюлозы — вещества из группы полисахаридов. Именно полисахариды участвуют в образовании раковин и костей в животном мире. Спустя несколько дней по краям меньшего сосуда возникло образование из карбоната кальция, похожее на раковину. Этот эксперимент может иметь практическое значение: почему бы не научиться делать прочную керамику без нагревания — по методу мягкотелых.

Климат и урожай: от Гренландии до Японии

Рен Чиба, научный сотрудник Тохокского центра радиологических наук в японском городе Сендае, изучил колонки льда, поднятые при бурении в Гренландии, говорящие об изменениях температуры за последние 1500 лет, и сопоставил их с историческими сведениями об урожаях в родной ему стране.

Он установил, что из двенадцати случаев катастрофического голода в Японии с 600 года до наших дней одиннадцать приходятся на такой период, когда в Гренландии происходило похолодание. Особенно отчетливо это наблюдается для голодных годов с 1634 по 1643, 1695, 1755, 1783—1786 и 1833 год. Исключение составляет время около 1380 года, когда урожаи в Японии были неплохими, хотя средняя температура в Гренландии и понизилась.

Отсюда климатологи делают предположение относительно того, что климатические изменения, которые, в частности, привели к гибели первых норманнских поселений на берегах Северной и Западной Атлантики, имели не региональный, а глобальный характер.

Помоги мне, чтобы я помог себе сам

Американская компания «Агроцетус» считает, что можно значительно увеличить урожай сельскохозяйственных культур, если они научатся сами отпугивать вредителей. Растения заставляют производить свои собственные инсектициды. Исследователи Кеннет Бертен и Майкл Миллер воспользовались ядом, с помощью которого скорпион атакует свою жертву. Этот яд представляет собой коктейль из полипептидного токсина, выстроенный из семидесяти аминокислот. Ученые синтезировали гены этого «коктейля» и внедрили его в генетический аппарат растения. После этого оно начало само производить необходимый яд и убивать им всех, кто на него покушается.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ РЕПОРТАЖ

С. Самойлов

«Физика наших дней»?

Вот интересно, чем занимается «физика наших дней»? Выражение не зря взято в кавычки — именно так называется постоянная рубрика в академическом журнале «Успехи физических наук». А чтобы напугать читателя этой самой физикой, достаточно привести некоторые «ключевые слова» или термины, которые вовсю там фигурируют. Итак, называем — кластеры, карцероплексы, бакиболы и фуллериты. Кто не выдержит этого перечисления, может дальше не читать, а преодолевшим сей «гранит науки» сообщим — речь идет об обычной саже. И изучают ее в Институте высоких температур РАН.

Графит, конечно, не алмаз, но...

Но химически это тот же чистый углерод. Вся разница между ними — в пространственной структуре взаимного расположения углеродных атомов. В алмазе она трехмерная, и потому весь драгоценный камень являет собой как бы единую гигантскую макромолекулу. Потому алмаз такой твердый, красивый и прозрачный, ведь это одна молекула! В графите те же атомы соединены в плоскостях — молекулах, а в кусок — в пакет — эти молекулы-плоскости соединяются гораздо более слабыми силами межмолекулярного взаимодействия. Потому-то графит легко крошится и оставляет след на бумаге — это плоские молекулы легко отщепляются друг от друга. И кристаллохимики так эти две формы чисто углеродного полимера и подразделяют. Алмаз — «пространственный» полимер, графит — «плоскостной». Есть, правда, еще и «линейный» полимер углерода, так называемый карбин, но он нас пока интересовать не будет.

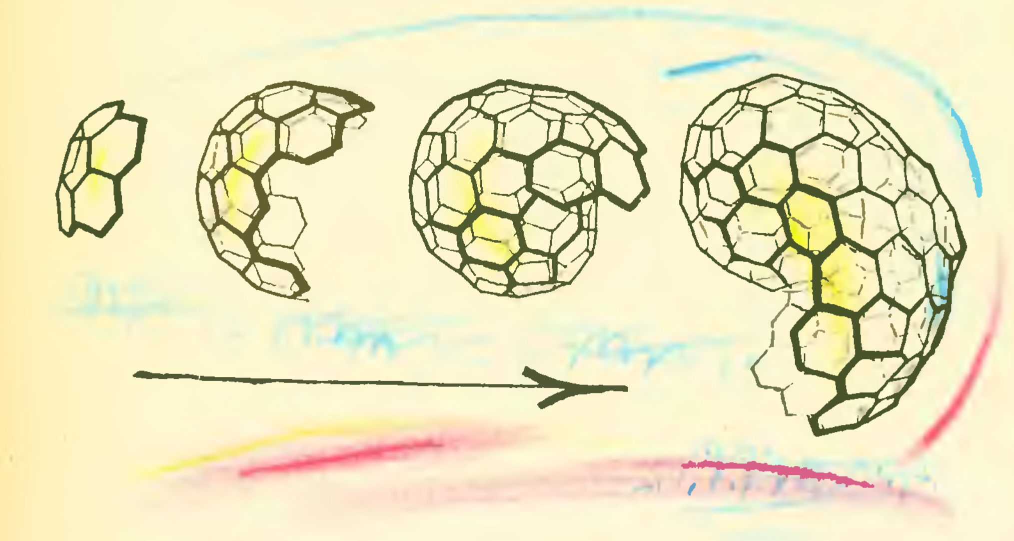
Заметим, что мономер обоих полимеров, он же атом углерода, вообще очень странно ведет себя в природе. Если взять все многообразие химических соединений в мире, то с участием углерода мы обнаружим в нем миллионы вариантов (речь идет обо всех органических молекулах), а без оного — только сотни тысяч разных соединений. Странность углерода, впрочем, давно получила объяснение. В его верхней электронной оболочке «летает» четыре электрона. А химические способности любого атома сводятся к стремлению иметь только заполненные оболочки, где было бы ровно восемь электронов. У любого атома поэтому есть альтернатива ее заполнения: или прихватить чужие, недостающие до восьми электроны, или отдать свои. Оба варианта сдачи-приемки сопровождаются для атома лишением свободы и его вступлением в молекулу. Углерод же в отличие от всех прочих с равным «удовольствием» берет чужие электроны и отдает свои. Поэтому его химическая активность оказывается намного выше всех остальных элементов. Поэтому-то, наверное, углерод и стал основой жизни на Земле.

«Свеча горела на столе...»

Тут нам уже никак не обойтись без специального термина «кластер». Будем привыкать понемногу к этой иностранщине, особенно если иметь ее в виду в ряду уже известном — сталкер, брокер, ваучер...

В нашем случае под кластером понимается некоторое объединение атомов углерода, химически связанных между собой в большую молекулу. Теоретические расчеты, выполненные зарубежными физиками в 1988 году, предсказывают возможное существование целого семейства таких углеродных кластеров. Во всяком случае, устойчивыми, а значит — и долгоживущими, среди них будут кластеры из двадцати восьми, тридцати двух, пятидесяти, шестидесяти и семидесяти атомов углерода. Эти «магические числа» для углерода получились из расчетов всех возможных способов вступления углеродных атомов в связи между собой. Кластеры с другим

числом атомов неминуемо распадаются. Однако самое интересное другое. Атомы углерода, опять же согласно кластерной теории, соединяются между собой так же, как и в графите, то есть в «плоскостной» полимер. Но! Эта плоскость очень быстро заворачивается и замыкается сама на себя с образованием сферы, поверхности шара, пустого внутри. Отсюда и магические числа — не любое количество атомов углерода годится для хорошей замкнутой поверхности. Сами физики[1] такую структуру кластера сопоставляют с покрышкой футбольного мяча. Так, кластер из шестидесяти атомов представляет собой структуру, составленную из двадцати шестиугольников и двенадцати пятиугольников, причем каждый пятиугольник имеет общие границы только с шестиугольниками, а каждый шестиугольник граничит с тремя пятиугольниками и тремя шестиугольниками. В углах же всех этих многоугольников находятся углеродные атомы, соединенные с тремя соседями четырьмя химическими связями (одна связь двойная).

Все это теория, а практически такой устойчивый кластер (можно назвать его шестидесятиатомной молекулой углерода) был впервые экспериментально подтвержден в 1985 году. Последующие поиски показали реальность существования всего семейства кластеров под магическими числами, но чаще других попадался именно шестидесятиатомный углерод.

Искали эти кластеры сложно. Вначале их получали путем лазерного испарения графита. Потом они обнаружились при нагреве графита проходящим через него электрическим током. А затем уже готовые сферически замкнутые кластеры были обнаружены совсем рядом — в пламени горящей свечи.

Нельзя сказать, что пламя свечи не попадало в поле зрения ученых вообще и физиков в частности. Все знали, что неполное сгорание стеарина ведет к появлению массы частиц сажи. Пламя от них становилось менее ярким. Дату открытия среди многообразия частиц свечной сажи шестидесятиатомных кластеров следовало бы отнести еще к 1973 году, и сделано это было опять же не у нас, однако тогда, задолго до появления сколь-либо вразумительной теории, оно оказалось неоцененным. Но зато теперь, после всех успехов науки и открытий в этой области, свеча заняла свое достойное место в арсенале физиков в качестве источника кластеров, совсем рядом с графитовым карандашом.

Эстетическое совершенство сажи

А где гарантия, что все это не ошибка и частицы сажи не имеют обычный бесформенный и неприглядный вид? Где критерий того эстетического совершенства, каковым обладают, если верить физикам из Института высоких температур РАН, шестидесятиатомные кластеры углерода? Докажите, что они круглые — так можно было бы выразить основное сомнение постороннего наблюдателя.

[1] А. В. Елецкий, Б. М. Смирнов. Кластер C_{60} — новая форма углерода. «Успехи физических наук», 1991, том 161, № 7, стр. 173—192.

2*

Строго говоря, сферическую молекулу, как мы ее себе уже представляем, никто не видел, она для того слишком маленькая. Но есть в руках экспериментаторов точные методы, позволяющие со всех сторон косвенно обрисовать и охарактеризовать этот новый микроскопический объект. В конце концов, отдельный атом невооруженным глазом тоже никто не видел — и ничего, сомнений в реальности его бытия не возникает.

Итак, во-первых, как определяется масса. При пропускании большого тока через графитовый стержень от него отделяются пылинки, своего рода черная пудра. Так вот, ее масс-спектрограмма совершенно отчетливо показывает на большое преобладание в угольном порошке именно шестидесятиатомных частиц.

Другой экспериментальный метод — спектроскопия — позволяет судить и о внутреннем устройстве этих частиц. «Так, бедный характер спектра инфракрасного поглощения является прямым указанием на высокий уровень симметрии C_{60}» — это говорят сами исследователи. И после дополнительных расчетов делают вывод, что структура кластера представляет собой «усеченный икосаэдр», то есть один из типов правильных многогранников.

Спектры «вынужденного комбинационного рассеяния» дают еще более убедительные доводы. Сущность данного метода заключается в том, что на порошок угля, собственно сажу, направляют луч лазера строго фиксированной частоты. А порошок в ответ испускает слабый свет совсем других частот, причем в разные стороны, в том числе и навстречу лазерному лучу. Анализ частот вынужденного свечения сажи показывает, что кластеры испускают его, реагируя на лазерное возмущение, в основном в двух вариантах. Одна частота свечения свидетельствует, что сфера преобразуется в эллипсоид и обратно, то есть кластер как бы ритмично «дышит». Другая частота оказалась полностью соответствующей симметричным колебаниям пятиугольных граней икосаэдра, точнее, их растяжке и сжатию.

Все эти данные плюс большая стабильность кластера во времени окончательно убедили физиков в том, что перед ними мельчайший, устойчивый, сферический и очень, видимо, красивый объект микромира, составленный из шести десятков атомов углерода.

Новая форма углерода?

Как мы уже знаем, кристаллический углерод существует в двух формах — алмаза (объемная форма) и графита (плоскостная форма). Куда прикажете отнести наши круглые и устойчивые кластеры? С одной стороны, они имеют плоскостную систему связей атомов углерода, «принятую» в графите. Но с другой — эта плоскость переходит в объем, и довольно прочный. Здесь кластер уже становится больше похожим на алмаз, хотя бы по некоторым своим свойствам. Так, другая группа исследователей, из Института электросварки имени Е. О. Патона Украинской Академии наук, задалась целью определить прочностные характеристики этих самых шариков из сажи[2]. И вот что у них получилось. Прочность на разрыв оболочки кластера, — а мы знаем, что весь он состоит только из оболочки, так как внутри пустой, — должна быть такой же, что и в алмазе. Численные прикидки показывают, что разорвать эту оболочку изнутри может давление не меньше десятков и даже сотен тысяч атмосфер! Вот вам и мягкая и безобидная сажа.

Она, конечно же, не алмаз, но все-таки уже и не графит. А что? Физики выделяют ее в новую, третью форму существования конденсированного углерода — кластерную. Разумеется, не всю сажу, а только шестидесятиатомные устойчивые шарики из нее. Их научились выделять из сажи и концентрировать вместе. Увы, даже собранные вместе, кластеры по-прежнему являли собой ту же черную пудру, хотя, высаженные на золотой фольге, они и образовывали некую правильную структуру на небольших участках. Эта структура, конечно, непрочная, кластеры между собой взаимодействуют слабо. Но все же это будет уже макроскопическая кристаллическая структура, наподобие графита, правда, отличающаяся от него своими физическими свойствами. А именно — температура плавления у графита 4120 градусов Цельсия, у кластерного углерода 510. Кубический сантиметр графита весит 2,23 грамма, кластерного порошка — только 1,3 грамма. Другими словами, по своим макроскопическим свойствам (плотность, температура плавления, хрупкость макроструктуры) кластерный углерод ближе к графиту и даже «мягче» его, а по микроскопическим свойствам, наоборот, ближе к алмазу.

[2] Ю. И. Фадеенко. Молекулы — сосуды высокого давления. «Доклады РАН», 1992, том 323, № 6, стр. 1137—1139.

Кому он нужен, этот кластер?

И наконец, последний вопрос: зачем все это надо? Какая польза может быть, хотя бы не сегодня, от этого аморфно-кристаллического углерода? Очень может быть большая. Ведь это открыт, по существу, новый материал с малоизвестными свойствами, уточнение которых, возможно, даст неожиданный практический выход. Так, например, оказалось, по данным зарубежных исследований, что присоединение атомов щелочных металлов к готовому углеродному кластеру влечет за собой появление у новой молекулы сверхпроводящих свойств. В частности, соединение из трех атомов калия и шестидесятиатомного углерода обнаруживало сверхпроводимость при температурах до 18 градусов Кельвина, рекордную для молекулярных сверхпроводников. Сравним: настоящий графит, легированный тем же калием, проявляет сверхпроводимость при температурах не выше 0,55 градуса Кельвина. Так что кластеры углерода, возможно, станут основой для создания в будущем высокотемпературных сверхпроводников, ценность которых для электроники завтрашнего дня несомненна.

Другое применение углеродным кластерам предлагают киевские ученые из Института электросварки. Они обратили внимание на то, что кластер — полая емкость с очень прочной оболочкой — своего рода готовая «посуда» для жидкостей и газов. Исследование по этому вопросу ученые так и назвали: «Молекулы — сосуды высокого давления», а речь в нем — про углеродные кластеры «о шестидесяти углах». С учетом установленной прочности оболочки кластера на разрыв — давление в десятки и сотни тысяч атмосфер — они предлагают «закачивать» туда газы для длительного хранения. Причем газы могут быть в этих кластерах сжаты до плотности жидкости, а масса удерживаемого газа будет при этом неизмеримо выше, чем масса «посуды». Другое дело — зачем хранить газы в таких микроскопических пузырьках, но зачем-нибудь это пригодится. Например, сами ученые предполагают такую возможность: «закачать» в кластеры горючие газы, тот же метан или этилен, — и вот вам готовые энергоносители, так сказать, в мелкой расфасовке.

Все это хорошо, но мало. Неплохо бы создать кластеры больших размеров, скажем, в тысячи атомов,— сколько бы туда всего поместилось! Никто не утверждает, что такое невозможно. Наверное, реально принципиальных физических запретов на подобные молекулярные конструкции нет.

Значит, надо искать и экспериментировать. И начинать, может быть, придется снова с анализа механизма синтезирования замкнутых кластеров в частицах сажи, мерцающих в пламени свечи...

ПОНЕМНОГУ О МНОГОМ

Горе списывающему на экзаменах

Это бывает под всеми широтами: школьник или студент списывает решение задачи у соседа. И борьба, которую ведут с этим профессора и учителя, тоже, очевидно, повсеместна...

Новый удар в извечном сражении нанесли преподаватели химии из Макгиллского университета в Монреале Дейвид Харп и Джеймс Хоган. Они основывались на том, что всякий «сдувающий» оставляет в «своей» работе как бы отпечаток — не пальцев, а разума того, на ком он паразитировал. Эти характерные отпечатки можно обнаружить при помощи статистических методов.

Дейвид Харп разработал компьютерную программу, анализирующую случаи, когда студентам даны на выбор многие задачи с различными условиями и ответы выглядят слишком уж похожими друг на друга. Очень существенно, если ошибки в сравниваемых работах одинаковые. Стоит количеству таких совпадений превысить некий установленный уровень, и подобная пара учащихся попадает под серьезное подозрение.

Другая программа, предложенная Джеймсом Хоганом, позволяет вычислить вероятность того, что обе контрольные написаны одинаково по чистой случайности. Для окончательного «вердикта» в дело вводятся данные о том, кто с кем рядом сидел на экзамене.

Проверяя свои программы, дотошные преподаватели установили, что из тысячи учащихся, проходивших вступительные экзамены в университет, жульничают приблизительно пятьдесят. Можно было даже прикинуть их примерный «профиль». Оказалось, что юноши «сдувают» несколько чаще, чем девушки. Как ни странно, этим занимаются в основном не двоечники, а как раз те, у кого средние отметки на 75 процентов выше среднего уровня. Зато и амбиции, очевидно, выше. В Канаде наиболее вероятным «сдувалой» оказался тот, кто пытается получить самые престижные специальности — врача или дантиста.

Руководство Макгиллского университета, пользуясь выводами двух химиков, разрабатывает меры, которые должны осложнить жизнь списывающему студенту.

Рисунок Ю. Сарафанова

И. Яковенко

Критика исторического опыта

Вместо предисловия

Знаменитое тютчевское «Умом Россию не понять...» гипнотизировало, успокаивало, усмиряло и даже — чего греха таить! — рождало гордость: вот мы, дескать, какие — с «особой статью»! И утверждало в чем-то своем — в своем непонимании, а часто попросту в незнании своей истории. Ведь история, в конце концов,— не цепь фактов и событий, а то, что их вызывает и связывает, что складывается именно в такой узор; не гнущиеся деревья, а ветер, который их гнет. Мы же всю жизнь изучаем факты, даты — деревья, а не ветер. И не можем фактами объяснить факты, историей — историю...

И вдруг является человек, который, капитально зная факты, пытается выявить внутренние механизмы, их вызывающие. И ищет их не в исторических событиях, а в людях, в психологии, отношениях, культуре. Впечатление совершенно ошеломляющее — с головы все вдруг становится на ноги, обретает смысл и логику. Человек этот — Александр Самойлович Ахиезер. Его трехтомная — более чем тысячестраничная — книга «Россия: критика исторического опыта»* после многих перипетий и второй раз написанная дошла до читателей.

Заново написать такую книгу — подвиг воли, терпения и упорства, но замыслить и создать такую концепцию в стране с традицией, не допускающей инакомыслия вообще, а в исторической науке особенно,— научный подвиг и гражданский.

Автор предлагает новый взгляд на процесс развития общества и разрабатывает теоретический аппарат, научный язык, включающий около трехсот пятидесяти категорий и терминов. Он рассматривает общество как целое, и несмотря на все предубеждения против теорий общего характера, в нашем случае — это абсолютная, не только теоретическая, но и практическая необходимость. Его теория синтезирует достижения разных областей современного социального знания — философии, философии истории, экономики, социологии и культурологии, истории хозяйства и социальной психологии.

Что может быть названо общим, а что — особенным, самобытным в российском обществе, его историческом пути? Десятилетиями обсуждаются эти вопросы, достаточно вспомнить отечественную традицию западников и славянофилов, либо ее сегодняшнее преломление в баталиях неозападников и почвенников. О специфике общества идет постоянный напряженный спор, имеющий отнюдь не только академический характер.

Когда экономисты разрабатывают проекты реформ по самому последнему слову высокоразвитой западной науки и видят в российской экономике обычную экономику, они при попытках эти проекты реализовать получают результаты, никакими расчетами и прогнозами не предусмотренные. «Заговорила» неучтенная специфика! Ее скрытая реальность приводит к тому, что Н. Шмелев назвал попыткой построить Эйфелеву башню без опор и на гнилом болоте.

Но в то же время можно серьезно ошибиться, и не угадывая в идущих у нас процессах общемировые тенденции, хорошо известные, например, из практики становления молодых государств «третьего мира». Совершенно ясно, что необходим некоторый уровень абстракции, позволяющий уловить общие процессы, роднящие сегодняшнюю Россию с другими странами, и одновременно обеспечить измерение общества его собственной меркой и перестать мерить Россию в попугаях. Найти эту мерку и было задачей автора.

По мысли А. С. Ахиезера, Россия — промежуточная цивилизация, застрявшая между двумя основными типами: традиционным и либеральным. Он чужд обычного при этом превознесения достоинств традиционных обществ и критики «пороков

* Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Москва, Философское общество СССР, 1991, том I, 318 с.; том II, 377 с.; том III, Социокультурный словарь, XXXIX, 470 с.

Запада». В развитии рынка, установлении свободы человеческого творчества во всех его формах он видит важнейшую практическую задачу и необходимейшее условие вхождения России в мировое сообщество.

А. С. Ахиезер убежден, что нашел коренное условие, совершенно необходимое для успешности реформ: проекты должны быть постоянно направлены на преодоление глубоко укорененного в обществе социокультурного раскола. О расколе он пишет много, так как, по его мнению, это одна из тех особенностей, из-за которой путь России складывается именно так, а не иначе. Раскол, сложившись исторически, пронизал не только все отношения, институты, нравственность, но и личность, ее мышление, поступки, деятельность. В результате в обществе господствует некая промежуточная форма утилитарной нравственности, и задача реформаторов — преодолеть этот раскол, чтобы на массовом уровне укоренилась либерально-почвенная нравственность, синтезирующая либеральные ценности и почвенную основу. Это и будет означать конец исторического переходного периода, затянувшегося на несколько веков, конец того конкретно исторического типа самобытности, который автор назвал промежуточным типом цивилизации.

Очень важно, что А. С. Ахиезер превратил метафору «расколотое общество» в социальную теорию. Он проработал в понятиях многочисленные следствия, вытекающие из того, что общество долгое время находилось в промежуточном состоянии, выявил механизмы, которые оно в этой ситуации порождает, изучил особенности динамики тех сдвигов, метаний, колебаний, «прочерченных» обществом в пространстве и времени истории.

Он раскрывает динамику общественного развития через изменения массовой нравственности и деятельность многих, многих миллионов людей, через отношение личности к культуре, обществу, его институтам, через внутреннее содержание мышления и поведения человека, его способность осваивать новые культурные образцы, проникаться новыми ценностями, развивать новые формы труда.

В этой работе масса интереснейших идей, и читаешь ее буквально не отрываясь, хотя чтение и нелегкое. Но пытаясь ввести читателя в «мир Ахиезера», невозможно пересказать основные идеи этого философа истории. Однако об одной идее не сказать нельзя. Пожалуй, основную российскую проблему автор усматривает в господстве здесь инверсионной логики. Логики, которая абсолютизирует крайности. Ей чужда середина (то есть медиация, по принятой в книге терминологии). Инверсия ориентирована на использование исторически сложившегося опыта — готовых культурных образцов. Это — в основе своей архаичная (с преобладанием эмоциональной основы) форма логики и одновременно пласт любого мышления. Автор показывает, что, реализуясь в социальных явлениях, инверсионные повороты могут представлять большую опасность, обрушиваясь на отдельные слои населения, народы и т. д., которые мгновенно в глазах большинства переоцениваются «с точностью до наоборот». Этот тип логики чрезвычайно значим и в реализации нравственности, так как в определенной ситуации может произойти смена господствующей нравственной ориентации на противоположную.

Рефлексия, самокритика культуры, ее ограниченности, потому что критиковать свои собственные мысли, способности, действия, планы — это и есть единственная возможность изменить собственную жизнь, вот что необходимо любому обществу и нашему — в первую очередь.

Книга исполнена огромного внутреннего драматизма, напряжения, скрытого за внешней академической сдержанностью. «Нерв исследования» — в упорных, сосредоточенных попытках автора найти и выявить скрытые потенции общества, ростки той социальной «органики», свободной от извращающего влияния раскола,— опершись на нее, можно было бы достичь избавления, пусть и постепенного, и выйти из «замкнутого круга», «исторической ловушки», в которой мы оказались.

А. С. Ахиезер знает, что пропасть не перепрыгнуть ни в два, ни в один прыжок: его философия — это философия упорного, длительного творческого усилия, медленных, постепенных изменений, которые лишь впоследствии превращаются в новое качество. В теории — и требование к обществу, и это тоже нравственная позиция ее автора: люди, возвыситесь до сложности проблем, которые вам приходится решать, сделайте нравственное усилие, совершенно необходимое, чтобы изменить свои привычки и отклониться от инерции жизни! Потому что этот дополнительный труд может взять на себя лишь отдельный человек и как результат — общество.

С. МАТВЕЕВА

На самом излете советской эры, во второй половине девяносто первого года, вышло в свет исследование Александра Ахиезера «Россия: критика исторического опыта». Чтобы объяснить, почему это — событие, придется начать издалека.

Кризис советской идеологии начался не в восьмидесятых. Строго говоря, свободная мысль не умирала никогда, а примерно с середины шестидесятых годов в нашей культуре стало складываться некоторое пространство свободной мысли. Без всяких преувеличений можно сказать, что это — целый этап в истории русской общественной мысли. Этап, отмеченный идеологическими погромами, «зарезанными» диссертациями, разгонами кафедр, увольнением редакторов. Что же двигало людьми? Ученый должен отвечать на фундаментальные мировоззренческие вопросы, вытекающие из сферы его профессиональных интересов. И здесь он не может ничего с собой поделать, так устроено сознание истинного исследователя. Лучшие, те, кто осознали научную несостоятельность марксистских схем, не могли не объяснять себе мир, раздвигая или сметая рамки дозволенного. И конечно, первыми в ряду тех фундаментальных вопросов были вопросы смысла и содержания русской истории. В чем истоки, причины трагедии, которую наше отечество пережило в XX веке? Почему русская цивилизация так разительно отличается от Запада? Что ждет нас в будущем?

За двадцать лет свободная мысль в нашей стране вместе с зарубежьем сделала многое. Была восстановлена разорванная духовная традиция. В круг доступного вошли лучшие произведения предреволюционных отечественных мыслителей и авторов русского зарубежья. Шло постоянное осмысление западной общественной мысли. Однако при том, что отечественная культура значительно обогатилась, при том, что была раскрыта полная несостоятельность официальной идеологеммы, опубликованы интереснейшие исследования, не хватало «малости» — ответов на проклятые вопросы русской истории.

Когда рухнула марксистская парадигма и пыль рассеялась, обнаружились мировоззренческие и методологические руины. Бум научной публицистики, предлагающий более или менее расхожие ответы и частные соображения, был не в состоянии заполнить этот фундаментальный вакуум. Тут-то и появилось исследование Ахиезера. За год на книгу, отпечатанную тиражом в 1000 экземпляров, опубликовано семнадцать рецензий, состоялось много официальных научных обсуждений; неофициальным, кулуарным спорам, дискуссиям, разговорам — несть числа. Сейчас готовится массовое издание теоретического труда А. Ахиезера. Это говорит о многом. И не случайно.

Чтобы совершить прорыв в знании о России, а именно так оценивается книга Ахиезера, необходимо выйти за рамки накатанных подходов и устоявшейся методологии — найти новую плоскость рассмотрения. И он нашел ее. Ядро исследовательской программы Ахиезера — в обращении к культуре. Исследователь предлагает свой вариант философии русской истории, базирующийся на интерпретации сферы традиционной ментальности, то есть идеалов, нравственных норм, моделей мышления и миропонимания людей. Он показывает чрезвычайную устойчивость этих структур и огромное их значение, ибо именно логика традиционного сознания масс задает ход и направление самой истории России. От нее зависит, как создается и распадается государство, как меняется характер правящего режима, происходят и изживаются национальные катастрофы, не говоря уже о «вещах» более мелких — рыночной экономике, внешнеполитических связях и т. д.

Многое из того, о чем пишет Ахиезер, носилось в воздухе. Открытие Ахиезера состоит в том, что он предложил теорию, то есть целостную систему представлений, которая интегрировала данные этнографии, истории, социальной психологии, других гуманитарных дисциплин и предложила концепцию, описывающую в основных характеристиках историю русского общества, ни больше ни меньше с X века по сегодняшний день. Сложность изложения данной теории — а это трехтомное тысячестраничное исследование — состоит в том, что автор создал прекрасно разработанный теоретический аппарат, научный язык исследования, включающий более трехсот категорий и терминов. Изложение всей системы выходит за любые мыслимые рамки популярной статьи. Поэтому придется ограничиться самым необходимым для понимания общей логики, оставив «за кадром» многие значимые и чрезвычайно интересные вещи. Если же наши читатели заинтересуются, есть книги Ахиезера, мы отсылаем их к этим книгам.

Правда-кривда, да или нет?

Итак, начнем. Прежде всего автор выделяет объект своего преимуществен-

ного интереса — локальный мир, патриархальную общину, ибо во все времена сельское население страны было доминирующим, культура города, связанная тысячью нитей с земледельческой округой, задавалась традиционной культурой села. Таким образом, локальный мир оказывается носителем доминирующего в обществе типа ментальности.

Исследователь не устает подчеркивать чрезвычайную, поразительную устойчивость локальных миров, их способность сохранять свою культуру и социальную организацию. И это действительно так: история локальных миров прослеживается с эпохи заселения славянами Восточно-Европейской равнины (VI—VII века) до середины XX века. Отсюда термин Ахиезера — локализм — «стремление воспроизводить как высшую ценность локальные сообщества, соответствующую культуру, нравственные идеалы».

Древние локальные сообщества носили замкнутый характер. Еще для крестьянина XVIII века мир заканчивается за околицей, далее простирается опасное и враждебное пространство, занятое вредоносными силами.

Эти локальные сообщества насчитывали от нескольких десятков до нескольких сотен человек. Таким образом, «каждый мог непосредственно знать всех и каждого, социальные связи непосредственно основывались на эмоциональных отношениях», и все общество было подконтрольно каждому его члену, а все виды деятельности (трудовой, организационной, обрядовой) осуществлялись в форме непосредственных личных контактов. (Заметим, что это далеко не второстепенные вещи. Отсюда, к примеру, неприятие массовым сознанием безличного закона и правовых механизмов. Отсюда же культ душевности, доверительных отношений и многое другое. Традиционное сознание отталкивается от обезличенных форм социального регулирования.) Связь между людьми базировалась на общем происхождении от единого предка, родоначальника, и на представлении о едином тотеме.

Определяющим аспектом любой культуры является нравственность. Именно она дает основания человеческой деятельности. Изначально нравственные представления осознаются в форме дуальных оппозиций: добро — зло, полезно — вредно, хорошо — плохо и т. д. Нравственное ядро локальной культуры формировалось вокруг нравственного идеала, понимаемого как «правда». В русской культуре оппозиция добра — зла выступает как борьба правды и кривды.

Понятие «правда» — глубоко синкретическое, то есть целостное, нерасчлененное представление, охватывающее самые различные пласты и срезы бытия. Правда — это и определенный социальный идеал, или идеал социального устройства (догосударственный, локальный, уравнительный); и идеал межличностных отношений (патриархальных, общинных); и идеал образа жизни (традиционно крестьянского); правда — это и воля. Волюшка вольная — не простая, далеко не тождественная либерально-правовым представлениям о свободе и ответственности; идея, речь о которой пойдет дальше.

Правда — это и сама земля. Земля, распаханная и возделанная крестьянином, онтологизирует, то есть приобщает его к бытию и воплощает в себе высший нравственный смысл. В старинном памятнике древнерусской письменности «Слово об Адаме» читаем: «Земля как дар Божий человеку и есть та самая Правда, которая с небес принесе».

Правда выступает в форме воли локального мира, то есть решения веча, мирского приговора.

Обобщая, правду можно охарактеризовать как идеал, культурное ядро до- (или вне-) государственной жизни локальной общины. «Идеал правды зиждется на мечте об устройстве жизни, очищенной от искажений, в которых виноваты, может быть, начальство, иноземцы, собственная слабость и т. д., зиждется на вере в естественную жизнь, которая, хотя и утеряна частично, но неизбежно восторжествует». Правда и кривда — абсолютные антагонисты. Однако, что очень важно, они не могут существовать друг без друга. Существуют, взаимопроникая друг в друга. Архаическому сознанию вообще свойственно воспринимать реальность через дуальные оппозиции (мужское — женское, небо — земля, великое — малое). При этом каждое явление, каждый факт относится к одному из полюсов. Такое отношение глубоко окрашено эмоционально. Полюс, оцениваемый как носитель абсолютной ценности. Это идеал, сущность, с которой человек должен слиться, отождествиться. Другой переживается как дискомфортный. И отношение к нему резко отрицательное.

Так, познавая мир и одновременно наделяя его ценностным отношением, человек осваивал его. Мир становился устойчивым, привычным, соответствовал фундаментальным нормативным представлениям. Однако психологический комфорт не является неизменным. Перемены в окружающей реальности могут вызвать ужас, отвращение. Комфорт сменяется дискомфортом. Все, что раньше оценивалось как «хорошее», теперь оценивается как отрицательное, «плохое», происходит инверсия, переход от осмысления некоторого явления через один полюс (как добра) к противоположному, то есть злу. И переход этот происходит логически моментально. Отпадение от одного полюса к другому одномоментно. В эту инверсионную логику укладывается, например, знаменитый русский бунт, «жестокий и беспощадный». Взрывной переход от покорности к разрушению и столь же неожиданно обратно, к покорности и покаянию,— наглядное выражение инверсионного сознания.

Дуальная и инверсионная логика — детство человечества. Взрослея, человек осознает, что реальный мир состоит не из Кащеев и добрых молодцев. Реальность бесконечно сложнее, разнообразнее и не сводима к однозначным «да — нет» оценкам. В процессе исторического развития инверсионная логика перерастает в медиацию.

Что это значит? Люди начинают понимать сложность мироздания и своих собственных отношений и отказываются отождествлять явления и поступки с одним из полюсов. Соответственно изменяется и поведение человека. Медиация связана с рефлексией — переоценкой, переосмыслением прошлого. Социальным результатом медиации стало создание и наращивание срединной культуры (термин Бердяева), то есть слоя, состоящего из новых элементов, не сводимых к архаическим крайним полюсам. Медиация задает нарастание сложности социокультурных процессов. Если традиционное сознание воспроизводит общество и культуру в качественно неизменном виде, то для медиации характерно стремление получить новый результат. Одним словом, медиация запускает процессы роста, прогрессивного развития, усложнения и совершенствования общества.

В свою очередь в ответ на медиацию, то есть процессы усложнения социальной организации и наращивания срединной культуры (а значит и удаления общества от идеала синкретической правды), носители традиционного сознания порождают антимедиацию, то есть активность, направленную на возврат к исходному комфортному состоянию. Так, антимедиацией был ответ традиционного крестьянства на наступление товарно-денежных отношений. В чем он заключался? Активизировалась община, вновь зазвучали требования вернуть уравнительность, натурализацию отношений, локализм.

Если спросите, откуда...

Следующая тема имеет особое значение. Речь пойдет о манихействе. Учение Мани восходит к насчитывающей более трех тысяч лет зороастрийской традиции. В собственном смысле как духовное течение манихейство возникает в III веке на Востоке. Согласно этому учению, зло (материя) и добро (свет) — два равноправных начала мира. Оно основано на абсолютном противопоставлении добра и зла и стало самым ярким воплощением инверсионной логики. Учение это исходит из того, что существующее в мире зло «своим истоком имеет людей, которые отпали от добра и приобщились к космическому злу». Отсюда следует интересный практический вывод: реальное решение всех человеческих проблем лежит на пути избиения носителей зла — оборотней, уничтожения враждебных сил — сословий, групп, государственности, инородцев и т. д. Манихейская линия в русском сознании восходит к иранским истокам скифской культуры. Чисто манихейской, по существу, является стержневая для русской народной культуры идея извечной борьбы правды и кривды. Необходимо, однако, сказать, что манихейская трактовка носителей зла несовместима с христианством, которое разделяет человека и зло.

В социальном плане манихейство — чистая утопия. Манихеи (а в широком смысле такие существуют в любой культуре) ждут наступления времени, когда добро окончательно победит зло и восторжествует. «Манихейство стало идеальной системой представлений, противостоящих государственности, всякому усложнению социальных отношений, культуры, всякой «зауми». Оно сеяло иллюзии, что наша жизнь — результат козней злых сил, и, чтобы вернуть комфорт, нужно (первобытная формула) победить нелюдей и демонов, ибо «правда нашего мира противостоит кривде иного мира». (А значит, ксенофобия, изоляционизм, страх перед иноземным имеют в своих истоках не только конфликт православия и католицизма, не только манихейские мотивы, но коренится в самых глубинных локалистских инстинктах.) Внешний мир враждебен, без победы над ним невозможно воспроизводить локальный мир. Итак, понятно — статичному идеалу сельского

мира противостояли влияния, нововведения, искажения, за которыми стояла кривда мира другого.

Только не я...

Смысловым и эмоциональным ядром организации локальной общины выступает тотем. Тотем — сложная категория архаического сознания. Он воплощает в себе всю целостность культуры и социальной организации. Тотем мистически тождествен целому. Традиционный субъект обретает комфорт в приобщении к тотему. И наоборот, ощущает дискомфорт, когда отпадает от него. Воплощением является антитотем. Антитотем — тотем враждебного существа, оборотень; сущность, несущая хаос и разрушение. Традиционный субъект пребывает в постоянном страхе отпадения, утраты тотема. Отпадение может быть следствием всяческой субъективности, «гордыни», личностного начала в человеке, которое несет в себе ошибки, ереси и, в конечном счете, погибель. «Для тотемизма,— пишет Ахиезер,— характерно постоянное стремление личности отдать себя под власть сильного как в сфере духа, так и в социальной жизни».

Выражением существа локального сообщества было вече, сход, которому соответствовал вечевой идеал. Вече объединяет тотем — патриархального главу, батюшку, родовладыку, князя и весь людской коллектив в целом. Для веча характерно преобладание монолога инверсионных форм логики, постоянное стремление к тотему, страх отпадания. Механизм принятия вечевого решения носил эмоциональный характер. В конфликтных ситуациях страх отпадания вынуждал меньшинство принять волю большинства.

Конечно, вечевой идеал не следует путать с современными формами демократии, основанными на плюрализме и высокой ценности отдельной личности, в результате чего и возможны выработки взаимоприемлемых решений. Здесь же, в России, как говорил Кавелин, «дела решались не по большинству голосов, не единогласно, а как-то совершенно неопределенно **сообща**» (подчеркнуто мной.— *И. Я.*). Само решение мира носит авторитарный характер, поскольку не признает права меньшинства на особое мнение. Оно выступает «не в качестве позиции большинства, но как единственно возможная точка зрения. Решение веча воспринималось как абсолютное воплощение Правды».

Говоря о локальном мире, нужно упомянуть еще о важных моментах. Прежде всего — о мощнейшей уравнительной интенции. И это понятно. Социальная дифференциация разрушает мир, общину, чему последняя противостоит на всех уровнях. Уравнительным был почвенный социальный идеал. Мечта об Опонском царстве рисует идеал всеобщего достатка и экономического равенства. Уравнительной была и социальная практика. На традиционной власти и на сельском мире лежала задача ровнять, уравнивать всех — этому служили не только переделы земли, но и вся политика сельского мира.

Но всякое общество иерархично. Патриархальный лидер — батюшка — старший в роду, наряду с другими берет на себя функции распределения и перераспределения продуктов труда, благ и преимуществ. С древнейших языческих времен родоначальник совмещает в себе собственнические (в строгом смысле — распорядительные), жреческие (идеологические) и властные функции. Нерасторжимость власти, собственности и жречеcко-идеологических функций — самая устойчивая и важная социальная норма традиционного сознания. Для того чтобы осознать это, достаточно сопоставить ненависть сегодняшнего традиционалиста к «спекулянту», «биржевику» с тем обстоятельством, что в его глазах союзный министр, например, или секретарь обкома были вполне естественными персонажами. И дело здесь не в привычности старых структур. Чиновник прошлого приемлем потому, что распорядительные, то есть собственнические, функции и соответствующие привилегии сочетались в этом случае с принадлежностью к властной и как члена ЦК идеологической иерархии. Сегодняшние «капиталисты» отрывают собственность от властных и идеологических иерархий. Это и вызывает протест.

Из сказанного легко вытекает глубокая антирыночная позиция локального сообщества. Рынок подрывает распределительные функции старших, включает членов сельской общины в большой, противостоящий общине мир, рождает новые стимулы к деятельности, неизбежно размывает поддерживаемую общиной экономическую уравнительность. Рынок несет человеку новые ориентиры и делает его независимым. А общину — ненужной. Именно это для всех бывших и нынешних общинников и превращает рынок в символ всего враждебного, в стихию распада и хаоса.

А вот по этому поводу неутешительные слова Ахиезера: «Способность древних славян воспроизводить локальные сообщества является исходной клеточкой... логическим и конкретно-историческим началом дальнейшей государственной истории. Эта исходная клеточка существует... как всеобщая основа воспроизводственной деятельности».

Первый этап отечественной истории

Автор характеризует его как этап господства раннего, соборного, нравственного идеала. Хронологические рамки его соответствуют Киевской Руси. Логика становления и распада раннего государства раскрывается следующим образом.

На этапе формирования государства локальные миры испытывали возрастающее дискомфортное состояние от усложнения жизни, конфликтов, роста междоусобиц. Выход из этого открывался на пути экстраполяции, или истолкования нового в понятиях старого, в формах уже сложившейся культуры. Ценности локального мира были экстраполированы на значительно более широкую сферу. Это открывало путь к созданию государственности — собранию локальных миров, собранию племен. Локальный вечевой идеал оказывался нравственной основой возникающего большого общества. Социальные отношения истолковываются через родственные. Представления о первом лице складывались под влиянием образа отца, который должен заботиться о детях, опираясь на авторитарный характер своей власти. Князь воспринимается локальной общиной как родовладыка. Тотемистические представления позволяют истолковывать князя как «потомка» тотемных предков, как носителя функции тотема.

Итак, идеалы локального мира экстраполируются на большое общество, то есть государство, социальный организм, качественно отличный от локального сообщества и к нему не сводимый. Но специфика большого общества заключается в том, что люди не могут знать друг друга, и отношения между ними приобретают не эмоционально-личностный, а абстрактный характер. Однако, создавая большое общество, люди продолжали полагать себя живущими в локальном мире. Новое развивалось на несоответствующей культурной основе. Такое общество постоянно подвержено опасности дезорганизации. Институт веча не мог обеспечить интеграции большого общества. Именно в этом, в частности, Ахиезер видит причину упадка Новгорода. Новгородские восстания XII — начала XV века представляются ему выражением борьбы между городом и локальными мирами. «Концы» города как локальные сообщества не интегрировались в целое, отстаивая свои локалистские ценности.

Большое общество постоянно подвержено опасности дезорганизации, социальной катастрофы. Важнейшее средство ее предотвращения — государство. Государство — медиатор, то есть механизм, нацеленный на интегрирование общества. Для обеспечения интеграции государство постоянно решает медиационную задачу, а осуществляет ее правящая элита, то есть особый социальный слой, субкультура которого включает ценности государственной жизни. Профессиональная функция этого слоя — управление.

С формированием большого общества на Руси возникает фундаментальный конфликт двух уровней сознания — массового догосударственно-локалистского и государственнического, воплощенного в правящем слое общества. Этот конфликт проходит через всю историю России. Естественно, что решение медиационной задачи неимоверно сложно, когда сознание масс тяготеет к догосударственным ценностям.

Вечевой идеал имеет два полюса — соборный и авторитарный. Во времена Киевской Руси утверждается соборный идеал — народная правда. Власть князя ограничена. Из пятидесяти киевских князей четырнадцать были приглашены вечем. Но соборные институты, по своей природе основанные на связях людей, знающих друг друга, не способны обеспечить воспроизводство большого общества. Более того, сам правящий слой оказался под властью догосударственных ценностей. Вся жизнь пронизывается локальностью. В итоге Киевская Русь распадается. К сожалению, мы часто забываем, что татаро-монгольское вторжение застало страну в запустении.

Банкротство соборного идеала и победа идеала авторитарного

Если ячейкой первого государства было вече, то второе государство строилось на основе удела, вотчины, обособленного княжества. Отдавая себя под покровительство вотчинника, население распространяло на него свои представления об отце, тотеме. «Князь» и «княгиня» по существу означало «тотем-мужчина» и «тотем-женщина». Именно в эту эпоху закрепляется принцип нерасторжимости власти, собственности и жречеcко-идеологических функций. Общество азиатского способа производства, так его впоследствии назвали историки. Общество нерасчлененного мышления, нерасчле-

ненных ценностных и социальных отношений.

Новое государство авторитарного типа ведет свое начало от княжения Ивана Калиты — первого собирателя земель под эгидой Москвы. Постепенно страна превращается в один громадный удел. При этом государственное управление не отличимо от управления дворцовым хозяйством, ибо страна мыслится как вотчина государя-батюшки.

Специфика авторитаризма заключается в том, что центр тяжести решений сводится к монологу. Разнообразные интересы локальных миров отходят на второй план. Высшее руководство, воплощающее этот авторитарный монолог, включало первое лицо и боярскую думу — модифицированный институт соборного типа. Боярская дума (и вече тоже) возникает как собрание локальных миров. Первые лица, представленные в Думе, отождествляются с бывшими независимыми княжествами. На этой основе возник идеал раннего умеренного авторитаризма. Он опирался на представления о власти отца, осуществляемой в рамках традиции и основанной на общем согласии семьи, рода.

Однако идеал, ставший господствующим, не дошел до своей крайней точки, то есть авторитарной власти одного лица. Этому была вполне естественная причина. Формирование срединной культуры (а оно пошло довольно споро) неизбежно тормозит инверсию. И потому ее можно расценивать как инверсию, застрявшую на полпути.

Хотя Иван IV Грозный изо всех сил старался сокрушить умеренный авторитаризм и утвердить крайний. Причина — острый конфликт между утратившей эффективность консервативной организацией и потребностью царя сделать ее более управляемой на путях усиления авторитаризма. То была чисто манихейская персонификация социальных явлений в лице бояр-изменников. В реальности же — общая враждебность к государству, но не к царю лично. Попытка опричнины заставить систему перестроиться соответственно принципам крайнего авторитаризма потерпела провал. Рыхлое государство попросту разрушалось.

Следует рассмотреть и такой феномен — глубокую вражду народа к начальству. Архаический идеал видел мир двуслойно, двучленно — царь и народ. Для промежуточного слоя в манихейской модели мира места не оставалось. Начальство, бояре руководствуются личной корыстью, глупыми, заумными идеями. Они есть зло, результат козней дьявола. Реальная политика власти, направленная на укрепление государства, противостоит догосударственным идеалам патриархальной массы. Однако в этом состоит парадокс, патриархальные массы понимают царя как носителя идеалов народной правды. Реальная же практика власти объясняется кознями своекорыстных бояр. В конфликте между царем и боярством простой народ — на стороне царя. Избиение бояр всегда воспринималось народом как движение к правде. Массовая поддержка царя носила глубоко догосударственный характер и в конечном счете подогревала деструктивные тенденции. Царствование Ивана Грозного оставило после себя разрушенную до тла страну. Процессы саморазрушения авторитаризма в конце концов обрекли династию на гибель.

В Смутное время локальные идеалы, мечта о них замаячили с новой силой. Развал государства привел к огромным потерям, к Смуте. В это время погибла треть населения Московского государства. А народные восстания? Люди Болотникова предполагали, например, целиком истребить начальство. Крестьяне массами бежали в казачество, пополняя среду носителей древнего догосударственного идеала.

Вторая в истории страны катастрофа свидетельствует о том, что авторитарная версия народного идеала, как и соборная, не смогла дать прочной нравственной основы для интеграции общества. В конце концов авторитаризм был сокрушен.

Идеал всеобщего согласия

Новый идеал формировался под влиянием негативного опыта как авторитаризма, так и соборного идеала. Он может быть назван ранним идеалом всеобщего согласия. Что это такое? Долг народа — подчиняться воле царя. Долг царя — прислушиваться к голосу земли. В этой гармонии и должна осуществляться правда. Новый идеал вызревал медленно. Он был продуктом массового творчества, которое в кризисной ситуации стало более активным. Формирующийся госаппарат объединил древние общинные институты и бюрократию. Выражением идеала стал земский собор. Тот факт, что собор представлял и правящую элиту, и народ, говорит о роли его как канала коммуникации, обеспечивавшего единство сословий. Исключительная важность земских соборов заключалась в том, что они стремились уйти от инверсионных решений: да — нет, хорошо — плохо. Это был шаг к срединной культуре, создавалась форма диалога народа и власти, диалога сословий.

Развитие нового идеала могло быть лишь на основе роста сословности — «важнейшего проявления срединной культуры на пути общества от первобытности». Возникновение сословий — существенная сторона усложнения общества, дифференциации его структур и функций. Уложение 1649 года законодательно закрепляет создание сословий и затрудняет переход из одного в другое.

Однако постепенно выявляется внутренняя слабость раннего идеала всеобщего согласия. Заключалась она в том, что конфликты оказались сильнее, чем культурная основа согласия. Общество не выработало механизмы, способствовавшие углублению интеграции в процессе разрешения противоречий. И земские соборы, и вся страна не были подготовлены к разрешению конфликтов путем компромисса и диалога. Авторитарное давление, с одной стороны, и сопротивление локальных миров — с другой, подтачивали идеал.

Стремление каждой из сторон оградить свои интересы было сильнее ценностей согласия. Общество отвечало на конфликты возвратом каждого из устойчивых сообществ к исторически сложившимся ценностям. По стране прокатилась волна восстаний (конец сороковых — шестидесятые годы); пиком ее было восстание под руководством Степана Разина. Господствующий идеал разваливался, утрачивая способность к интеграции общества.

Снова крах господствующего идеала. И результат — двойственность отношения народа к власти, снова инверсия — неумирающая способность переходить от оценки власти как воплощения правды к оценке как воплощению кривды. С одной стороны, «без начальства нельзя», с другой — начальство есть зло. Периодически вспыхивавшие восстания стремились к поголовному истреблению начальства. Промежуточный слой плохо вписывался в массовое патриархальное сознание. Вера в царя не мешала борьбе с царскими войсками. Царские грамоты не принимали — как якобы подложные.

Но инверсии подвержен образ самого царя. Он может быть отождествлен с начальством. Отсюда идея «подменного царя» и знаменитое русское самозванчество.

Еще одним выражением кризиса общества были процессы, связанные с церковным расколом. «Староверие было одним из множества средневековых манихейских движений широких народных масс, выступавших против усложнения форм большого общества, против сословности и основанной на нем государственности». Ахиезер показывает, что манихейское мировосприятие распространяется и на власть, и на все общество в целом. Римский папа, например, прочно отождествляется с Антихристом. Различные силы и движения видели антихриста и в царе, и в патриархе, и в боярах. Манихейское противостояние власти светской и духовной было не единственной доминантой староверия. Одновременно разрабатывалась и другая модификация манихейства, направленная против инокультурных влияний, прежде всего — иных конфессий, элементов образа жизни и т. д.

Манихейство староверов исходило из извечной борьбы России с Западом. И зло для них было западного происхождения, а общество — поле извечной борьбы богатых и бедных. В представление о зле староверы включали элементы утилитаризма, страсти к земным благам, «утробу», которая стала олицетворением пороков*. Зло занимает центральное место в мировоззрении старообрядцев, носители его в конечном счете — определенные группы общества — начальство, лютеране, никониане и т. д. Таким образом, манихейство оказывается мощной убойной силой, сортирующей людей на своих и оборотней зла, на тех, кому следует жить, и тех, кого следует «ножом переколоть», «развешать по дубью». Староверы явились важнейшим компонентом антигосударственного движения, они несли в себе идеал воли и праведной жизни прошлых времен. Влияние старообрядчества прослеживается в цепи восстаний конца шестидесятых — рубежа XVII—XVIII веков.

Подводя черту, автор фиксирует следующую мысль: само по себе возникновение идеалов всеобщего согласия было важным событием в истории страны. Оно открывало путь к преодолению инверсионной логики и способствовало развитию государства. И даже крах этого идеала не уничтожил прецедент, не смог уничтожить идею всеобщего согласия на почве государственных ценностей. Что из этого вышло — тема следующей статьи. ●

* В этом месте полезно вспомнить о нашей интеллигенции с ее отношением к «обывателю», «колбасе» и с идеями о том, что «человек выше сытости».

Секрет успеха

Спорт, безусловно, помогает ученым, но в самой науке он неуместен. Тем не менее бывают случаи, когда в среде ученых подводят итоги и выявляют победителей. Так, американский бюллетень «Science watch» (1992 год, № 2) приводит список наиболее цитируемых печатных трудов за 1981—1990 годы. В таблице с именами двадцати ученых, которым принадлежит наибольшее число работ, первую ступеньку занял наш соотечественник Юрий Тимофеевич Стручков — 948 научных публикаций!

Юрий Тимофеевич Стручков — член-корреспондент Российской Академии наук, заведующий лабораторией рентгеноструктурных исследований Института элементоорганических соединений имени А. М. Несмеянова РАН, директор Центра рентгеноструктурных исследований Отделения общей и технической химии РАН, что само по себе уже вызывает глубокое уважение. Но больше поразило другое. Три из каждых ста органических кристаллических структур, получаемых во всем мире,— детище научных коллективов, возглавляемых Юрием Тимофеевичем.

Как добиться таких результатов? Очень просто. Надо последовать примеру Юрия Тимофеевича. Взять пятнадцать талантливых ученых, лучшее в мире оборудование и круглыми сутками по семь дней в неделю десять лет кряду трудиться. Успех не заставит себя ждать.

В. БРЕЛЬ

«ЗНАНИЕ—СИЛА» № 1

И. Прусс

Как Пряхин искал свою личность

Часть вторая*

Пряхинское увлечение социальной психологией с новой силой расцвело после весенней сессии, на даче. Он по-прежнему терзал толстый зеленый том Шибутани «Социальная психология», но вдобавок именно здесь он обрел аудиторию. Съехались «дачные дети», которые вместе выросли, разбрелись по разным институтам, почти не встречались в городе, но легко и естественно восстанавливали отношения каждое дачное лето.

Правда, назвать эту аудиторию благодарной было бы вполне несправедливо.

— Чушь какая,— сказала будущая филологиня, с трудом дослушав краткое сообщение Пряхина о том, что весь мир — театр, а люди в нем — актеры, роли для которых написаны неведомо кем, но соблюдаются неукоснительно и для пущей солидности именуются в науке «социальными ролями»,— то есть не сами роли чушь,— поправилась она,— можно сказать и так, если тебе нравится. Невероятная чепуха, что человек к ним сводится и целиком ими покрывается. Люди-то разные. Каждый человек уникален и неповторим, это, если хочешь, главная установка всей гуманистической культуры, говоря высоким штилем. И то обстоятельство, что все ездят на автобусе, каждый — чей-то сын, отец, муж, ничего не меняет. Это только анкета, после нее и начинается самое интересное.

Но гуманистическая отповедь не убедила Пряхина, а только раздражила его своей, как ему показалось, поверхностной демагогичностью. Люди разные, он и сам хорошо видел; однако разнообразие это уже готов был воспринимать в известном смысле математически: изобилие разных сочетаний ролей, моделей и шаблонов поведения создавало понятную возможность, чтобы сочетания эти практически никогда не повторялись. Пряхин же бился над тем, что поведение и даже мысли и чувства каждого неповторимого, уникального человека заранее определены извне, обществом — неуловимым, но жестким диктатором. И самое обидное — что человек зачастую принимал такой диктат как свою собственную волю, свое желание или мысль — хотя именно эта мысль и это желание непременно должны были в нем появиться по логике его, возможно, неповторимой конфигурации ролей.

Сам Шибутани, очевидно, из тех же общегуманистических соображений, тоже частенько приговаривал, что человек неповторим и уникален. Более того, он как будто спорил с Пряхиным:

«Некоторые социальные психологи говорят, что поведение «детерминировано» ролями, словно бы последние существуют независимо от человеческого поведения и впрессовывают людей в какие-то внешние формы. (Пряхин-то был убежден, что вся теория социальных ролей неизбежно приводит именно к такому печальному выводу.) Роли, однако, существуют только в поведении людей, и шаблоны становятся различимы только в их организованном взаимодействии. Роли

* Продолжение. Начало — в № 1 за этот год.

суть модели поведения, которые составляют желаемый вклад данных участников в групповое действие. Но даже в стабильных обществах люди не являются автоматами, слепо выполняющими конвенциональные роли. Именно тот факт, что отклонение оказывается возможным, показывает, что такие модели не являются причиной поведения».

Дальше, в главе о социальных санкциях, Шибутани пишет о том, что они порождены необходимостью постоянно призывать людей к порядку, «впихивать» человека в роль. То есть получалось все-таки, что человек — отдельно, а его роли — отдельно, и требуются время от времени специальные усилия, чтобы одно без помех и неожиданностей накладывалось на другое: «Все конвенциональные нормы нарушаются...»

Нельзя сказать, что Пряхин проскакивал эти места книги или принципиально их игнорировал,— он искал их, долго ломал над ними голову и с великим сожалением отбрасывал. Потому что он никак не мог найти то пространство жизни, в котором могла развернуться и показать себя эта самая уникальность, неповторимость, идущая изнутри человека и принадлежащая только ему лично. Все четче проступал перед ним сложный узор неповторимых сочетаний ролей конвенциональных, как бы внешних и формальных, и ролей межличностных, права и обязанности которых взывали к чувствам и вызывали чувства. Но неповторимость сочетаний не отменяла повторимости элементов этих сочетаний, их постоянной повторяемости у разных людей, их априорной заданности, из которой невозможно было выскочить точно так же, как невозможно выскочить из обложек многотомного академического словаря русского языка и оказать подлинно новое, никем до тебя не сказанное слово. И чем явственней был для Пряхина этот узор, тем окончательней терял он всякое пространство для личности.

Тот же Шибутани демонстрировал иезуитски изощренный диктат общества на все новых и новых срезах человеческой жизни. И по не вполне понятным Пряхину причинам тут же приговаривал: а все-таки человек неповторим и уникален, а все-таки он не сводится к роли и роль есть не причина, а лишь форма скоординированного взаимодействия людей.

Так если не сводится, что там есть еще?

Композиция О. Меликова и А. Эстрина

Один из возможных ответов пришел с совершенно неожиданной стороны.

— Старик, нас учат, что теория сильна предсказанием,— начал, как и все, с критики входить в тему Теоретик, которого так называли еще до поступления на мехмат за склонность к абстрактным рассуждениям на любую тему.— Что можно предсказать с помощью твоей теории социальных ролей? Поведение родных и близких ты предсказываешь без всяких теорий — просто потому, что хорошо их знаешь. А что теория скажет тебе о случайном соседе в автобусе? Что он, по всей вероятности, купил билет и вряд ли будет кусаться? Нужна мне такая теория...

— Не скажи,— возразил будущий историк.— Если я правильно понял, эта теория описывает стандарты поведения, которые складываются в скоординированных действиях людей. Стандарты — значит, нечто самоочевидное для участников. Отойди на несколько шагов, лет этак в пятьсот, и никакой очевидности не будет. Через несчастные черепки, обломки украшений историк пытается прорваться к ткани повседневной жизни, ушедшей жизни. Она же вся состоит из таких стереотипов.

— Вся? — взволновался Пряхин.— Если вся, то где же личность?

— А ты хочешь, чтобы по черепкам личность реконструировали? — насмешливо сказала Филологиня.— По стандартам поведения? Да человек скорее прячется за эти стандарты, чем проявляет в них себя.

— Прячется, прячется,— неожиданно вмешался в их разговор мужчина, сидевший поодаль, у катерининой террасы (Катерина, психолог, снимала у Пряхиных комнату с террасой.) Он утром приехал к Катерине в гости и давно уже поглядывал издали на «дачных детей».— Человеку всегда есть что прятать. От людей, от себя. Я — психотерапевт, я знаю. Вы позволите?..

Он подошел к «дачным детям» и взглянул на лежавшую на столе книгу.

— Шибутани, «Социальная психология». Прекрасная книга! Слышишь, Катерина,— закричал он,— тут Шибутани читают!

— Слышу, слышу,— ответила Катерина, чистившая клубнику для варенья, и усмехнулась: ее гость заинтересовался не столько книгой, сколько Филологиней.— Я сама дала.

— Великое дело сделал Вадик Ольшанский, переведя эту книгу,— сказал психотерапевт значительно, и Катерина опять усмехнулась: с «Вадиком» ее гость не был знаком.— Обратите внимание, в шестьдесят девятом книжка у нас вышла, на излете оттепели. Еще годик-два, и ее никто бы не издал.

— Почему это не издал бы? — Филологиня своим откликом как бы легализовала вторжение психотерапевта; юноши выжидательно молчали.— Я не вижу тут никакого диссидентства. Шибутани не покушается, по-моему, на наши краеугольные камни, ему на них наплевать.

— А потому, милая барышня, не издали бы, что в книжке этой другая картина мира заложена. Не марксистская. Вы правы, Шибутани, насколько мне известно, против советской власти конкретно не высказывался. Однако человек из его обзора западной социальной психологии встает не трудовым ресурсом, не представителем класса, не строителем светлого будущего. У него тут Фрейд есть? Есть о Фрейде, как же без него. Следовательно, человек перед вами встает, обуреваемый страстями, подавляющий инстинкты, преодолеваю-

щий комплексы. Не наш, короче говоря, человек.

Пряхин изумился: как же он просмотрел такие страсти в книге, казалось бы, уже перепаханной вдоль и поперек,— и стал судорожно вспоминать про инстинкты и комплексы. А психотерапевт, оседлав стул, продолжал, обращаясь почему-то исключительно к Филологине.

— Все мы — люди, испорченные марксизмом. Да, и вы, милая барышня, тоже. Хотя, возможно, у вас по соответствующему предмету оценки не самые блестящие. Впрочем, преподается ли теперь соответствующий предмет? Но это совершенно неважно. Марксизм просто разлит в воздухе, проник во все поры нашего организма. Марксизм и такое специфическое советское ханжество, отрицающее проблемы пола. То есть отрицающее основу бытия. Все муки человека так или иначе связаны с проблемой пола, а мы делаем вид, что это не так, обсуждаем и лечим симптомы, загоняя главное, извините за каламбур, в подполье.

Я вот тут недавно разбирался с одной семьей. Запутались в трех соснах, изводят друг друга, себя изводят, семья накануне полного развала. Хорошо, у отца хватило ума обратиться к психотерапевту. И что вы думаете? Классический набор из учебника по психоанализу. Мать терпеть не может свою дочь, потому что видит в ней соперницу. Дочь ревнует отца не только к матери, но к любому телеграфному столбу. Отец запутался в этих дамских интригах и мечется из стороны в сторону. Мать с утра до вечера пилит свою дочь за любую мелочь и с удовольствием рассказывает отцу, какая та неряха, какая бестолковая. Уверяет, что все это делается от переизбытка любви и заботы о будущем дочери. И на самом деле в это верит!

С одной стороны, тут все понятно: подавление, вытеснение — потому что мать своего ребенка любить обязана и признаться в подлинном положении дел она просто не в состоянии. Так же как и ее дочь, которая в сознание свое не может допустить ни малейшего подозрения о природе своих чувств и мучений. Чистый случай для психотерапевта, моя работа.

Но с другой... с другой — все это дико искажается нашим стихийным марксизмом. Человек что? Сгусток или сколок, или еще там что-то... короче — прямое отражение и фокусировка общественных отношений. Значит, родители бегут в школу, потому что, ясное дело, у дочки все ее общественные отношения там. Ищут, какой учитель первым ее обидел, после чего она маме хамить начала. Школа напрягается, на девчонку начинают косо смотреть — она, естественно, защищается, начинает хамить всем подряд. А мать, естественно, всем подряд рассказывает, какая у нее ужасная дочь. Той кажется, что весь мир против нее. Да еще возраст: ладно, если просто из дома убежит, а может ведь руки на себя наложить. Несколько лет назад ее бы обязательно обсудили на комсомольском собрании, включили бы на полную катушку общественный процесс воспитания. Слава Богу, теперь хоть это немодно.

И никто не поверит в мое объяснение ситуации. Вот вы слушаете и, по глазам вижу, тоже не верите. А любой американец мне бы сразу поверил — они в этом смысле люди образованные. Мы же делаем непроницаемые глаза, будто к нам такие проблемы никакого отношения иметь не могут. Да разве вы, милая девушка, осознаете, что на самом деле происходит там, в глубине?

— Хватит детям голову морочить,— строго сказала, подходя к ним, Катерина.— Распустил хвост. Вы не обращайте на него внимания. Он прекрасный психотерапевт, но никакой не теоретик. И с Фрейдом лучше знакомиться не через него. Пошли варенье варить...

Позже Филологиня как бы между прочим попросила у Пряхина книгу.

— Погоди, я сам сначала посмотрю...

Пряхин поступил очень просто: открыл именной указатель и начал читать подряд все, что относится к Фрейду. Конечно, это имя он слышал не впервые, но представление о фрейдизме у него было самое смутное: что-то про бессознательное, какой-то Эдипов комплекс. У Шибутани Пряхин проскакивал упоминания о Фрейде просто потому, что никак не связывал его учение с личностью.

Довольно быстро он выяснил, что был не прав.

Известный французский гипнотизер Бернгейм внушил человеку, чтобы тот, выйдя из гипнотического транса, взял чужой зонтик, открыл его и прошелся взад-вперед по веранде. Человек так и сделал. А когда его попросили объяснить такое странное поведение в гостях, ответил, что это у него привычка такая — время от времени «подышать воздухом». Зачем взял чужой зонтик? Правда, чужой? Ох, извините, это я по рассеянности...

Гости изумились мощи гипнотизерского таланта, Фрейд — совсем другому. «Фрейда поразил именно тот факт, что человек что-то делал по причине самому ему не известной, но впоследствии придумывал правдоподобные объяснения своим поступкам. Человек с зонтиком пытался объяснить свое странное поведение вполне рациональными соображениями и говорил совершенно искренне. Не так ли и другие люди находят «причины» своих действий? Хотя давно было замечено, что объяснения, которые дают люди своим поступкам, не всегда заслуживают доверия, Фрейд сделал это наблюдение краеугольным камнем теории человеческого поведения».

Подлинная причина поступка может быть самой экзотической — вроде гипноза; объяснение ему человек ищет, придумывает самое стандартное, легко вписывающееся во всем понятную и всеми принятую роль. То есть опять-таки получалось, что человек больше отведенной ему (или выбранной им) роли, но он сам считает необходимым себя туда впихнуть, чтобы стать понятным хотя бы самому себе.

«Лялька, здравствуй!

Я сижу на даче. Взяла с собой кое-какую работенку, но ничего не делаю — лень. Валяюсь в гамаке, а на днях даже — не поверишь! — сварила варенье. Из клубники. Впервые в жизни.

Хозяйский сын, студент какого-то технического института, неожиданно увлекся социальной психологией. Сам придумал теорию социальных ролей и еще в Москве заявился с ней ко мне. Я сунула ему Шибутани, думала, на том все и завянет. Не тут-то было! Он вцепился в книгу, как бульдог, да еще втянул в это дело всех ребят в округе. Так что я теперь имею на голове постояннодействующий междисциплинарный семинар по отысканию личности.

Ей Богу, это очень похоже на наши научные семинары. Точно так же долго толкут воду в ступе, не договорившись о терминологии, не дав ни одного определения, не обозначив даже толком предмет разговора. О том, чтобы отделить предмет от объекта, и речи быть не может. Но это дети, и, в конце концов, у них не семинар. А наши-то, степенные и остепененные... Вот так, моя дорогая, делается наука.

Впрочем, боюсь, она уже никак не делается. Раньше большие деньги давали военные: скорость реакции летчика, психологическая совместимость экипажа и так далее. Теперь военным самим кто бы денег дал. А вот наш Гена уже устроился. Практикующий психотерапевт. Говорит, большие деньги. Раньше он работал с дурными бабами — женами партайгеноссе. Теперь пошли жены богатых и депутатов. Сами богатые не ходят. Им не до комплексов, им некогда.

Упустили мы с тобой шанс, а, Лялечка?

Он тут ко мне приезжал и с ходу попытался убедить одну милую девочку, что она испытывает к нему подавленное влечение. Я его еле уволокла от детей. Психология — великая вещь, когда ею пользуются как инструментом для достижения цели.

Боюсь, Фрейд перевернулся бы в гробу, услышав теорию в Гениной интерпретации. Вообще, скажу тебе, теоретическая идея, овладевшая массами,— вещь вполне чудовищная. Генка тут поносил стихийный и примитивный марксизм, которым мы все пропитаны, и он, разумеется, прав. Но, пообщавшись с американцами (и особенно с американками), я поразилась, до какой степени они пропитаны стихийным и примитивным фрейдизмом. Они вместо классовой борьбы и общественных отношений смотрят на себя и на других людей через сетку, сотканную из кое-как истолкованных понятий: комплексы — инстинкты — подавленные влечения. Идеологическая заданность не хуже нашей (не лучше нашей?). Человек сделал гадость? Наверное, у него сексуальные проблемы. Семейная ссора? Проявляются подавленные комплексы, и срочно нужен психотерапевт, чтобы от них избавиться. Психотерапевты там на каждом углу, как у нас зубные врачи, и ходят к ним так же часто, как к зубным врачам (они ходят, не мы). А уж абстрактное искусство обязательно интерпретируется через Фрейда. Я слышала возглас одной весьма тонной дамы на вернисаже в Нью-Йорке: «Ах, это так сексуально!» Вернулась. Посмотрела. Даже если бы на голову встала, ничего сексуального не обнаружила бы. Впрочем, возможно, это мои проблемы — что-нибудь вроде сублимированной сексуальности.

Вообще-то теория бессознательного действительно ничем не хуже и не лучше теории «человек есть субстрат общественных отношений». И то, и другое хорошо ровно настолько, насколько адекватно хоть чему-то в человеке. Психоаналитики и психотерапевты реально помогают людям решать какие-то проблемы — и слава Богу. Ведь помогают же, помогают!

Но знаешь, мне не нравится, что в

И чтобы уничтожить в себе импульсы — желания, влечения, которые общество, его круг встретили бы без одобрения. Несколько психологических механизмов, описанных Фрейдом, помогают ему это сделать: подавление, вытеснение, замещение того, что хочется, тем, что можно. Фрейдистская схема, представленная Шибутани, выглядела довольно просто: когда первоначальный импульс не может быть удовлетворен

своем массовидно-примитивном варианте обе эти теории освобождают человека от ответственности за самого себя. Раб объективных законов истории или бессознательных порывов — человек все равно за себя не отвечает. В психотерапевтической практике (которая, разумеется, мне профессионально интересна) есть что-то неприятное и даже неприличное. Я бы со своими проблемами не пошла к психотерапевту. В крайнем случае — к друзьям.

А вообще у нас здесь, на даче, очень старомодно. Сидят молоденькие на террасе, пьют чай, разговаривают про умное. Что-то такое из Чехова. Мило.

Этот Пряхин — хозяйский сын — тоже какой-то нетипичный. Очень наивный. Хочет, чтобы наука психология объяснила ему, что́ есть человек, зачем он живет.

Он еще не знает, что наука тут ни при чем, что ему самому придется отвечать на все эти глобальные вопросы.

Впрочем, как и нам с тобой. Ты еще не потеряла способность думать о смысле жизни?

Приезжай, Лялька, и привези моего Пастернака.

P.S. Лялечка, я тут валялась в гамаке, валялась и вот что придумала. Начинать работу с детишками следует не так, как мы делали. Надо принести сумку (книгу, куклу — что угодно), положить на стол и спросить их: «Сколько?». Они, по всей вероятности, ответят: «Одна (одно, один)». После чего следует спросить их: «Чего — одна?». Заставить их понять, что начинать надо с определения: что именно считаем. Если сумки — то одна. Если карманы — то два. Если молнии — то четыре. Понимаешь? По-моему, пятилетки вполне это усвоят.

Учить надо логике, чтобы потом на террасе глупостей не болтали. И на научных семинарах.

Приезжай, обсудим.

Катерина».

непосредственно, у организма еще остается возможность найти временное успокоение другим путем. Фрейд показал, как различные цели и шаблоны поведения могут замещать друг друга и как благодаря этому достигается известное облегчение. Фрейд сравнивал организм с экономической единицей, с замкнутой системой производства и потребления. То, что произведено, обязательно должно быть потреблено путем какой-либо формы деятельности. Отсюда, если блокада оказывается слишком значительной, возникает непреодолимая потребность в какого-то рода замещающей деятельности.

Именно то, что рвется через любые блокады, что старательно и безнадежно подавляется, замещается, Шибутани вслед за Фрейдом считает «надежными характеристиками личности» — более надежными, чем слова, произносимые человеком всегда под влиянием или прямым давлением социального контроля. Так что же там, в глубине бессознательного? Эротика, стремление к успеху, зависть, ненависть, агрессивность. Причем всегда в запрещенном варианте, иначе все это не надо было бы прятать от людей и даже от себя.

«Шаблоны бессознательного поведения могут возникнуть потому, что нечто болезненное преднамеренно не замечается. Такое намеренное сдерживание есть сложный процесс, в начальной стадии которого человек говорит себе, что то, что он подозревает, реально не существует. Он направляет свое внимание на что-то другое, чтобы не замечать совершенно очевидных вещей. Этот вид магии — утверждать, что нечто не существует, отказываясь на него смотреть, ни в коем случае не ограничивается детством. Сначала человек закрывает глаза и отрицает то, что нежелательно или неприятно, но, поскольку он привыкает к такой ориентации, он может действительно забыть болезненные сигналы и постоянно действовать так, как если бы их не существовало».

Но на самом деле забыть удается лишь на время — загнанное в «подполье» то и дело дает о себе знать.

«Запретные чувства зависти, страстных желаний или вражды могут ненамеренно выразиться в якобы невинных шутках, в оговорках или — в символической форме — в сновидениях. Люди иногда наслаждаются сплетнями, которым сами не верят, потому что при этом они получают косвенное удовлетворение от нападок на репутацию тех, кто им лично неприятен».

«Женщина может считать своего брата опасным соперником и совершенно не осознавать этой своей ориентации. Ее чувства слишком мучительны, чтобы она могла себе их позволить, но ее поведение отличается странной последовательностью. Когда брат добьется успеха в любви, она забудет его поздравить и серьезно заболеет в день его бракосочетания. Она случайно теряет вещи, которые, как ей известно, представляют для него большую ценность, она нечаянно подвергнет его опасности и не сделает ничего, чтобы его защитить, просто потому, что не в состоянии осознать причину беспокойства. Сознательно она может говорить о своей любви к нему, но при каждой благоприятной возможности будет проявлять какого-то рода агрессивность. Она будет потрясена, если психиатр скажет ей об этих вещах, но то, что она со всей искренностью отрицает существование каких-либо преступных намерений, совершенно не исключает того факта, что по отношению к своему брату она ориентирована на замаскированные враждебные действия».

Таких случаев в книге рассказано было немало: то человек заболевал от ненависти к коллеге и чудесным образом выздоравливал, если того унижали, — нисколько не связывая два этих обстоятельства в своем сознании; то женщина дурно обращалась со своей матерью «потому что завидовала родителям, находящимся в одной постели, и сама желала спать с родителем противоположного пола», то эротические влечения порождали «бессмысленные» сны, ясно прочитываемые психоаналитиком. Пряхин понял, почему раньше он не останавливался на этих эпизодах: он воспринимал их как чистую патологию, и упоминание о психиатре только подтверждало это впечатление.

Однако вчитавшись, он понял, что Шибутани и все упомянутые им ученые, последователи Фрейда, представители психоаналитической школы считали сферу бессознательного неотъемлемой частью жизни любого человека.

Какое-то время он потратил на попытку проникнуть в собственные подавленные влечения, но не преуспел. Он был готов даже приписать свое затянувшееся увлечение социальной психологией обиде на некогда любимую девушку и желанию отомстить ей таким странным образом, но вынужден был честно признать, что обида давно прошла, а Шибутани оказался гораздо интереснее и важнее, чем девушка. «Может, сублимация?» — подумал он и махнул рукой на свой опыт психоанализа.

Кстати, по Шибутани (или, точнее, по Фрейду в изложении Шибутани) получалось, что сублимация порой приводит к неплохим результатам. «Блокированный импульс может быть скоординирован с другими интересами при выработке какой-то новой линии деятельности, которая санкционирована группой. Часто указывают, что подавленные, эротические влечения находят частичное удовлетворение в художественном творчестве, а агрессивные импульсы — в спортивных соревнованиях. Но существует много других типичных форм сублимации. Ребенок, растущий в бедности или принадлежащий к этническому меньшинству, может быть глубоко уязвлен пренебрежительным или презрительным к нему отношением. Его первоначальной реакцией будет ненависть к тем, кто занимает привилегированное положение, но его агрессивность может превратиться в убеждения и поступки, направленные на устранение всякой социальной несправедливости. Так, человек способен косвенно удовлетворить свои подавленные импульсы и в то же время завоевать общественное одобрение и даже восторженное признание».

Такая вот странная классовая борьба — по Фрейду, а не по Марксу.

Из фрейдовского подполья тянуло холодом — импульсы оттуда шли, как понял Пряхин, неприятные, даже разрушительные. И опять получалось, что общество делало благое дело, накладывая на человека узду и спасая его таким образом от самого себя.

Так что же, сам по себе человек агрессивен, завистлив, жесток? И это составляет сущность его личности, которую Пряхин так долго искал?

Но вот мелькнуло у Шибутани — Фрейда словечко «организм»: организм находит обходные пути, чтобы добыть желаемое удовлетворение; организм подобен замкнутой экономической системе, в которой все, что произведено, должно быть потреблено. Личность — это все-таки не организм, хотя организм, конечно, есть у каждой личности, и импульсы есть, и жажда удовлетворения.

Пряхин уже почти засыпал, когда вдруг придумал схему: снизу идут импульсы, подпирает бессознательное, рвутся страсти. Сверху — пресс общества, его запреты и требования, его стандарты, нормы, роли. А в середине — личность.

Только что это все-таки такое? ●

ПОЧТА ОДНОЙ СТАТЬИ

Ю. Ивлев, «Буря в стакане или стихийное бедствие?» (1992 год, № 4)

На свою позицию имеет право каждый. Но...

С. СПЕРАНСКИЙ, *доктор биологических наук* (*Москва*): С большим огорчением я прочел в четвертом номере любимого мною журнала статью Ю. Ивлева «Буря в стакане или стихийное бедствие?» Я не против высказывания скептического, пусть даже пристрастного взгляда на весь огромный мир явлений, выходящих за пределы обычных предметов «нормальной» науки. На свою позицию имеет право каждый. Но... есть такое английское слово «джентльмен». Джентльмен если и боксирует, то по определенным правилам. Автора я, к сожалению, никак не могу назвать джентльменом.

Не буду вдаваться в содержательную часть полемики, это слишком большой вопрос, не по масштабам письма. Скажу только, что, сокрушаясь по поводу растущей в мире популярности астрологии, не худо было бы отметить, например, такой факт: по данным доктора Шварца, урожайность культур у тех американских фермеров, которые пользуются в своем сельскохозяйственном труде астрологическими рекомендациями, превышала урожайность у их коллег-скептиков в среднем на 40 процентов (такие сведения были приведены на конференции «Экобиоэн-90»).

Н. С. Кулагиной в настоящее время нет в живых. Мир праху этой героической женщины, которая с явным ущербом для здоровья участвовала в труднейших опытах по исследованию ее особых способностей. Профессор Г. Н. Дульнев, который занимался этими исследованиями, рассказывал, что она нередко доходила в ходе опытов до полуобморочного состояния и неоднократно подолгу болела после экспериментов. Зачем она шла на это? Чтобы помочь людям в установлении истины. И вот в награду за это на страницах многотиражного издания ее дело называют аферой. Что бы вы сделали на ее месте, господин Ю. Ивлев? Думаю, то же самое, что сделала она,— подали бы в суд. И уж если даже наш суд, который, скажем мягко, не всегда оказывается на высоте своего назначения, признал справедливость ее иска, а не тех могучих сил официоза, которые стояли за спиной ее противников, значит чистым было ее дело.

Псевдонаука в квадрате

В. САПУНОВ, *доктор биологических наук, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств* (*Санкт-Петербург*): Трудности, переживаемые современной Россией, особенно болезненно сказываются на науке. Финансирование большинства тем сократилось до нуля. Ученые вынуждены заниматься неквалифицированной работой. И все-таки в современных тенденциях развития русской науки есть и положительные стороны. Одна из них состоит в том, что крах многих социальных парадигм расширил дозволенное русло, в котором много лет текла советская наука. Сегодня цветет множество новых направлений исследований, вплоть до самых нетривиальных и даже бредовых. Со временем большинство из них будет забыто, но что-то останется, ляжет в основу будущих парадигм. Поэтому следует приветствовать попытки разобраться в том, какие из современных работ серьезны, какие — нет. Появление статьи Ю. Ивлева следует рассматривать как факт симптоматичный и положительный. Вместе с тем эта публикация напомнила о том, как осторожно следует подходить к разделению науки и псевдонауки. Как пример псевдонауки приведены мои исследования. Я признателен автору за внимание к моим трудам, но такая постановка вопроса вынуждает меня начать разбираться в том, что же такое псевдонаука и в каких условиях наука о ней сама превращается в псевдонауку. Исчерпывающего определения псевдонауки нет, но некоторые критерии ее все же существуют, и статья Ю. Ивлева под них подпадает.

Первый безусловный критерий псевдонауки — некомпетентность исследователей. Лично я обладаю пятью дипломами, но считаю, что моя квалификация не позволяет судить о закономерностях гидродинамики, гравитационных аномалиях, уфологии и о многих других проблемах, рассмотренных в статье. Широта же охвата автором современной науки заставляет сравнивать его с М. Ломоносовым. Жаль только, что до последнего времени такой разносторонний ученый, как Ю. Ивлев, работал, очевидно, в секретном учреждении. Во всяком случае, мне не известно ни одного фундаментального исследования, подписанного этой фамилией.

Второй критерий псевдонауки — нежелание полемизировать с оппонентами по сути. Критикуя многих исследователей, в том числе и меня, Ю. Ивлев не приводит ни одного серьезного аргумента несостоятельности критикуемых трудов, сетуя, что «для этого слишком глубоко придется входить в суть научных понятий». Если говорить о «снежном человеке» (в большинстве других проблем, упомянутых в статье, я, повторяю, не компетентен), то здесь мы сталкиваемся с традиционным подходом воинствующего скептицизма. Подобные «опровергатели» рассуждают с позиций презумпции виновности, заявляя: «Все предъявляемые вами свидетельства о реальности снежного человека — ложь. Докажите, что это не так, если сможете!» Однако презумпции виновности в науке (как и везде) быть не может. Любое научное исследование можно объявить ложным, однако такие обвинения принято предъявлять на основании серьезных доказательств. Утверждение, что снежного человека не существует, тоже, между прочим, нуждается в доказательстве.

Третий безусловный критерий деятельности псевдоученых — подмена дискуссии дискредитацией оппонентов. Имена неугодных исследователей даются в одном контексте с именами Т. Лысенко и О. Лепешинской, хотя первые не имеют никакого отношения ко вторым. Критикуя комиссию по биоэнергоинформатике, автор связывает ее только с В. Н. Волченко, но забывает назвать фамилию председателя — академика В. П. Казначеева, очевидно, опасаясь, что такого заслуженного человека дискредитировать будет труднее.

Статья представляет собой рецидив тоталитарного мышления в науке в духе Т. Д. Лысенко, от которого в самом начале статьи Ю. Ивлев демонстративно отрекся.

В заключение хочу поблагодарить Ю. Ивлева и редакцию за привлечение внимания к интересным вопросам и выразить надежду, что их обсуждение на страницах журнала будет продолжено на более высоком уровне.

Мы не вырождаемся!

В. ГРАБЕЖНОЙ (*г. Обнинск*): — Автор статьи «Итоги Октября» (№ 5—7, 1992 г.) Ю. Лебедев в струе общей пропагандистской кампании внушает читателю, что мы всей страной вырождаемся, задыхаемся, обречены. Последнее, что остается — «отдать территории иностранцам». Почему же вокруг ничего такого невооруженным глазом не видно? У меня хоть и разоренная сейчас, но просторная, большей частью чистая (путешествую — знаю) страна. Да, есть несколько грязных пятен, в том числе то место, где раньше была столица. У меня талантливые дети, лучшие ученики в своих физико-математической и гуманитарной школах. Профессиональные успехи, успехи в спорте... Вокруг сильные специалисты, значительные люди. И нас, тех, кто находится на подъеме, а не вырождается, тех, у кого есть личные и общие причины НЕ «отдать территории», наверное, достаточно много.

У нас люди искреннее

В. БЛАНК (*Санкт-Петербург*): — Вызывает удивление наивная вера автора статьи «Чело века» С. Сперанского («Знание — сила», № 8, 1992 г.) в то, что на Западе люди гораздо более «...добры и внимательны друг к другу...» Очнитесь: там невыгодно быть иным. Невыгодно!! Поверьте человеку, у которого есть родственники в США и Финляндии. Вы и представить себе не можете, насколько у нас взаимоотношения людей искреннее, несмотря на внешнюю неулыбчивость.

О новом универсальном пакете программ

О. АЛЕКСЕЕВ, *доктор технических наук* (*Санкт-Петербург*): Я постоянный читатель вашего журнала. Взяться за перо меня заставила статья С. Смирнова «Суета вокруг компьютера» в номере 10 за 1991 год, в которой в целом даются правильные оценки компьютерного образования в школах. Высшая школа в этих вопросах находится примерно на том же уровне — в большинстве вузов такая же компьютерная нищета.

Однако если оценивать статью в общем, то вывод следует однозначный: она «за упокой» компьютерного образования. Конечно, если в стране плохо с экономикой, то не может быть хорошо с образованием. Но если плохо у нас, то не значит, что плохо везде. Быстрое внедрение персональных компьютеров (ПК) во все сферы деятельности во всем цивилизованном мире позволило преодолеть языковой барьер между человеком и машиной.

Оказалось, что пользователю ПК, хорошо владеющему своей специальностью, совсем не обязательно овладевать «второй грамотностью» — изучать языки программирования. По моим наблюдениям, ими не владеют и не будут владеть 98 процентов пользователей ПК, поскольку их собственные профессиональные дела занимают достаточно много служебного времени. Примерно 1,5—1,8 процента составляют профессиональные программисты, разрабатывающие пакеты прикладных программ. «Компьютерную элиту» составляют 0,2—0,5 процента пользователей. Это системные программисты — разработчики операционных систем и разработчики новых языков программирования. Следовательно, в основу массового компьютерного образования следует положить изучение пакетов прикладных программ, а не языков программирования. К аналогичному выводу пришел и швейцарский ученый Николас Вирт — автор языков «Паскаль» и «Модула-2». Он считает, что учить всех детей компьютерной грамотности до уровня профессиональных программистов было бы нереально и недальновидно. А вот показывать как можно большему числу детей возможности ПК — надо, и чем раньше, тем лучше.

Сегодня, в частности, создан универсальный пакет для инженерных и научных расчетов «Math CAD», работая с которым человек чувствует себя волшебником.

Главное, что отличает его от аналогичных пакетов — естественный математический язык, на котором формулируются решаемые задачи (в объеме вузовского курса математики). Кроме того, большую часть работы, связанной с набором текста, вписыванием математических формул, вычерчиванием графиков и рисунков, пакет «Math CAD» позволяет переложить на компьютер. У нас на факультете создан даже клуб пользователей «Math CAD». Без преувеличения можно сказать, что с этим пакетом работает весь цивилизованный мир. Мы готовы поделиться этой информацией со всеми желающими. Наш адрес: 195009, Санкт-Петербург, ул. Бобруйская, 4, факультет повышения квалификации Института машиностроения.

В 1962 году в Чикаго вышла книга американского философа и историка науки Т. Куна «Структура научных революций». Одним из своих непосредственных предшественников Кун назвал польского микробиолога Людвика Флека, почти не известного своими трудами по социологии и философии науки.

Флек родился в 1896 году во Львове. О таких, как он, родившихся в последнее десятилетие прошлого века,— строки Осипа Миндельштама:

Наливаются кровью аорты,
И звучит по рядам шепотком:
— Я рожден в девяносто четвертом,
— Я рожден в девяносто втором...
И в кулак зажимая истертый
Год рожденья — с гурьбой и гуртом
Я шепчу обескровленным ртом:
— Я рожден в ночь с второго на третье
Января в девяносто одном
Ненадежном году — и столетья
Окружают меня огнем.

«Гурьбой и гуртом» сверстники Миндельштама были загнаны в огонь исторических катастроф. Мало кому удалось выбраться из огня. Мы, живущие в последнее десятилетие «века-волкодава», пристально всматриваемся в их портреты, пытаясь угадать если не свою собственную, то хотя бы судьбу детей, рождающихся в наши девяностые, быть может, еще более ненадежные годы.

В. Порус

Людвиг Флек: на пути к постижению природы научного знания

Начало жизни и научной карьеры Л. Флека было вполне благополучно. В год начала первой мировой войны он окончил гимназию и поступил на медицинский факультет Львовского университета. Его учителем был известный бактериолог Р. Фейгль, европейский авторитет в области диагностики и вакцинации тифозных заболеваний. После окончания университета в 1922 году и основательной практики, сначала в Пшемысле, а затем в Вене, Л. Флек получил должность директора Львовской городской химико-бактериологической лаборатории. В 1935 году конфликт с городскими властями, замешанными в антисемитских провокациях, вынудил Флека оставить службу и открыть частную лабораторию.

С середины двадцатых годов Л. Флек сочетал профессиональную деятельность в микробиологии с глубоким интересом к историко-научным и философско-методологическим проблемам. Его доклад «О некоторых специфических особенностях медицинского мышления» на заседании львовского «Общества друзей истории медицины» (1926 год) уже заключал в себе замысел оригинального подхода к теории научного познания, разработкой которого Л. Флек занимался впоследствии.

Как микробиолог Л. Флек специализировался по общей серологии, гематологии и иммунологии, занимался методами диагностики и вакцинации различных видов тифа и других инфекционных заболеваний. Некоторые из разработанных им в это время методов вошли в медицинские учебники и справочники, не утратив значения до сих пор.

В 1939 году во Львов вошли советские войска. На недолгий срок Л. Флек становится гражданином СССР. До немецкой оккупации он был директором санитарно-бактериологической лаборатории, консультантом Львовского института охраны здоровья матери и ребенка, доцентом кафедры микробиологии Украинского мединститута.

В июне 1941 года Львов был занят немцами. Л. Флек с женой и сыном отправлены в еврейское гетто. До декабря 1942 года он работал в больнице для евреев. В труднейших условиях Флек продолжал исследовательскую деятельность. Рассчитывая только на скудное оборудование больничной лаборатории, он в кратчайший срок изготовил эффективные противотифозные вакцины. Данные об этих исследованиях, опубликованные в 1947 году, позволяют судить о научном подвиге ученого.

Осведомленные о значимости этих результатов, оккупанты решили воспользоваться ими для нужд своей армии. В конце 1942 года Л. Флек был арестован и вывезен из гетто вместе с семьей, в январе 1943 года доставлен в Освенцим; жену и сына отправили в другие лагеря смерти. Флеку дали понять, что в случае отказа работать на нацистов, его семья будет уничтожена. Выбора не было.

Ученый согласился консультировать немецких врачей по применению разработанных им методов. Работа проводилась в зловещем «блоке № 10», том самом здании, где делались «опыты» по стерилизации узников. Вскоре Флека перевезли в Бухенвальд, в специально подготовленную лабораторию — «блок № 50». Там проводились эксперименты, а материал для них поставлялся из «блока № 46» — места последнего обитания людей, заражаемых тифом, чтобы изготавливать из их крови и мочи необходимые препараты.

В «тифозном корпусе» врачи-заключенные находились в условиях относительной свободы, максимальной для Бухенвальда,— гитлеровцы избегали лишних контактов с ними. Может быть, это спасло жизнь Флеку и некоторым его коллегам.

Почти невозможно в это поверить, но в лагере смерти, в тифозном блоке, находясь между жизнью и небытием, Флек сделал предметом своих философских размышлений деятельность научно-исследовательского коллектива заключенных, отрезанных от научного мира, работавших в напряженном ожидании научных результатов, от которых зависела их жизнь.

Некоторые результаты своих наблюдений Л. Флек изложил в статье «Проблемы науковедения» (1946 год). Это поразительная статья. В ней нет «лагерной темы», нет осуждения нацистских преступлений. Не потому, что Флек был равнодушен к этим проблемам (в 1948 году как эксперт и свидетель обвинения он участвовал в одном из нюрнбергских процессов по делу корпорации «Фарбениндустри», непосредственно участвовавшей в проведении бесчеловечных экспериментов над узниками лагерей смерти). Он не считал возможным в научной статье, посвященной отвлеченным гносеологическим вопросам, занимать какую-либо позицию, отличную от беспристрастного исследовательского отношения к теме.

Однако факт ложного «открытия», описанный в этой статье, в реальной лагерной жизни имел отнюдь не только эпистемологическое значение. Метод изготовления вакцины, разработанный в бухенвальдской «шарашке», был ошибочен, но исследователи-заключенные, узнав о своей ошибке, решили продолжать работу уже в форме саботажа. Большая часть вакцин, изготовленных по методике «блока № 50», была неэффективной. Игра, где ставкой была жизнь, продолжалась до марта 1945 года. Немецкие специалисты так и не успели раскрыть заговор.

В конце марта Флек бежал из блока № 50 и скрылся в подполье, организованном антифашистами лагеря. 11 апреля Бухенвальд был освобожден. Чудом уцелевший, ученый после госпиталя в июле 1945 года вернулся в Польшу.

С октября 1945 года он профессор, а впоследствии ректор Института медицинской микробиологии Люблинского университета имени М. Склодовской-Кюри, в 1952 году становится профессором Института матери и ребенка при Варшавском университете, в 1954 году избирается членом-корреспондентом, а вскоре — академиком и членом президиума Польской Академии наук.

Труды Флека получили европейскую и мировую известность. В 1947 году он открыл явление «лейкергии» — изменение конфигураций лейкоцитов с их последующим распадом в инфицированном организме. Ему принадлежат разработки новых вакцин против дифтерита, серологических методов диагностики бруцеллеза и кори.

В 1957 году Л. Флек принимает приглашение возглавить отдел экспериментальной патологии Института биологических исследований в Израиле. Там жил его

единственный сын. Но жизнь уже подходила к концу, Л. Флек был серьезно болен. Он умер 5 июня 1961 года.

Как философ Л. Флек не был широко известен при жизни. Его статьи по теории научного познания, опубликованные в тридцатые — сороковые годы в малоизвестных польских журналах, и даже монография «Генезис и развитие научного факта», которую сейчас ставят в ряд основополагающих науковедческих трудов, не нашли своевременного признания в мировой философской литературе: во всяком случае, их известность не шла в сравнение с известностью микробиологических исследований ученого. «Время, как мы теперь видим, перевернуло соотношение этих ценностей,— замечает польский философ З. Цацковский.— Специально-научное наследие Флека постепенно растворилось в современном микробиологическом знании, утратив свою уникальность, а мало-помалу — и свое значение, и потому стало забываться. Напротив, философское наследие его вышло из забвения и приобретает все большее значение и признание».

Эта метаморфоза вполне объяснима. В тридцатые годы господствовало направление, отождествлявшее философию науки с логико-методологическим анализом языка научных теорий, структуры научного знания. Программа «логического эмпиризма» состояла в том, чтобы сформулировать точные и однозначные критерии обоснованного научного знания и с их помощью провести разграничительную линию («демаркацию») между наукой и ненаукой (в частности, философией) и выявить критерии научной рациональности. В основе этой программы — убеждение, что единственным надежным фундаментом науки является совокупность данных эмпирических наблюдений, а ее систематическое единство обеспечивается строгими правилами логического вывода. Упорные попытки реализовать эту программу в полном объеме дали множество важных результатов, самый главный из которых состоял в обнаружении принципиальной невыполнимости ее абсолютизированных требований.

Критики «логического эмпиризма» (например, «критические рационалисты») предлагали иные критерии научной рациональности, стержнем которых объявлялся принцип опровержимости научных гипотез (в отличие от неопровергаемых положений метафизики и других форм ненаучного знания). Но и для них камнем преткновения стала проблема возникновения нового знания. Пытаясь обойти это препятствие, и «логические эмпирицисты», и «критические рационалисты» исключали из сферы философии науки «контекст открытия», то есть совокупность социальных, психологических и прочих «некогнитивных» факторов возникновения и развития научных идей и теорий.

Таким образом, в «демаркационистских» концепциях и программах субъект научного познания превращался в некое мифическое существо, действия которого неукоснительно подчинялись непреложным законам разума. Следуя им, он продвигался в поисках истины; отклоняясь от них, терял тропу и место в науке.

Такая концепция научной рациональности оказалась чрезвычайным упрощением реального положения дел. Сложнейшие, исторически и культурно обусловленные процессы развития науки противоречили абстрактной схематике, в которую их пытались втиснуть. Сама идея о неизменных и абсолютных принципах и критериях рациональности (независимо от того, какие именно принципы и критерии имелись в виду) опровергалась фактом изменения научной картины мира, фундаментальных теоретических объяснений природных и социальных явлений и процессов.

Альтернативой таким концепциям была теория научного познания, выдвигавшая на первый план идею социально-культурной детерминации науки, активным сторонником которой выступил в тридцатые годы Л. Флек.

Л. Флек, продолжая традиции К. Мангейма, Э. Дюркгейма и М. Вебера, стремится выяснить зависимости между социальными условиями возникновения и развития знания и содержанием самого знания, закономерностями его функционирования и изменения. По мысли Флека, субъект научного познания всем своим существом погружен в социальный контекст. Именно как личность, а не как «познавательный механизм», он выступает частью и элементом коллективно организованного научного познания, направляемого вполне конкретными интересами, нормами и правилами, принятыми в данном научном сообществе (а не абсолютными правилами разума, существующими независимо от того, признает ли их кто-либо или нет!).

Такая установка была полемически направлена против абстрактности и неисторичности «демаркационизма». В то же время ее чрезмерная заостренность вела к вульгарному «социологизму» — безнадежной и, по сути, антинаучной попытке объяснить содержание научных представлений о мире, обществе и человеке исключительно социальными, политическими, идеологическими или экономическими воздействиями на ученых.

Л. Флек, как это видно из статьи «Наука и среда», резко критиковал вульгарный социологизм. Ему претили трескучие фразы о «пролетарской» или «буржуазной» физике или биологии, о классовых или расовых критериях научности. При всей своей очевидной бессмысленности, эти фразы звучали (и продолжают звучать!) далеко не комично. В XX веке, в несравненно более страшных масштабах, чем в далеком средневековье, фанатизм и невежество, паразитирующие на дремучих инстинктах черни, амбициях политических авантюристов, на реальных противоречиях социальной жизни, приводили к трагедиям целых поколений. Вульгарная социология — респектабельная ширма, прикрывающая мерзость обскурантизма,— это путь в тупик для науки и теории научного познания.

Чтобы идея социально-культурной детерминации не вырождалась в вульгарный социологизм, но получала плодотворное применение в теории научного познания, нужна была система понятий, в которых была бы выражена механика преломления социального контекста науки в мыслительных процессах.

Такими понятиями Л. Флек считал *«стиль мышления»* и *«мыслительный коллектив»*. Собственно, это не разные понятия, а две стороны одного явления. Стиль мышления — и условие, и следствие коллективного характера познавательных процессов, ибо научное мышление не есть процесс, замкнутый рамками индивидуального «я». Это результат социальной деятельности в той мере, в какой общественный запас интеллекта определяет уровень, достижимый индивидуальным субъектом.

Традиционное отношение «субъект — объект», по мысли Флека, должно замениться связью «субъект — мыслительный коллектив — объект», в которой главную роль играет второй компонент. Именно мыслительный коллектив определяет то, как мыслит индивид и каким ему предстает познаваемый объект. Таким образом меняется направленность теории познания: она начинает прежде всего интересоваться характерными особенностями «мыслительных коллективов». А это означает, что в теорию познания уже не «внешним» образом, а по существу входят социологические, социально-психологические и историко-научные данные, относящиеся к деятельности научных сообществ.

Л. Флек реализует эту идею в историко-научном и философском труде «Генезис и развитие научного факта». На примере истории открытия реакции Вассермана он показал, что «факты» в науке — это интеллектуальные конструкции, которые не открываются, а конструируются на основе принятого учеными стиля мышления. Так, открытие А. фон Вассерманом серодиагностической реакции на сифилис (1906 год) сразу стало общепризнанным фактом науки, хотя исходные теоретические предпосылки его работы были, как выяснилось впоследствии, ложными, а эксперименты — недостоверными. Научный мир на время как бы утратил присущий ему критицизм и безоговорочно принял предложенные Вассерманом результаты за единственно верный путь к истинному решению столь важной практической проблемы.

Дело, однако, было не только и даже не столько в практической значимости этого результата, но главным образом в том, что он соответствовал господствовавшему в начале века стилю мышления в бактериологии и иммунологии. Прекрасная эффективность полученного результата заслонила в глазах ученых недостатки его теоретического обоснования, и более того, само это обоснование, вопреки очевидности, было принято за классическое подтверждение господствующего стиля мышления. Подобно Колумбу, искавшему путь в Индию, а открывшему Америку, А. фон Вассерман, полагая, что получил важнейший результат благодаря принятому им стилю мышления, на самом деле достиг его благодаря своей смелости и отсутствию догматизма. Поэтому открытая им реакция действительно стала классической, а проблемность ее обоснования — сильнейшим стимулом последующих революционных сдвигов в бактериологии и диагностике.

Если «стиль мышления», как считал Л. Флек, — одна из центральных категорий теории познания, то важным оказывается вопрос об истории формирования стилей и их современного функционирования. Любая теория, любое значительное понятие в науке должны рассматриваться как временные остановки на пути развития, как звенья в последовательности идей. Наряду с понятиями и теориями, такими звеньями могут быть и «протопонятия», образы, фантастические представления. Когда, как и с какой ролью входят они в цепь бытия науки,

определяется не абстрактным логизированием и не постфактумными «обоснованиями», а в первую очередь социальным и социально-психологическим «санкционированием» научных коллективов.

Поэтому объектами теории познания становятся иерархическая структура «мыслительных коллективов», борьба авторитетов, культурный фон научных исследований, исторические события, влияющие на умонастроения ученых, идеологические течения и многое другое. Все это участвует в формировании стиля мышления, сквозь призму которого в сознании ученых преломляется объективная реальность.

Это была программа радикальной реформации теории познания. И как это часто бывает, увлечение революционной идеей, так сказать, «служение ей», приводит к непредвиденным и нежелательным результатам. Л. Флек выступал против насильственного втискивания живой истории науки в мертвые схемы, но, поставив в зависимость от «стиля мышления» все содержание и способы оценки знания, он волей-неволей приходил к мысли, что изменения стиля влекут за собой и изменение реальности (впоследствии эту мысль высказал Т. Кун, заявив, что «после революции ученые работают в другом мире»). Субъективность познания заполняет всю сцену, объективная реальность уходит за кулисы. Истина оказывается лишь иноназванием решений «мыслительного коллектива».

В этом — противоречие, пронизывающее философскую концепцию Л. Флека: ученый, ратующий за истину и посвящающий ей жизнь, и философ, для которого постоянство научного поиска, неуспокоенность мысли, историческая изменчивость знания стали аргументами недостаточности и недостижимости этой цели. Это живое, движущее противоречие остается и в современной философии науки, во многом идущей по пути, проложенному Л. Флеком.

Современная теория познания видит свою задачу в создании наиболее полной картины познавательных ситуаций со всем их социальным и психологическим контекстом. Поэтому все категории, какими пользуется теория познания, наполняются содержанием в «многомерном пространстве», образуемом не только логико-методологическим, но и социальными «измерениями» науки, да и любой иной формы познания.

Задача не из легких, и нельзя сказать, чтобы она была близка к своему удовлетворительному разрешению. Тем важнее заслуга мыслителей, стоявших у истоков современного движения в сторону радикальных реформ философии науки. Л. Флек был одним из них.

Чем определяется масштаб мыслителя? Время уносит теории и гипотезы, некогда казавшиеся незыблемыми и достоверными, но воды времени промывают золотоносный песок мысли. Крупицы золота, оседающие в социальной памяти — это идеи и идеалы. Они и составляют надежду и силу вопрошающей мысли. Ими определяется мера личности, оставляющей след в культуре.

Идеалом Флека было бесконечное устремление духа к истинному знанию. Его идеей было выяснение полноты человеческой субъективности и условий ее проявления на пути к идеалу. Как ученый и как философ он служил своему идеалу и пытался осуществить свою идею, сколько хватило сил и жизни.

●

Л. Флек

Наука и среда

Проблема зависимости науки от эпохи и социальной среды сегодня особенно актуальна. Дело не только в зависимости труда научных работников от социальных условий и не в том, что наука может развиваться быстрее или медленнее в соответствии с определенными социальными обстоятельствами; речь идет о *зависимости самого содержания науки, ее проблем и даже фактических данных.*

Историки философии издавна рассматривали философские системы на фоне общих черт культурных эпох, учитывали связи между философией и природными условиями той или иной страны, ее искусством или политикой в конкретные исторические периоды. Но историки науки продолжали верить, что, по крайней мере, некоторые элементы «подлинной» науки не зависят от места и времени. «Подлинная», то есть эмпирическая наука, вырастая и развиваясь с XVI века до триумфов XIX и XX веков, сама определяет свое собственное содержание.

Между тем среди самих ученых, специалистов в различных областях знания множатся размышления о том, что научные воззрения обусловлены средой, в которой они развиваются. Вспомним работу Э. Шредингера «Обусловлено ли естествознание социальной средой», в которой этот знаменитый физик показывает родство современной физики с некоторыми чертами современного искусства или некоторыми особенностями нашей общественной жизни.⟨...⟩

Проблема связи между наукой и культурой целой эпохи изящно и подробно рассмотрена Т. Биликевичем в книге «Эмбриология в эпохи барокко и рококо», где прослежены параллели «между воззрениями в этой дисциплине и соответствующими культурными эпохами как таковыми». Эта работа позволяет «с вполне специальной точки зрения пролить свет на сложное и загадочное явление коллективной умственной жизни». Как только в переходный период между барокко и рококо начинает ослабевать политический абсолютизм, вместе с влечением к индивидуальной жизненной свободе в эмбриологии появляется открытие сперматозоидов, в которых усмотрели независимую vita propria[1] живых существ (анималькулисты Левенгук, Хартсукер, Эндри и другие)[2]. С ростом общественной роли женщин (кое-кто даже называл XVIII век «веком женщин») приходят овисты (Валлиснери, Бурже), а «Бюффон пошел в признании равенства полов так далеко, что даже обнаружил якобы женские сперматозоиды». Борьба преформизма с эпигенетизмом, витализма с механицизмом происходит на определенном политическом, художественном, философском и культурном фоне[3]. Каждый этап в развитии науки формируется под влиянием всего многообразия факторов и проявлений культуры данной эпохи.

Отбросив скептицизм, мы должны понять эту зависимость в ее эвристической значимости, что могло бы стать исходным пунктом позитивных исследований в отличие от поверхностных замечаний о невозможности беспредпосылочного знания или меланхолических рассуждений о «неопределенности всякого человеческого знания».

Да, мы стоим у крутого поворота в развитии науки, перед нами раскрываются совершенно новые, ни с чем не сравнимые картины. Немудрено, что «респектабельные», то бишь консервативно настроенные ученые боязливо щурятся от этой ослепительной новизны, тогда как шустрые политики, напротив, наперебой подхватывают новости науки, превращая их в демагогические лозунги. Например, из факта социальной, коллективной природы познания выводят насквозь политиканский тезис о социально-классовой обусловленности научного знания, а другое, враждующее с этим политическое направление создает мировоззренческий миф о национальном и расовом духе, пронизывающем все культурные эпохи. Если всякое знание зависимо от среды, то почему бы не обернуть смысл этого высказывания: к произвольно изменяемой среде подверстать и соответствующее знание, ведь все равно никакой объективной науки нет! И, значит, физика или химия могут быть «левыми» или «правыми», пролетарскими или национальными и т. п. Можно учредить плановое хозяйство в сфере мысли, из бюрократических центров управлять творчеством, упразднить интеллектуальную свободу, вытеснить пропагандой независимое движение идей в обществе.

Все это было бы смешно, когда бы не было так опасно. Невежды или, скорее, полуневежды, краем уха слыхавшие о влиянии специальной кормежки на выведение лошадиных пород, тут же бросаются выкармливать

---

[1] Здесь — жизненная первооснова (*лат.*).

[2] *Анималькулисты, овисты* — представители соперничающих в XVII—XVIII веках направлений в эмбриологии; анималькулисты полагали, что взрослый организм предобразован в сперматозоиде, овисты — в женской половой клетке, а развитие зародыша сводится только к увеличению в размерах.

[3] *Преформизм* — учение о наличии в половых клетках материальных структур, предопределяющих всю полноту признаков развивающегося из них организма. *Эпигенетизм* — противоположное преформизму учение о постепенном и последовательном новообразовании органов и частей зародыша из бесструктурной субстанции оплодотворенного яйца. *Витализм* — объяснение биологических явлений наличием в организмах нематериальной, сверхъестественной силы. Здесь *механицизм* — учение о принципиальной объяснимости биологических явлений через физические (механические) закономерности неживой природы.

крылатых коней... Из множества опасностей, стоящих за этим, одна наиболее очевидна: растет поколение будущих научных работников, впитавших в себя мысль о том, что нет истины, как она понималась в старом добром смысле. Утратив доверие к разуму, одни становятся фанатиками, другие — циниками, убедившись в том, что нет столь большой глупости, которая не могла бы снискать всеобщее одобрение благодаря умелой и нáходчивой пропаганде.

Вот почему сегодня проблема зависимости знания от среды и эпохи особенно актуальна.

Но понимание этой зависимости, часто встречающееся у некоторых авторов, скорее образное, литературное, основанное на интуитивном схватывании некоторых сходств (так, у Э. Шредингера, например, это сходство между гладкими поверхностями в архитектуре и вакуумными объемами в физике), такое понимание недостаточно для научного исследования. Оно слишком книжно, произвольно; убедительность подобных аналогий чаще всего связана с литературными достоинствами текстов, в которых они помещены, но будучи извлечены из этих текстов и подвергнуты беспристрастному анализу, они сразу теряют эту убедительность. Предмет исследования растворяется, исчезает, как призрак при свете дня. Сохраняя трезвость мысли, нам трудно понять, при чем тут индивидуализм, когда речь идет об открытии сперматозоидов, какая связь между социальным явлением и наблюдением капли семени под микроскопом?

Да, конечно, сегодня мы знаем, что стоит взглянуть на эту каплю в микроскоп, чтобы увидеть сперматозоиды. Но первое наблюдение, открытие не могло бы состояться, будь наблюдатель в обычном, так сказать, неразбуженном состоянии ума. Для этого нужен особый, беспокойный настрой, чтобы искать нечто новое. Чтобы увидеть нечто новое, нужна направленная готовность мысли. Это беспокойство и эта готовность возникают под влиянием среды. Среда — это услышанные кем-то высказывания, ежедневный обмен мнениями, дурные и приятные впечатления повседневной жизни, это образование, получаемое в научных школах, и т. п. Действие такого рода факторов создает направленную готовность интеллекта к определенной исследовательской деятельности. Ученый размышлял о независимости и свободе личности и потому готов был увидеть их повсюду. Вот почему он открыл свободно двигающиеся, «вольные», независимые сперматозоиды. Напомним, что свобода в то время прежде всего была связана с отсутствием ограничений в передвижениях. С другим настроем, то есть в другой среде, на эти подвижные запятые не обратили бы внимания, не стали бы их исследовать и описывать, а если бы кто и заметил их, то, скорее всего, быстро забыл эту неясную, ранее не виданную картину, одну из многих, какие могли бы предстать перед ним. Направленный коллективный настрой познания, ведущий к общему стилю мышления,— это и есть тот предмет, который должен изучать исследователь науки как процесса познания.

Поэтому я думаю, что отправным пунктом позитивного исследования влияний эпохи на науку должна стать общая социология мышления. Ее развитие должно привести к концепции мыслительного коллектива и стиля мышления, подверженного историческим изменениям.

Мне кажется, что историки склонны переоценивать значение отдельных эпох. Конечно, если смотреть на общество в целом, то в каждый исторический период можно найти некоторые общие социальные характеристики, но в исторической перспективе эта общность легко преувеличивается, тем более что об эпохе мы часто судим по ее нескольким наиболее заметным личностям. Гораздо реальней мы оценим историю умственной жизни, если будем рассматривать отдельные мыслительные коллективы и их развитие, взаимодействие, конкуренцию и сотрудничество в различные исторические периоды.

Прежде всего, мы сможем таким образом понять, как развивались и с чего начинались конкретные стили мышления, например, в химии, анатомии, астрономии и т. д. Мы узнаем стилевую ауру понятий, для нас обретут смысл на первый взгляд непонятные старинные высказывания, мы найдем свидетельство того, как сегодняшнее значение научных понятий возникает из первоначального.

Рискну предположить, что анализ отдельных фрагментов текста, проведенный наподобие расшифровки неизвестного кода, иногда дает больше, чем рассмотрение целых воззрений и теорий, например эмбриологического эволюционизма XVIII века. Термины, употребляемые нами сегодня, не передают содержание воззрений отдаленной от нас эпохи, поскольку понятия, которыми пользовались тогда, несоизмеримы с нынешними. Например, «зародыш», по представлениям XVIII века,— это нечто совершенно иное, чем «зародыш», соответствующий стилю современной эмбриологии. В книге Т. Биликевича, где рассказывается о периоде упадка эволюционизма и механицизма, хорошо показано, «как в определенный момент, когда изменяется стиль мышления, весь многолетний спор вдруг оказывается спором об определениях, о значении слов». Стилевая аура понятий изменяется, а за нею меняются и воззрения. Поэтому нужно прежде всего исследовать эту ауру, стилевую окраску понятий, отражающуюся в языковом обычае употреблять определенные слова, в особенности, когда эти слова употребляются метафорически. Лишь так можно проложить путь к стилю мышления данной эпохи[4].

Есть еще одна причина актуальности проблемы связи между наукой и средой, может быть, не вполне очевидная, но еще более важная. ⟨...⟩

Некогда верили, что благодаря науке таинственная и сложная система природы когда-нибудь станет чем-то простым и ясным для понимания. Но теперь наука сама стала творением, ни в своих основах, ни в целом не более простым, чем природа, и даже еще менее доступным. В лесу легче не заблудиться, чем в ботанике. Вылечить больного легче, чем узнать, что с ним в действительности происходит. Открытие, сделанное специалистом, должно быть несколько раз переоткрыто популяризаторами, чтобы, пройдя ряд этапов, наконец сделаться доступным для профана или для специалиста, работающего в другой области науки. Поэтому возникает профессиональное посредничество, которым занимаются люди, ставящие своей главной целью согласование, выравнивание уровней знания. ⟨...⟩ Результаты работы этих посредников оказывают влияние и на специалиста, который за рамками своей области полностью полагается на них и черпает у них общие понятия, воззрения и стимулы своих рассуждений.

Наука стала слишком сложным явлением, подчиненным каким-то особенным, нам пока еще не известным законам, действующим, как правило, независимо от намерений и мнений отдельных ученых. Ее черты могут даже казаться иррациональными, хотя бы потому, что их нельзя предвидеть; исследователь не может заранее знать, чем станут результаты его собственных исследований, пройдя через огромную мельницу коллективного мышления. Будут ли они подхвачены, канут в безмолвие или как-то странно преобразятся? Часто все это зависит не от содержания, а от формы полученных результатов. Слово, в какой-то момент родившееся лишь как наименование вещи, к изумлению автора, может стать лозунгом, уже потерявшим прямую связь с этой вещью. Лозунг этот вызывает у научной общественности непредвиденные реакции. Здесь уже мы встречаемся не с зависимостью от культурной среды, а с коллективной природой самого научного труда. ⟨...⟩

Перед нами удивительное явление — идеологический кризис и разочарование среди специалистов и в то же время усиленный интерес к научному знанию со стороны широких кругов, что выражается хотя бы в растущем спросе на популярные книжки. Это не пустяк, поскольку популяризация в таких условиях становится занятием людей, не имеющих к этому призвания.

Исправить положение может только основательная наука о знании, опирающаяся прежде всего на социологию познания. Обе проблемы — зависимость науки от культурной среды и эпохи и проблема теснейшей зависимости индивидуального мышления от коллектива в науке — связываются между собой единым подходом, предлагаемым теорией мыслительных коллективов и стилей мышления.

1939 год

Первая публикация: Fleck L. Nauka i srodomisko // Przeglad Wspolszesny. Warszawa, 1939. № 8—9.

Сокращенный перевод с польского и примечания В. ПОРУСА

---

[4] Л. Флек как бы мимоходом касается проблем, многие из которых спустя десятилетия стали узловыми в современной философии науки. Взять, например, проблему «несоизмеримости» значений научных понятий, относящихся к различным семантическим системам — «стилям мышления» или «парадигмам». Одно из популярных в шестидесятые — семидесятые годы решений этой проблемы состояло в том, чтобы рассматривать термины одной системы как метафоры по отношению к сходно звучащим терминам другой.

НАШЕ ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ

Ценности американизма и российский выбор

«Круглый стол» клуба «Свободное слово»

У нас было два повода обсудить эту тему. Вернее, повод и причина. Повод — это пятисотлетие со дня открытия Колумбом Америки, само по себе событие немаловажное. А причина — растущая актуальность того влияния, которое оказывают на нашу жизнь Соединенные Штаты Америки: и как политическая и экономическая реальность, и как образ. Ведь мы на весь мир объявили, что собираемся войти в мировую цивилизацию, взяв в качестве ориентира и образца жизнеустройство Запада вообще, США — в особенности.

В XVIII—XIX веках Россия тоже ориентировалась на Запад, но прежде всего — на Францию и Германию. В XX веке, особенно в последнее время, не только мы, но и Западная Европа, и Азия заимствуют ценности именно американского образа жизни, несмотря на всю полемику, которую этот факт вызывает. Кстати, в двадцатые — начале тридцатых годов большевики тоже с завистью поглядывали именно на Америку, восхваляя американскую деловитость как необходимое дополнение к русскому размаху, а в шестидесятые, если помните, ту же Америку собирались «догнать и перегнать».

Чем же вызван этот поворот от Европы в сторону США? Чем он исторически обусловлен и оправдан? И как происходящая на наших глазах ценностная переориентация, смена жизненных и культурных установок может сказаться на судьбе России?

Задавая себе эти вопросы, хочу сразу отмежеваться от лжепатриотических всхлипов и спекуляций, весьма распространенных в наши дни. Тезис о «распродаже России» и прочие ксенофобские лозунги хороши на митингах, но мало убедительны по существу. Вряд ли кто усомнится в патриотизме Василия Розанова или Владимира Соловьева, а они, как известно, вовсе не ограничивались признанием своеобразия русского опыта и судьбы, но и резко выступали против огульного противопоставления России Западу, против формулы «Запад гниет, Запад разлагается» (она, оказывается, не «совковым» мышлением придумана), против высокомерного отношения ко всему чужому. И это вовсе не мешало русским мыслителям с не меньшей иронией и сарказмом относиться к другой российской крайности — нашей способности беззаветно отдаваться иноземному влиянию, восхищаясь внешним блеском и цивилизационными выдумками.

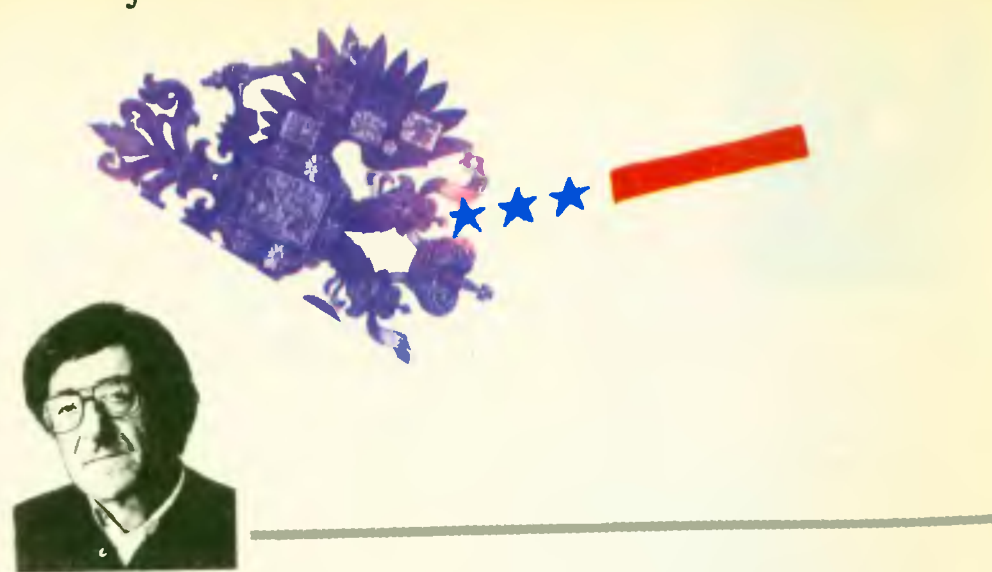
Василий Розанов где-то в своих заметках вспоминает эпизод из «Подростка» Достоевского, где некий Крафт, обрусевший немец, обнаружив однажды, что Россия занимает «второстепенное место» в истории, застрелился. Эта фигура может быть эпиграфом к нашему разговору. Правда, сейчас по этой причине никто, кажется, не стреляется, но смута и тоска в душах многих соотечественников, несомненно, воцарились.

Предлагая обсудить собравшимся вопрос о растущей «американизации» нашего образа жизни, мы хотели бы привычную тему «заимствования» и «влияния» перевести в более конструктивный план: Чем и в чем именно американский опыт может оказаться действительно полезным для России, страны совершенно уникального исторического пути? Ведь помимо спекуляций насчет «особого пути» России существует вполне жизненный, практический вопрос о ее цивилизационном потенциале и своеобразии, собственном вкладе в историю мирового сообщества.

К участию в «нашем открытии Америки» приглашаю философов, историков, культурологов — постоянных посетителей клуба «Свободное слово».

Валентин ТОЛСТЫХ

Нужна ли нам эта американская гармонь?

Г. Гачев: — Прежде чем начать выступление, я должен признаться, что в последние годы разочаровался в способности моего ума адекватно оценивать, что́ хорошо, что́ плохо. Поэтому могу поделиться лишь своими сомнениями и недоумениями. Это — во-первых. А во-вторых, я человек немолодой, вся моя конституция и структура выработались в советской цивилизации, которая сейчас, как Атлантида, тонет — так что в грядущий американизм я вписаться не смогу. Естественно, от всего этого у меня может быть несколько негативное отношение к грядущему американизму. Делайте поправку на это, я вас предупредил. С учетом всего этого хотел бы поделиться моими непосредственными впечатлениями об Америке.

А надо сказать, что поездке предшествовало интеллектуальное путешествие в эту страну. В семидесятые годы я сделал свое открытие Америки. Я ведь уже тридцать лет пишу такие «национальные образы мира». Это мой способ путешествовать. За границу-то тогда не пускали. Так вот, я выдумал свой способ путешествовать: на несколько лет зароюсь в книги про Англию, например, и пишу портрет английского образа мира. Природа, язык, история, Шекспир, Ньютон и т. д. Так же — про Америку: написал тысячу страниц, целый манускрипт, который, к вашему сведению, выходит в издательстве Ростовского университета. Так и называется: «Америка глазами человека, который ее *не* видел, или Американский образ мира». Те, кто читал, говорят, что правдоподобно. Так вот, в прошлом году я сам смог проверить свой образ Америки — меня пригласили в Штаты читать лекции. И я увидел, что мои построения оправдались.

Когда я писал, то как бы «платоново» припоминал Америку, дедуцировал ее. Основные идеи сошлись, но, конечно, много чрезвычайно любопытных впечатлений оказались неожиданными. Например, я просто был ошарашен решенностью расового вопроса. С природой тоже удивительно. Я ведь считал, что они выступили как разрушители матери-природы. У них нет священного отношения к природе, как есть у народов Евразии. Нам природа — мать, им природа — материя, материал, сырье для переработки. Страна понимается не как дитя природы, а как фактория. Им надо работать. У них не космогония, а космоургия. (У меня такие два термина: «гония» — это то, что рождается, а «ургия» — то, что производится.) И что же оказалось? Оказалось, что им удалось компенсировать эту цивилизационную предрасположенность: сейчас они очень уважают природу, правда, опять эгоистически — как средство обитания своего эгоистического интереса. Она для них не сверхценность, не Великая Матерь, как у нас, в Евразии, но тем не менее с ней они обходятся заботливо.

Еще что меня поразило? Оказывается, они не так уж перерабатывают и работают, как я думал. Мне казалось, что там — просто роботы. Обнаружил, что нет — веселятся и легко относятся к жизни. Вообще много там чего хорошего.

И может быть, главное, что меня поразило, — в американца превратиться легко, потому что там тут же образуются какие-то кланы: русские с русскими, итальянцы с итальянцами... Соединенные Штаты — действительно мировая цивилизация. Там одновременно есть общая цивилизация и есть свои маленькие родины, общины, церкви. Люди там как бы имеют двойное духовное подданство: абстрактный космос цивилизации и маленькие субкультуры, где они живут довольно уютно.

Конечно, чтобы превратиться в американца, нужно сделать маленькое преступление. Это преступление называется *Орестов комплекс*. Матереубийство. Если, допустим, для Западной Европы действует Эдипов комплекс, когда сын убивает отца и женится на матери-природе... Если для Востока, Евразии действует *Рустамов комплекс*: отец убивает сына. (Как в эпосе Фирдоуси «Шахнаме» — встречаются неузнанными два богатыря, и Рустам убивает сына; или в России: Илья Муромец убивает Сокольника. Вообще в России отец сильнее сына: Иван Грозный, Петр убивают своих сыновей, Тарас Бульба — тоже. Или у Горького — «Братья Артамоновы». Вообще в России отец сильнее сына, и он даже снохачествует, тут обратное Эдипову комплексу.) А в Америке — Орестов комплекс.

Вы знаете, что Орест убил мать Клитемнестру. Американец это как бы делает дважды: во-первых, разрывает связь, пуповину со своей матерью в Старом Свете — Ирландией, Италией, Россией, Польшей. Он переезжает на ту сторону, в другую землю, она не мать ему. Это совершенно другая земля, не та, где родился народ. Американцы — даже не на-*род*, это переселенцы, это — население. И эта новая земля им не матерь-Родина. Она была таковой для индейцев, которых вырубили, как деревья.

Американцы первым актом в Новом Свете сделали убийство матери-природы и ее детей — индейцев. Создали себе площадку для труда. Они, как прорабы, приехали, прошлись бульдозерами по живой природе, построили себе платформы и стали воздвигать небоскребы.

Американская цивилизация растет как бы сверху. Если все культуры стран Евразии прорастают, как деревья, снизу — сначала народ нуждается в природе, потом рождаются труд, культура, то Америка — это страна «ургии». Если англичанин — самосделанный человек, то Америка — это самосделанный мир. Это первая искусственная цивилизация, сделанная сверху, людьми без рода, без родства, людьми-плебеями, которые понимают только работу. Если бы они хоть как в Латинской Америке поступали: там высадились романцы — испанцы, португальцы, подчинили туземцев и заставили на себя работать. Там не истребляли туземцев, там их покорили, превратили в рабов, но и сношались с ними, получались метисы, и вот — нынешнее поколение этносов в Латинской Америке. Тут этого нет. Кто высадился-то? Высадились самые плебеи, те, кто не имел даже удовольствия в том, чтобы на них работали. Сами хотят работать. А если мешают? Тогда, как деревья, вырубают. Истребление индейцев — это первородный грех американства. Сейчас там уже очухались: теперь этот первородный грех к краснокожим оплачивается неграм задним числом. Хотя этот расовый конфликт тоже ввезен. Все ввезенное — негры ведь тоже не туземцы.

Это, конечно, радикально отлично от того, как складывалась Россия. Хотя есть и сходство — обширность страны. Россия ведь наполовину искусственно возникла. Представьте себе русский народ, который живет где-то в болотах северо-западной Руси, медленно размножается, ленив. Если бы естественным путем начала осваиваться эта гигантская территория, то сто тысяч лет на это ушло бы. Но эту территорию не оставляли в покое соседи, стали теребить, нападать. Поэтому возникло государство. Государство стало подталкивать ленивый народ, оно стало толкачом и строителем. Поэтому у государства в России не только милитарные функции, а всегда были и есть строительные.

В Америке государство осаживает активность личности. Те хотят больше работать, а государство не дает. В этом одна из функций американского государства — умерять «ургийные» аппетиты. А функция русского (и советского) государства — это заставлять работать. Петр с топором и Ленин с бревном — вот символы Российского государства.

Если эротически представить всю картину, у нас есть мать-Родина, это женское начало, и два мужика — Государство и Народ. Они такой аркой сплелись, крепче двух друзей, будто бы соперники (ну, как гегелево «свое-другое»). С одной стороны, вечно воюют, а с другой — не могут друг без друга. Как только повалили государство — и народ упал. Сейчас разрушили всю структуру — народ в люмпена превращается. Если у них человек человеку волк, то у нас ***человек человеку — вор.***

Итак, сходство есть: там — полностью искусственное образование, у нас — полуискусственное. В этой связи я задался вопросом о традиционализме. Раньше мы думали, что мы, страны Евразии, — это страны традиции, а там все новое и новое. Ну новое-то действительно: они все время цепляются за новое. Но ведь Америка в одном направлении развивалась триста лет, одним путем, никаких отклонений. Как высадились — самый свежий капитализм, экономика, протестантская этика, пуританский дух. Всегда в этом направлении, только чуть-чуть реформировали и совершенствовали. Так что Америка — страна крепчайшей традиции. И сейчас там эти традиции — общинные, трудовые и так далее — абсолютно действуют. А мы что? Только ломаем, рвем, как не помнящие родства. Так что, видите, наш «традиционализм» парадоксален.

Американец — это абсолютно динамичный, с молниеносной реакцией шофера, человек. А мы в русских просторах... Сравню с типами животных. Если Россия — это мамонт, то русский — это медведь; американец же... Его даже животным назвать нельзя. Американец — это новый кентавр, *человек-в-машине*. Это человек, соединенный с компьютером, с автомобилем.

Сейчас мы что делаем? Мы хотим из одного медведя насечь двадцать собак. Казалось бы, на кой? Что нам это даст для жизни в сверхценностях? У меня такое сравнение: жили-жили при правостороннем движении, вдруг перешли на левостороннее... Все ориентиры перепутались: иду по улице — меня давят! А если я философ, задумавшийся над Высшим Духом? Ну на что мне перестраиваться-то! *(Смех и оживление в зале.)* Я в высших ценностях — Любовь, Творчество, Природа... Для чего мне вдруг думать, как зарабатывать деньги, если я никогда этого и не умел? Я не знаю ни права, ни экономики. Мы с семьей жили на минимуме потребностей, лишь бы не убивать время жизни зарабатыванием денег.

Тут вопросы бесконечные. Но самый интересный вопрос — о совместимости тканей. Что-то возможно и совместимо. Кто-то в России пристраивается, может войти, вписаться. Но остается радикальный вопрос: а на кой... попу гармонь?! *(Смех в зале.)* Это вопрос о сверхценностях. Это уже не выбор; выбор за нас сделали. И даже не выбор, — мне кажется, идет некое естественное шевеление истории, перистальтика ее кишок. В этих «кишках» что-то с нами происходит. Потом сидим, обдумываем: *на кой?*

Т. Алексеева: — И все-таки задумываться, на мой взгляд, приходится, и прежде всего — что вообще следует понимать под «американизацией»? Копирование политических структур? Подражание образу жизни? Смену ценностных ориентаций? Но практика, например, таких стран, как Нигерия, со всей очевидностью демонстрирует, что можно полностью скопировать политическое устройство, даже разделить все население на республиканцев и демократов, при этом ни на йоту не приблизиться к американской модели демократии. А может быть, речь идет о заимствовании американских культурных образцов? Безусловно, отчасти это имеет место. Причем не только нынешняя молодежь, но уже и мое поколение (те, кому «вокруг» сорока) росло под аккомпанемент американской музыки, с американскими стандартами, во многом воображаемыми, почерпнутыми главным образом из голливудских кинофильмов. Но я берусь утверждать, что это — заимствование чисто внешнее, оно не так уж сильно меняет менталитет. У нас ведь есть и собственный исторический опыт влияния: мы пережили периоды влияния и Франции, и Германии — и ничего, остались сами собой.

Правда, есть одна специфическая особенность у нынешнего процесса: американская культура при всей мощнейшей рекламно-пропагандистской поддержке по всему миру, будучи культурой «новой», смешанной, неукорененной (а потому и более «низкой»), сталкиваясь с более традиционными, устойчивыми и высокоразвитыми культурами, либо переваривается ими, либо отторгается в целом (принимаются лишь какие-то элементы в форме проходящей «моды»). Поэтому, как мне кажется, вопрос о том, грозит ли американизация российской культуре, прямо и непосредственно связан с другим вопросом: насколько все же разрушена или, наоборот, сохранена наша собственная культурная традиция, и прежде всего — традиция «высокой» культуры.

Сложнее обстоит дело с усвоением ценностей американизма в политике, экономике, деловой этике — там, где все это воспринимается, особенно нашими демократическими интеллигентами, в крайних и однобоких формах. Сложнее вот почему.

Прожив некоторое время в ситуации «полного погружения» в одном из южных штатов Америки, я пришла к выводу, что эти ценности почти несовместимы с нашими. По легенде, южные штаты имеют с нами больше общего, чем северные. (У них «высокая» культура, это, прежде всего, — культура плантаций, у нас — имений; и они, и мы в целом долгое время отвергали капиталистические принципы, цепляясь за стереотипы феодализма. Однако это всего лишь легенда. При всей своей специфике американский Юг усвоил и переварил ценности капитализма. Поэтому различие фундаментальное. Не случайно именно выходцы из России труднее других адаптируются к американской жизни, постоянно выплескиваясь из ее «плавильного котла», с большим трудом приспосабливаясь к ценностям американизма (если исключить простую погоню за «золотым тельцом»).

Различия становятся заметны сразу же, как только мы обратимся, скажем, к такой категории, как успех. Ведь представление о жизненном успехе имеет две стороны. Одна — это достижение богатства, статуса, престижа. Конечно, здесь есть определенное родство с классической советской триадой — машина, дача, квартира. Однако в наших условиях триединства не возникает. Богатство далеко не всегда совпадает со статусом и престижем (понимаемым в буржуазно-респектабельном, а не мафиозно-нуворишеском стиле). Иначе наши школьницы не мечтали бы о лаврах «интердевочек». Но есть и вторая сторона, может быть, даже более существенная, во всяком случае, сами американцы ставят ее на первое место. Это — максимальная реализация независимости, автономии, суверенитета каждого человека, раскрытие его индивидуальности, уникальности. Это предполагает высокое чувство собственного достоинства, самоуважения — ценность, которой придается особое значение. А как раз его-то нам и не хватает, несмотря на всю нашу нынешнюю атомистическую разобщенность. В Америке же такой подход имеет глубочайшую основу — уникальное соединение в американской политической культуре ценностей свободы и равенства, которые и по сей день воспринимаются у нас как антиномия.

Или возьмем еще одну американскую ценность — «патриотизм». Можно, конечно, сравнивать «американскую мечту» и «русскую идею». Но если у нас последнее — сфера философов и историков, а для иных «патриотизм — последнее прибежище негодяев» или, наоборот, эвфемизм национализма, то для Америки он — повседневная практика. Американцы искренне уверены, что все народы должны отбросить свои традиции, как только познакомятся с американскими рецептами жизнеустройства. Они горды своей принадлежностью к американской нации — снобизм по отношению к другим, даже к родине своих предков (это черта эмигрантов второго поколения), почти фанатичная вера в «идеальность» американской модели. Но это не национализм крови, а патриотизм, замешанный на единстве ценностных ориентаций и политических принципов.

И, наконец, еще одна фундаментальная ценность американизма, о которой здесь говорилось, — отношение к труду. Воспитанное многими поколениями протестантов отношение к работе как к главному средству достижения успеха совершенно не сочетается с нашим этическим кодексом, открывавшим долгое время путь к успеху через общественную работу, принадлежность к коррумпированным группам, а теперь — через спекулятивно-криминальную деятельность.

Это лишь несколько примеров. Но уже очевидно, что ткани трудносовместимы, что тотальная американизация в культурном и ценностном смысле нам не грозит. Фундамент у нас все-таки свой, даже под аккомпанемент Майкла Джексона.

В. Царев: — В резко очерченном вопросе, который задан нам устроителями сегодняшней встречи, есть выраженная тревога: что сулит устремление к Америке нам, людям, живущим в стране как бы совершенно иной? Но я хочу задать другой вопрос: а означает ли устремленность приближение? Поясню, что имею в виду.

В шестидесятые годы лучшие люди нашей страны жили под обаянием фантомных образов, созданных Хемингуэем. Олицетворенный своими героями, он стал образцом для подражания представителей целого поколения. И что в результате? Наша страна оказалась отличной от Америки тем, что у нас были люди, похожие на Хемингуэя и его героев, а в Америке таких людей не было. Хемингуэй был великим американцем, но он остался там единственным Хемингуэем. А у нас оказался первым в череде многих «русских Хемингуэев»...

И так бывает почти всегда: кажущееся устремление к американскому может оказаться решительным отдалением от Америки. Во всяком случае, что касается элиты, то, устремляясь к Америке, она вовсе не становится американской. Да и то, что называют «утечкой мозгов», при ближайшем рассмотрении оказывается явлением культурно-парадоксальным. Действительно, в Америку едут многие люди. Но в чем причина? В том ли, что Америка богата, или в том, что наша академическая среда деградирует? По моему глубокому убеждению, причина — именно вторая. То есть по законам «культурной физики» утечке мозгов предшествует их разжижение. Америка не примет людей, во истину одиноко стоящих,— людей в европейском смысле элитных, то есть людей, способных на неалгоритмизированный, нестандартный собственный умственный подвиг. Американская академическая среда таких людей, как правило, отторгает.

Но, может быть, есть «простые» люди, множество людей, которые не собираются писать книг, не собираются делать открытий,— может быть, они готовы воспринять американские ценности? Я бы сказал так: если это возможно, если человек у нас научится жить в комфорте, научится пользоваться не только топором, но и многими другими инструментами, то есть воспримет вещественную гибкость американизма,— все будет неплохо. Но каков результат такого восприятия американскости?

Проблема здесь не в потере нашей самостности. Культура удивительно интересно и глубоко устроена. Она надежно защищена от принципиального серьезного изменения, и переход к инаковости означает во многих случаях закрепление цельности, некоторого стержня, который устранить никак нельзя.

Приведу такую аналогию. В России исключительно влиятельным в архитектуре было движение палладианства. Ему отдали дань не только дореволюционные архитекторы, но и советские архитекторы-монументалисты, например Иван Жолтовский. Но, воспринимая стилистику и форму палладианства, русские палладианцы воспроизводили и нечто такое, что самому Палладио было неизвестно,— например, орнаментику помпейской живописи, которая органически входила в строй нашего собственного палладианства. Заимствованная культурная форма часто существует в культуре таким образом, что обнажает и восстанавливает некоторые свои истоки.

Итак, если Россия воспримет американизм, то, вероятнее всего, она обнажит и некоторые истоки американского образа жизни, его европейские корни. Я в этом совершенно убежден. Тут совершится то, что я назвал бы культурным слиянием, культурным резонансом. Это мое предсказание. Мы ведь все-таки европейцы, вышли из Центральной Европы, уверовали благодаря Южной Европе, огосударствились благодаря Северной. И любые приключения нашего духа, любые движения через океаны — это движение к самим себе, а значит — движение в Европу. Мы будем учиться у японцев, но проступит Европа, у которой они учились. Мы будем учиться у американцев — и все равно проступит Европа. Мы будем учиться и у европейцев. Но где бы и как бы ни существовал русский, сконцентрируется ли он и взмоет ли ясным соколом в небеса или, свернувшись калачиком, будет пережидать на «мать сырой земле» течение времени и обстоятельств, пойдет ли он через Америку или через Европу, он останется европейцем, каким был и, думаю, будет. Все дороги ведут в Рим.

А. Шемякин: — Вообще было бы интересно осмыслить опыт усвоения западной культуры у нас. Как и что усваивалось? Как сталкивалось и взаимодействовало с партийными идеологемами и переплавлялось в культурную мифологию общества?

Вспомним отправную точку конца пятидесятых годов — это был возврат к «ленинским нормам», к «революционным традициям». Но как понималась тогда революция?

Во-первых, она снова была мировой, а это значило, что мы должны обладать всеми культурными богатствами мира. (Этим тезисом открывается в 1955 году журнал «Иностранная литература».)

Во-вторых, революция понималась в соответствии с установками «шестидесятников»: «Новый мир» возражал ископаемому догматическому сталинизму «Октября», прикрывавшемуся марксистской фразеологией.

Но это был фасад. За этим фасадом шла постепенная внутренняя эмансипация личности: Хемингуэй стал ее символом. Понятие товарищества было освобождено от принудительного коллективизма и возродилось в чисто литературной, книжной форме. Мало кто знает, что первая, сохранившаяся не полностью картина Андрея Тарковского называлась «Убийцы» и была поставлена по рассказу Хемингуэя. Она точнейшим образом передает характер усвоения этики и кодекса поведения хемингуэевского героя. Он, этот герой, помогает преодолеть чувство абсолютного страха, незащищенности этой самой возобновляющейся личности перед лицом тоталитарного насилия. Лучший кусок фильма — это ожидание гибели большим сильным человеком: герой (его сыграл Шукшин) лежит на кровати, отвернувшись к стене, испещренной следами пуль, и презирает этот мир, оставивший его на произвол судьбы,— своеобразная метафора обреченности.

Чудо же заключалось в том, что личность все-таки появилась. И выжила как личность. А Хемингуэй стал примером, «делать жизнь с кого», и лишь почти через десять лет в статье Эриха Соловьева «Цвет трагедий белый», в том же «Новом мире» напечатанной, как говорится, добрались мы до главного в Хемингуэе — его экзистенциальной трагедии. Такая вот мистика культурной традиции, такие вот пути вестернизации...

Сейчас много говорят по поводу американизации кино. На творческом уровне — это проблема-фикция. На экономическом — да, проблема. Но никакое наше производство и никакая экономическая модель кинематографа с голливудской моделью не сравнится; да нас ведь и кормят не кассовым американским кино, а кино, поставляемым в Гонконг, скажем. Так понимается уровень наших притязаний. Другое дело — воздействие творческое (кстати, голливудская модель в идеологическом варианте у нас отчасти была при Сталине и разрушилась. Но это — отдельная тема). И тут мы лишь встаем в достаточно длинную очередь, образовавшуюся в

европейском кино еще с конца сороковых — начала пятидесятых годов, когда будущие корифеи французской, а потом и немецкой «новой волны» смотрели в синематеках и кинотеатрах американские гангстерские и «черные» фильмы с той же, кстати, экзистенциальной проблематикой. Мы и стали учиться, но опосредованно, через тех же французов и немцев. Сейчас нам нужна новая философия киноавторства — взаимодействие индивидуальной эстетики и общей жанровой мифологии. И Америка здесь опять-таки не единственная панацея. Скажем, национальная модель кинематографа Фассбиндера, переосмыслившего киномифологию Третьего рейха, для нас оказалась значимой (как показали «Прорва» Ивана Дыховичного или «Кикс» Сергея Ливнева).

То есть я хочу сказать, что одновременно идет процесс ускоренного усвоения и переработки того, что давно должно было быть усвоенным, а вовсе не того, что на нас свалилось. А нынешнее «американское кино» — именно предмет потребления наряду с кока-колой и жвачкой. Как пришло, так и уйдет.

А. Кара-Мурза: — На мой взгляд, та проблема и то явление, которые сегодня обсуждаются, так называемая американизация нашей культуры, действительно имеют место и в достаточно широком масштабе. Задача, по-видимому, состоит в том, чтобы выяснить, что именно в отечественной культуре так мощно срезонировало с американизмом. В этой связи я хотел бы высказать и коротко обосновать три тезиса.

Тезис первый — речь идет не об американизации, а о псевдоамериканизации. Иными словами, из контекста американской культуры были выхвачены отдельные ее элементы (отнюдь не доминирующие), и, скомбинированные особым способом, они просочились к нам в виде мифа о якобы подлинной Америке.

Тезис второй — в гораздо большей степени, чем элитарные слои России, у нас американизированы массовые слои. Иными словами, так называемая американизация — суть характеристика в первую очередь «массовой культуры».

Наконец, тезис третий — с «мифом об Америке» срезонировало у нас в первую очередь именно коммунистическое, тоталитарное, «совковое» сознание, а вовсе не сознание российской приобщенности к демократии и гражданскому обществу.

На мой взгляд, главный фактор, позволивший «мифу об Америке» попасть в унисон с нашим, «совковым» сознанием, — это общетоталитарная тенденция к тотальному упрощению социальной жизни. Америка предстала как «страна простоты» в сравнении хотя бы с более сложной для понимания Европой. А если учесть, что эта «американская простота» сочетается с американским же «успехом», то привлекательность образа Америки в упрощенной картине мира советского человека становится совсем понятной.

Другой мощный фактор — иллюзия «освобождения от истории». В тоталитарном сознании Америка была воспринята как «страна без истории»; это породило иллюзию, что в современном мире достичь успеха и процветания можно, не затрудняясь исторической саморефлексией, освоением культурного наследия (а может быть, и только таким способом). Молодая, родившаяся «из ничего» Америка выступила бесспорным историческим примером успешного «отречения от старого мира».

Наконец, на Руси всегда любили силу. «Простота» Америки, ее «богатство», «культурно-историческая незамутненность» плюс военно-экономическая «сверхдержавность» — вот тот набор, который сделал в «совковом» сознании имидж Америки поистине неотразимым. Думаю, можно сказать и сильнее: по всем перечисленным выше параметрам «миф об Америке» — своего рода «теневой канон» советского типа идентичности.

Парадоксально, но официальная антиамериканская пропаганда в СССР в конечном счете активно сработала на пропаганду «американского образа жизни». Вроде бы дискредитируя «американские ценности» перед лицом «высоких идеалов» грядущего коммунизма, она лишь растравляла прагматические потребительские аппетиты «тоталитарной личности». И чем ниже становилась в результате этой дискредитации планка американизма, тем в большее искушение (искушение богатством без культуры и морали) впадал «простой советский человек».

Итак, Америка вошла в наше массовое общественное сознание в первую очередь своей потребительской стороной. (Наименее американизированными оказались именно культурные слои общества, сохранившие некоторый иммунитет против примитивизации социальной жизни.) Очевидно, что демократические реформы вряд ли могут найти опору в таком варианте «массовой вестернизации». И все-таки есть нечто, внушающее оптимизм. «Разгерметизация» тоталитарной системы, в частности проникновение в наше сознание образа подлинной Америки, «Америки трудовой», неизбежно приведет со временем к размыванию прежних потребительских стереотипов. И пусть это снова прозвучит парадоксально, но я в большой степени связываю российскую демократизацию и модернизацию именно с понижением градуса американизации в нашей культуре.

К. Разлогов: — Забавность моего выступления состоит в том, что я повторю выступление Алексея Кара-Мурзы с точностью до противоположного.

Мы не раз здесь говорили, что разгадка российского феномена лежит, конечно, не в Европе, не в Америке и вообще не на Западе, а скорее на Ближнем Востоке. Что все потуги интеллигенции следовать западному пути безуспешны. И поэтому я задаю себе вопрос: как реально выглядит взаимодействие российской и американской культур? Между этими двумя культурными традициями есть немало такого, что их роднит. Но там просто другая культура, система ценностей и культурного отсчета,— короче, не наша.

Как бы мы ни заглядывались на Америку, все равно будем жить по своим законам. И пока эти законы не будут фундаментально нарушены, ничего нового и неожиданного не произойдет. То есть будут какие-то люди, тяготеющие к американской традиции, и такие, кому ближе европейская традиция. Будут — с ориентацией на Восток, Ближний и Дальний. Но базовая культура пока остается неизменной. Я имею в виду ту культуру, которая сложилась на протяжении не последних семидесяти лет, а тысячелетий.

Надеюсь, никто не предполагает, что за два с половиной года можно поломать тысячелетние традиции.

Какие-то ростки того, что это может произойти, я вижу в том, что будет некоторое поверхностное заимствование американской массовой культуры, причем совершенно другим поколением. Не тем, которое было у власти вчера, и не тем, которое у власти сегодня.

Для меня аксиома, что «что-то похожее на модернизацию» не может произойти усилиями культурных элит. Наоборот, культурная элита в подобной ситуации — и российская история имеет этому огромное количество примеров — неизменно посрамлялась в своих модернизационных устремлениях. Забавно думать, что действительно реформаторской силой оказываются на деле мальчишки, которые сегодня вытирают стекла машин, а вовсе не те, кто заявляет о себе как о реформаторах по американскому образцу.

О Соединенных Штатах России

Д. Фурман: — Мы можем не любить Америку и демократию, но то, что современная демократия возникает в Америке и сейчас распространяется по всему миру, что мир, во всяком случае в этом отношении, американизируется, — это факт.

Американские институты и соответствующие им идейные принципы и «ценности» в момент их возникновения были практически уникальны. Представьте себе карту мира в 1783 году. Во Франции еще «старый режим», то же самое в Испании, германских государствах, Австрии. Нечего уж говорить об Африке, еще не завоеванной, Южной Америке, Китае, Индии и т. д. Америка с ее конституцией уникальна даже в христианском мире, а для нехристианского мира ее институты просто немыслимы, невообразимы. И это понятно: культурные основания американских институтов совершенно уникальны. Ведь американскую культуру порождает определенный «фрагмент» (выражение американского ученого Л. Харца) европейской культуры, в самой Европе никогда не занимавший ведущего положения и, так сказать, уравновешиваемый другими идейными и культурными направлениями. Это — радикально протестантские, в основном английские кальвинистские или генетически связанные с кальвинизмом секты. Всем им свойственны демократизм церковного устройства, веберовская трудовая этика, для многих — идея отделения церкви от государства.

В условиях колонизации на новых «незанятых» землях они могли создать адекватную систему институтов, окончательно оформившуюся с обретением Америкой независимости. Таким образом, американская социально-политическая система имеет очень глубокие и одновременно уникальные культурные корни.

Теперь представим себе современную карту мира. Сейчас институты, приближающиеся к американским, господствуют в мире. Республики со всеобщим избирательным правом — не только в Европе, но и в таких странах, как Турция, Индия, Пакистан, Россия и т. д. Не везде, разумеется, эти институты работают «хорошо», но даже диктатуры теперь стараются прикрыться какими-то демократическими фиговыми листочками, признавая тем самым непререкаемый характер демократических ценностей. Это факт, который мы должны констатировать, вне зависимости от того, как мы к нему относимся.

Как же могло получиться, что институциональная система, порожденная радикальным протестантизмом, переносится (разумеется, с модификациями, но все же в своих основных принципах — выборы, разделение властей и т. д.), например, в Южную Корею или Бангладеш, которые при этом радикально протестантскими не становятся? Эти вопросы допускают разные ответы.

Можно, например, считать, что институты — это что-то очень поверхностное, а есть глубинные народные души, которые неизменны.

Можно видеть в демократизации и «американизации» мира что-то вроде моды, эпидемии подражания, которая неизбежно пройдет. Можно — результат целенаправленной деятельности США. А может быть, США — случайно вырвавшееся вперед общество, за которым закономерно с иной скоростью и в иных формах, но в том же направлении идут другие? Есть, наверное, еще какие-то ответы. Давайте попытаемся в них разобраться.

В. Лебедев: — Все эти разговоры об опасностях американизации мне напоминают одну историю из Ильфа. Помните, там обсуждают проблемы советской кинокомедии, и мальчик-вундеркинд все время восклицает: «Только смотрите, чтобы не было, как у Чаплина». Наконец какой-то режиссер говорит ему: «Ты, мальчик, не беспокойся. Как у Чаплина не будет. Не получится».

Вот и мне так кажется, что даже самые положительные американские цивилизационные наработки у нас трудно будут прививаться. И по многим причинам. Конечно, различия между нами можно проводить — исторические, ментальные, социально-психологические. Я хотел бы указать на два различия, касающиеся социальной конструкции. Это принцип территориального деления. У них административно-территориальное деление, у нас — национально-территориальное. И это настолько разные устройства, что применить их социальную машину, перенести ее сюда просто не удастся. А изменить это устройство сейчас невозможно в связи с националистическим безумием и горячкой, которые продолжают наращиваться.

Второе различие — в типе конституции. Американская конституция — на нескольких страничках. А наша Конституция 1978 года в десять — пятнадцать раз толще. Почему такое различие в объеме? Потому что американская конституция — это документ принципов государственного устройства, где говорится, как устроена государственная машина: вот принцип разделения властей, вот механизмы выборов в Сенат и Палату представителей, вот как назначают Верховный суд. Они имеют такие-то функции. И плюс еще Билль о правах — два десятка поправок (несколько страниц). В первом Билле о правах сказано в одной фразе, что Конгресс не имеет права издавать законы, ограничивающие свободу печати, или вводить насильственно какое-то вероисповедание.

У нас же конституция построена по типу общественного договора, где описывается масса всяких случаев: что должен делать каждый из этих органов и какие между ними взаимоотношения. Вот куча статей о «Правах и свободах человека» на восьми страницах: здесь каждый имеет право на жизнь, потом — на свободу, потом — на неприкосновенность частной жизни, на свободу передвижения (это с пропиской-то!), право на труд, отдых, на образование... Эти права, которые оговаривают условия взаимоотношений человека и государства или государства и общественных организаций, занимают больше места, чем вся конституция Америки. А поскольку жизнь богаче всяких конституционных фантазий, поскольку в конституции нельзя предусмотреть все общественные договоренности, их описать — возникает масса противоречий, — то в принципе наша конституция должна бы распухать до бесконечности.

Какой же отсюда следует вывод? Нельзя применить никаких социальных американских новаций, пока не будет изменен принцип членения территории и само устройство конституции.

Вот мы сейчас опять подняли разговор: кто мы? Китайский путь реформ нам не подходит, значит, мы — не Азия. Американская модель тоже вроде бы не годится. У нас свой путь. Как правильно заметил еще Милюков, мы не Евразия даже, а Азиопа. В связи с этим закончу блестящим (по форме, а следовательно, и содержанию) четверостишием Игоря Губермана:

Россию не поднять с колен,
Покуда плеть нужна холопу.
Нам свежий ветер перемен
Всегда вдували через...

Э. Соловьев: — За недостатком времени я вынужден просто декларировать, что считаю вестернизацию нашей страны процессом неизбежным. Если Россия отвернется от Запада и изберет сколь угодно рафинированную «культурную изоляцию по архетипу», она к началу XXI века перестанет существовать не только в статусе великой державы, но и в качестве экономически состоятельного государства средних размеров. Вестернизация — это и наша историческая обязанность (нравственный выбор, вытекающий из раскаяния в тоталитаризме), и уже совершающийся стихийно объективный процесс, который, будем надеяться, необратим. Насущная задача состоит, соответственно, просто в том, чтобы рационализировать поток стихийной вестернизации в духе «западничества» как принципиального нравственно-исторического решения.

Существенным моментом такой рационализации должно стать возрождение исходного усилия западной культуры, которое приходится на XVI—XVIII столетия. Давайте попытаемся взглянуть на проблему американских ценностей под этим углом зрения.

Америка XVII—XVIII веков, в сущности говоря, представляла собой «лабораторно чистую» обновляющуюся Европу. Здесь, как на опытном поле, пышно и быстро вызревало то, что в европейских странах еще повсюду глушилось феодально-абсолютистскими сорняками.

Вопреки широко распространенному социально-романтическому воззрению, усвоенному нами в форме Марксова учения о генезисе капитализма, развитие новоевропейской цивилизации начинается вовсе не с пресловутой «атомизации» общества, которая выражает себя в росте эгоизма, «ургизма», цинизма, бессердечного чистогана, взаимной утилизации, отчуждения и овеществления. Все это достаточно поздние и вырожденные формы новоевропейского духа. Подлинной же его колыбелью следует признать коренную перестройку общинной жизни. На место традиционной, деспотически-альтруистской общины, знаменитой Gemeinwesen, пришла община, принудительно персонализирующая своих членов. Это — парадоксальная коллективность, без и даже против коллективизма.

В примитивных и традиционных обществах выживали наиболее сплоченные человеческие объединения. Выживали в меру жертвенности своих членов. Где-то с XV—XVI веков успеха в этом эволюционном социальном соперничестве начинают добиваться такие малые человеческие общности, которые культивируют внутри себя состязательность и требуют, порой сурово и жестоко требуют, от своих членов деловой самостоятельности, квалификации и своеобразия. На поверхность общественного бытия проступает одно из самых глубоких, самых эзотерических измерений христианской нравственности. Ведь христианство, как отчеканил недавно Борис Парамонов (радио «Свобода»), — это «религия, озабоченная повышением качества каждой человеческой личности».

Первым провозвестием «неколлективистских коллективов», проникнутых этой заботой, можно считать обновленные ремесленные цехи и граждански-муниципальные ассоциации (городские республики), отличавшие эпоху Возрождения. Увы, они оказались социально нежизнеспособными образованиями, увязшими в трясине феодальных традиций. Но огромной жизненной силой обладало то, что пришло им на смену. Я имею в виду независимые религиозные общины, рожденные Реформацией, прежде всего протестантские. В пору религиозных войн многие из этих общин оказались мигрирующими, а потому особо нуждались в экономической самостоятельности, самоуправлении и правовом обеспечении. Гачев применил к протестантам, порывающим с родной почвой, метафору «матереубийства»; мне кажется, здесь куда более уместен образ «детоизгнания» — ранней обреченности на скорое взросление вне родного дома.

Независимая христианская община, выключенная как из церковной, так и из светской социальной иерархии, — община, сосредоточенная на задаче персонального спасения каждого своего члена и усматривающая путь такого спасения в состязательном, аскетически последовательном осуществлении христианином своего особого мирского призвания, — вот, на мой взгляд, первоначало всей новоевропейской (атлантической) цивилизации с ее правосознанием, политическими институтами и предпринимательски-трудовой этикой.

Независимая христианская община — исторический продукт Европы. Но именно она становится автономным базисом американской общественной жизни. Первые переселенцы — это как бы наиболее раскаленный протуберанец, выброшенный из тела Европы, разогретого Реформацией, и разлившийся на новом континенте. Пуритане, квакеры, методисты и другие секты, о которых говорил Фурман, представляют собой не что иное, как реформаторские христианские конфессии «самой высокой обновленческой температуры». Американизм в своем истоке был эссенцией новоевропеизма. И совершенно непозволительно представлять себе первых американских переселенцев в качестве бесприютного охлоса, не ведавшего ни устоев, ни принципов и деградировавшего до цинично утилитарного нового варварства.

Прислушаемся к тому, что в первой трети XIX века писал один из самых зорких и придирчивых наблюдателей американской жизни Алексис де Токвиль. «Все дико вокруг первопроходца, но сам он, можно сказать, есть результат трудов и опыта восемнадцати европейских столетий... Он знает прошлое, любопытен к будущему и внимателен к настоящему. Он — цивилизованный человек, который решается жить среди лесов и проникает в пустыни Нового Света с Библией, секирой и журналами. Трудно представить себе, с какой невероятной быстротой обращается мысль среди этих пустынь».

По способу социального существования американский первопроходец совершенно не отвечает ни Марксову понятию «робинзонады», ни отличительной гоббсианской формуле «человек человеку — волк». Это христиански востребованный, внутриобщинный индивидуалист, который более всего дорожит признанием своего ближайшего окружения и партикуляризируется по его мере и запросу.

Независимая христианская община быстро обнаруживает все основные признаки самоуправляющейся общины, первичной свободной ассоциации, обрастающей новыми и новыми добровольными, практически ориентированными объединениями. Решать проблему «по-американски» значит начинать с создания «общества данной проблемы». Не суждение частного лица и не указ, вытребованный у высшей державной власти, а консенсус свободной ассоциации частных лиц — вот что издавна (как и сегодня) является основным инструментом американского здравого смысла. Житель Нового Света, свидетельствовал Токвиль, «прибегает к власти политической только тогда, когда решительно не может обойтись без нее. Сперва он будет искать поддержки в ассоциациях и институтах местного самоуправления. Да что институты? — просто тотчас собираются соседи, и из этого импровизированного собрания выходит практически достаточная исполнительская власть, которая исправит зло еще прежде, чем кто-то надумает обратиться за содействием к политическим верхам».

Я не знаю другого столь же простого и выразительного разъяснения понятия «гражданское общество», или, что то же самое, представления о демократии, спонтанно выраставшей «снизу», из ткани повседневной социально-практической жизни.

Но и демократия, в абстрактно политическом смысле слова, — либерально-конституционная демократия, подчиняющая себе государственные структуры, — опять-таки имеет свой первоисток в независимой христианской общине. Именно здесь впервые рождается на свет представление о системе неотчуждаемых личных прав (прав человека), каждое из которых эксплицирует свободу совести, как бы развертывая ее в направлении хозяйственной независимости, повседневной личной неприкосновенности и граждански-политической самостоятельности.

В среде американских протестантов вызревает и прорабатывается далее идея «ковенанта» — этот неакадемический, некабинетный прообраз «первоначального общественного договора». Ковенанты — готовые наброски для конституций отдельных штатов; конституции отдельных штатов содержат в себе все существенные идеи федеральной конституции. Она, по сути дела, лишь торжественно оглашает то, что уже содержится в головах рядовых граждан. Приходится ли удивляться, что

конституция эта, по сей день эталонная, была написана в течение всего лишь четырех месяцев — с 25 мая по 17 сентября 1787 года, тогда как комиссии нашего родного парламента работают над Конституцией Российской Федерации вот уже почти два года и едва ли вынесут на всенародное обсуждение что-либо достойное имени «цивилизационного образца».

В колыбели независимой христианской общины родились, наконец, и такие идеи, как разделение властей, как отделение церкви от государства и особые прерогативы независимой судебной власти.

С середины XVII века Европа регулярно выбрасывала в Новый Свет массу протестантских и католических рыцарей свободной совести. Спустя примерно столетие, она получила из их рук слаженный и проработанный комплекс политико-юридических воззрений.

Вот это и была первая, самая существенная и радикальная, американизация Европы, пришедшаяся на последнюю треть XVIII века. Продуктом этой американизации стали французская Декларация прав человека и гражданина (1789) и судебные реформы, начавшиеся в ряде стран континентальной Европы.

Первая в истории американизация никак не покрывается словом «подражание». В ней не было никаких заимствований «американского образа жизни». Западная Европа впечатлялась прежде всего «американским образом мысли», радостно распознавая в нем то, что издавна вынашивалось христианской культурой, что уже существовало в качестве намека, высказанного Возрождением, Реформацией и ранним Просвещением.

Мне кажется, это и есть тот единственный тип американизации, о котором нам сегодня имеет смысл говорить. Я убежден, что Россия, как и Западная Европа в конце XVIII века, может опознать себя самое в зеркале первоамериканизма — вспомнить (благодаря Америке), что ее культуре вовсе не чужд христианский персонализм и что культура эта не раз (особенно решительно в начале XX столетия) обращалась к идеалу общины как свободной самоуправляющейся ассоциации индивидов.

Заимствовать современные американские институты и практически еще вовсе не значит осваивать основные американские ценности. Последние гораздо полнее раскрываются в генезисе гражданского общества США. Опыт этого генезиса лежит достаточно далеко в прошлом, чтобы его можно было просто имитировать, напялить на себя, как мы напяливаем джинсы, или биржевые конторы, или институт президентской власти. Опыт генезиса можно только воспроизвести, наследуя ему не по букве, а по духу.

Думается, что решающую роль в таком воспроизведении должна сыграть идея «низового» самоуправления.

Мы привыкли понимать под демократией институты великодержавного типа, а рассуждая о «дальнейшей демократизации», чаще всего сбиваемся на разговор о новых политических партиях, пользующихся всероссийским признанием. Мы грезим всенародными референдумами по поводу Курильских островов, но сплошь и рядом представления не имеем о том, как демократически решить вопрос об асфальтовой дороге, которая разрушается под окнами нашего дома. Это совершенно не по-американски, это по-российски. Но еще вопрос, выражает ли это некие последние и неодолимые устои «российской ментальности».

Не так давно Центральное телевидение позволило нам присутствовать при живом рассуждении Солженицына. И вот к чему пришел этот мыслитель, до мозга костей русский, но проживший около двадцати лет на Северо-Американском континенте: спасение России — в «демократии малых территорий», «демократии малых пространств».

Есть старое русское слово «земство», с которым давно мучаются переводчики. Но вот парадокс — американский «штат» в его первоначальном бытии — это и есть в сущности автономная земская власть. Говоря сегодня о возрождении «земских» начал, мы вольно или невольно устремляемся к американскому идеалу территориальной автономии. И уж лучше делать это исторически сознательно, а не зажмурившись.

Думаю, что идея территориальной автономии не может обидеть или напугать ни один из народов, проживающих на пространстве России. Пожалуй, даже верно обратное: национальные автономные республики едва ли чувствуют себя «на равных» со стомиллионным колоссом, который наши националисты все чаще определяют как «государство Русь». Иное дело — Соединенные Штаты России, в которые республики эти входили бы наряду с другими соразмерными им самоуправляющимися единицами.

Трудно предвидеть, насколько федерация типа Соединенных Штатов России будет способствовать социальному и экономическому развитию нашей страны. Каковы условия российского прогресса — об этом сегодня вообще позволительно только гадать. Но с большой долей уверенности можно утверждать, что территориальные автономии оказались бы серьезным препятствием на пути социальных регрессий, начинающихся «из центра». Восстановление тоталитаризма в масштабах всей России было бы в этом случае если не исключено, то существенно затруднено. На августовский путч в Москве Казахстан и Украина ответили в соответствии со своим «правом на самоопределение вплоть до отделения». Почему этой возможности лишены Поволжье, Алтай или Дальний Восток?

В любом случае проблема освоения американских ценностей — это вовсе не проблема подражаний, актуальных заимствований. Для заимствований скорее подходит Западная Европа (особенно поучителен для нас послевоенный опыт ФРГ, ее путь от тоталитаризма к демократии). Но вот что касается азов демократизма и азов правосознания, то в этой области нет лучшего наставника, чем США в пору их гражданско-политического становления.

Между Евразией и Азиопой

С. Кургинян: — Пока мне показалась наиболее интересной идея насчет «попа и гармони». Действительно, большая проблема в том, нужна ли попу гармонь. Но решать ее нужно, исходя из той реальности, которая в мире начинает складываться: песенка Буша спета, Билл Клинтон — это неоизоляционизм внутри при вильсоновских словах — во вне. Единственный очаг контроля, который для них остается, — это Израиль.

Поэтому вопрос не в том, нужна ли попу гармонь. Вопрос еще и в том, нужен ли гармони поп. Я утверждаю, что совершенно не нужен. И это первая мысль, которую я хотел бы подчеркнуть.

Вторая мысль заключается в том, что при анализе этой темы произошла, с моей точки зрения, очень забавная вещь. Дискуссия развернулась в неких парамарксистских парадигмах — тот же универсализм, экономический детерминизм, и толку ли, что сегодня произошел перескок с марксистской утопии на утопию либеральную? Околопартийная академическая элита просто сменила утопию. И я хочу поделиться соображениями по поводу того, какой странный характер приобрели некоторые ключевые формулы в ее созиании.

Это две главные формулы: «общечеловеческие ценности» и «права человека». Что касается общечеловеческих ценностей, то здесь существуют закономерные вопросы. Ценности формируются в культуре и религии,— но пусть мне кто-то укажет, что такое общечеловеческая культура и общечеловеческая религия! А если их нет, пусть мне ответят, откуда и как строятся общечеловеческие ценности? Где субстанция, в которую я выхожу из национальной культуры, чтобы начать их строить? Сегодня в качестве такой субстанции, по-видимому, мыслится наука, сциента: то есть считается, что общечеловеческой культуры и религии нет, зато есть общечеловеческая наука — вот мы в нее войдем, а оттуда будем ценности строить... Но понятно, какие это будут ценности, то есть какую мелодию этот

«поп» сыграет на этой «гармони»,— миру тошно станет! Понятно, да? Это будет ультрарационализм самого худшего типа.

Теперь — с правами человека. Ну о каких правах человека идет речь? Гражданские уничтожены, сожжены в огне наших национальных конфликтов, социальные растоптаны реформой. Все понятно, казалось бы. Нет, предполагаются еще какие-то. Какие? Это подсказывает очень забавная трансформация, которую данная идея претерпевает в нашей действительности. Тут говорится не о правах человека, а об абсолютном суверенитете личности. Но ведь абсолютно суверенная личность — это дьявол. И это, по-моему, всем ясно.

Значит, ультрарационализм плюс ультраиндивидуализм — это и будет та сумма, та адская смесь, которая здесь возникает в результате трансплантации некоторой, скажем условно, американской позитивистско-прагматистской идеи. То есть возникнет новая суперутопия, для меня вполне «черного» типа, которая, по-видимому, может быть потом экспортирована. Я убежден, что предметом экспорта скоро будет не сырье, потому что его вывозить будет нельзя, и не трудовые ресурсы, потому что кому они нужны, а именно какие-то достаточно сомнительные социокультурные технологии и глобальная нестабильность — как раз это и будет тем экспортом, который отсюда последует и который, по-видимому, кому-то нужен.

Вот как разворачивается в России «модернизационная спираль». Прекратить этот разворот можно, лишь раз и навсегда сломав теоретический фундамент, на котором строилась трансплантация теории модернизации в русскую социокультурную субстанцию. Показав, что теория модернизации, очевидно, здесь не работает. Почему она не работает — это самое главное. Видимо, потому, что Россия существовала и существует именно как глобальная общецивилизационная альтернатива Западу. Вопрос не в русском национализме (что он такое — это отдельный разговор). Вопрос не в том, что превыше России в мире и кто прав — Горбачев с унитарными ценностями или Ельцин с национальными интересами. На самом деле все горит, а гармонь с проколотыми мехами шипит, не извлекая никакой мелодии.

Почему? Потому, что Россия обладает своим глобальным потенциалом мировых идей. Она обладает своими ценностями, своими идеями именно мирового класса, и только мирового. Взамен общечеловеческим ценностям и правам человека естественно выступает русская альтернатива. Она есть альтернатива общемировая. Строго говоря, вопрос заключается в том, благодатен или безблагодатен мир. Протестантский мир — и здесь я тоже не буду открывать Америку — безблагодатен. (Именно поэтому с мамой — если воспользоваться метафорой Гачева — можно делать что угодно, ибо в ней нет благодати. В ней нет Божьей матери.) А для русского православного сознания это, безусловно, не так. И поэтому вопрос в том, существует ли еще православная русская традиция. Существует она или не существует? Если все еще существует, то сегодня впервые настал момент, когда либо с этих карт будут ходить, либо наступит глобальная катастрофа.

Русское общество так же, как и западное, решает одну проблему — соотнесения трансцендентного и имманентного. И есть главная проблема — это проблема спасения, в соответствии с которой строятся все институты. Они-то откуда строятся? Потому что их ведь можно строить до полного очумения. Парламент, потом президентскую республику. Вопрос между тем один: как в русском обществе, в сегодняшнем его состоянии, может быть соотнесено трансцендентное и имманентное и какова сегодня та идея спасения, которая может обеспечить главный синтез русского общества — духовный.

После этого может произойти политический синтез, идеологический и т. д. И если мы не решим эту проблему, то она будет решаться традиционным российским способом. Потому что пока русский народ силен, он целуется со всеми и все в себя берет. А потом становится слабым, все это выплевывает назад, и мы знаем, что происходит дальше. Сегодня именно это может случиться. Поэтому, я думаю, эти теоретические вопросы имеют вполне практическое политическое значение.

И наконец, последнее. С точки зрения истории, американцы — детская площадка. Они очень молодые ребята. Им все время кажется, что общество проходит только один цикл — оно постоянно секуляризируется. Поскольку они сели на одной полуволне этого ритма — секуляризация-сакрализация — и двигались только в ней, у них естествен такой опыт. Они экстраполируют отрезок прямой на всю ось исторического времени и получают конец истории. Но русское-то общество знает, что секуляризация и сакрализация — это ритмический процесс, и мы сейчас — в конце этой секуляризационной волны. Мы — в эпохе, когда сакральное становится предметом дня.

И пусть Россия отвечает за то, как будет соединено «новое» и «постновое» время, потому что Запад и тем более Америка на этот вопрос не ответят. А если самого вопроса не будет, то какой тут постиндустриализм, какой постлиберализм! Этого всего просто не будет.

А. Панарин: — Современные западные политологи часто упоминают о различии между англо-американской и континентально-европейской политической культурой. Мне кажется, что за этим различием скрывается старое, восходящее к первым векам нашей эры противостояние римской идеи единого пространства и германской идеи локальных суверенитетов племенного, этнического типа. С тех пор, как германские варвары разрушили Римскую империю, единое пространство на Западе исчезло на полторы тысячи лет. Появление демократических государств в Западной Европе само по себе не решило проблему единого цивилизованного пространства. Европа в течение столетий была театром периодически возникающих гражданских войн, раздирающих единое европейское отечество. И воцарение демократических режимов не смогло положить этому конец. Когда-то Раймон Арон задал вопрос Арнольду Тойнби: могут ли западные демократии воевать между собой? Оба согласились с тем, что да, могут. Мир пришел в Западную Европу извне вместе с американским протекторатом в 1945 году. В этом отношении США возродили «римскую» идею, обеспечивая реванш над германской идеей безграничного феодального суверенитета и положив конец вытекающей из него геополитической анархии.

Идеология единого Запада пришла из США, взявших на себя роль новой Западной Римской империи (я здесь вспоминаю определение США Раймоном Ароном как «имперской республики»). США навязали Западной Европе идею единого (гомогенного) геополитического пространства, обособленного от хаоса «варварской периферии».

Но аналогичная проблема организации единого цивилизованного пространства — пусть даже не без известного ущерба для культурного многообразия — всегда была и на Востоке, в российской Евразии. В этом, я думаю, и состояла миссия российской государственности между Прибалтикой и Таджикистаном.

В этом плане Россия воспроизводит образ второй Римской империи. Восточной. Сейчас, когда рушится государственность, мы все — демократы, европоцентристы, западники (а я был максималистом западнического принципа) — увидели, что на территории Евразии идет перманентная гражданская война. То есть рухнул цивилизованный принцип «единого пространства», олицетворяемый Россией в качестве Третьего Рима. В этом смысле Третий Рим не был ни пропагандистской выдумкой первых идеологов самодержавия, ни поверхностной аналогией, а речь в самом деле шла о великой цивилизационной идее. Оказывается, перманентная гражданская война племен, народов, рас и т. д. на территории Евразии не относится к исторической палеонтологии — она тотчас же вернулась к нам, как только руки российского Атланта, держателя свода, ослабели.

В этом смысле идея «второго мира» (наряду с первым, западным, и третьим — афро-азиатским) имеет глубокий смысл. Эта идея была в свое время подана в виде передовой формации. Миф этот бесславно рухнул, но означает ли это и окончательное крушение образа второго мира (или второго, Восточного Рима)?

Я считаю не лишенной оснований гипотезу, что идея второго мира будет воспроизведена в обозримом будущем: за ней стоят массовые чаяния гражданского мира и стабильности, которых идея национального суверенитета не дает, которые грозит похоронить активизирующийся племенной принцип.

Единое цивилизованное пространство в Евразии означает решение проблем евразийской специфики, в противном случае «первый Рим» нас поглотит, что угрожало бы миру потерей многообразия и возрастанием энтропийных тенденций, не отделимых от вселенского униформизма.

Но в связи с вопросом об особой цивилизационной модели — евразийской (отличной как от западной, атлантической модели, так и от новейшей тихоокеанской, олицетворенной «новыми индустриальными тиграми») — возникает другой вопрос: закончились ли космогонические процессы образования новых цивилизаций или в «геологическом» отношении наш мир еще молод, и его скрытая тектоника способна и впредь порождать цивилизационные новообразования?

Мне представляется, что наше современное западничество являет своеобразный исторический оппортунизм: предпочитают присоединиться к уже готовой, апробированной атлантической модели, чем идти на риск исторического творчества. Западничество формулирует дилемму, с которой трудно согласиться: либо присоединение к Западу, либо провал в варварство.

Современная этносоциология и культурная антропология своими профессиональными средствами давно уже развенчали эту линейную перспективу и реабилитировали культурное и цивилизационное разнообразие мира. К тому же и по чисто прагматическим соображениям надо иметь в виду: у Запада не хватит сил контролировать всю ойкумену. Запас разнообразия, имеющийся в арсеналах Запада, явно недостаточен для того, чтобы предлагаемые им решения годились везде и всюду. Вместо единой мировой цивилизации будут и впредь существовать разные цивилизационные модели, признающие основополагающие универсалистские ценности, но по-своему их интерпретирующие и дополняющие. Плюрализм культур без мощных цивилизационных скрепок сам по себе не обеспечивает коммуникабельности народов мира и стабильности. Но и проект единой мировой системы обернулся бы кошмаром униформизма, губительного для исторического творчества и разнообразия общественной жизни. Плюрализм цивилизаций — вот тип промежуточного решения, свободного как от иллюзий «нового мышления», так и от постмодернистского кокетничанья с новым варварством, «скифством».

Говоря о втором мире (или «втором Риме»), я вовсе не взыскую восточной экзотики, не хочу, чтобы опять восторжествовало антизападное самобытничество — ни в коей мере! Но я еще раз повторю, что Западная Европа отличается от США одним принципом — не демократическим, а цивилизационным, то есть Западная Европа воплощала некую идею германского этноцентричного суверенитета, а Америка — единой цивилизации. В этом смысле я тоже думаю, что мы можем позаимствовать европейские демократические идеи, а вот цивилизационную идею единого гомогенного пространства — своего, евразийского — вот эту идею, я думаю, нам предстоит так или иначе воплощать, осваивая роль «второго Рима», отличного от США. Американский мир — экономикоцентричен (разумею под экономикоцентризмом специфические интеграционные механизмы, спаивающие его в надэтнический синтез).

Я думаю, что в отличие от первого «второй Рим», евразийский, предполагает некие духовные принципы интеграции, нам пока еще не ясные. То есть повторяю: космогонический процесс идет. И именно потому, что он идет, нарождаются новые миры, нам и не дано сейчас, оставаясь в рамках прежнего мира, прояснить контуры нового.

В. Толстых: — *Итак, что же выяснилось после нашего только что происшедшего «открытия» Америки? Выяснилось, что судьба в лице Колумба подарила миру страну, которую в известном смысле можно принять за образец цивилизованного развития. Это несмотря на все ее несовершенства, пороки и прегрешения. Выяснилось, что влияние ее на остальные страны и континенты скорее институциональное, чем духовное. Ибо первое с теми или иными поправками и оговорками многими принимается и усваивается, а второе, будучи очень заразительным и внешне впечатляющим, встречает мощное сопротивление и противодействие. И наконец, кажется, впервые мы так согласно подошли к выводу, что никакая Америка (равно, как и Европа, и Япония) Россию не спасет и не вытащит из ямы, в которой она сейчас очутилась. Ей предстоит выбираться собственными силами, полагаясь на себя, на свой материальный и духовный ресурс. У России действительно «особая стать», и ее «аршином общим не измерить», как проницательно, без желания прослыть патриотом заметил когда-то Тютчев.* ●

Программа «Лицей» осуществляется при участии и поддержке Международного фонда «Культурная инициатива»

КАФЕДРА

М. Кирюшкин

Вопросы к педагогике

Дикий гусь не имеет намерения оставить след на воде.
Вода не имеет желания удержать отражение гуся

Избранные чаньские изречения

Как можно обсуждать проблему воспитания детей? Делиться личным опытом? Выделять «первоочередные цели»? Моральные ценности? А может быть, делать обобщения на историческом опыте? Все эти тенденции присутствуют сегодня в педагогических дискуссиях, но, как видно по состоянию современной школы, так никуда и не приводят.

Начиная статью по педагогике, можно было бы выложить перед читателем множество критических штампов, можно было бы пуститься в исследовательские реминисценции, можно, наконец, придумать и выложить собственную педагогическую систему, призванную осчастливить «потомков». Но почему-то не хочется... Не разумнее ли сейчас ограничиться лишь некоторыми субъективными замечаниями «по поводу», послушать друг друга? Мы же так давно себя не понимаем...

Попробуем сначала обратиться к расширяющейся сегодня практике педагогических инноваций, точнее, к подходу к инновациям в педагогике. Авторские школы, с которыми мне удалось познакомиться, отличаются друг от друга в основном своими организационными аспектами — там ломают голову, как классы оформить, какое расписание придумать, как запрограммировать отношения ученика и учителя и т. п. А для цементирования коллектива привлекают идеологические средства (в качестве идеологии может выступать все, что угодно: и идея об общем доме, и осознание себя частью общего дела, как это практикуется в японских фирмах, и многое другое). Что же касается содержательной части школьной жизни, то ее обогащение почему-то понимается как механическое умножение числа кружков, секций, введение новых предметов, «погружений» и т. д. То есть доводят до предела старую идею школы — табу внутри этой идеи сняты, но сами границы по-прежнему остаются незыблемыми. Все это весьма напоминает усилия заключенных по благоустройству своей тюрьмы: занавесочки на окнах, цветы у входа... и высокие стены с вооруженной охраной.

Абсурд — предполагать, что человек, обремененный множеством предрассудков и идеологических мифов, сможет по-новому работать на ниве воспитания и образования в силу одного только своего убеждения или идеала. Ведь идеалы ненасилия можно проповедовать насильно и быть жадным в своем бескорыстии.

Зачем, например, понадобилось педагогическим проектировщикам искусственно «цементировать» школьный дух (а именно этот процесс, как правило, и идет в новых школах)? Зачем нужны объединяющие силы в педагогическом коллективе? Что за мотивы работают тут? Ответ, как мне кажется, прост: страх хаоса, страх неизвестности вообще. На какой-то стадии работы появляется сильное желание просчитать вероятное будущее, как можно тщательнее отделать алгоритм воспитания, дабы исключить по возможности всякие «сюрпризы». В итоге рождается «педагогическая система», продуктом которой являемся и мы, уважаемый читатель.

Возникает вопрос: а нет ли иной объ-

единяющей силы? Ведь основой для сотрудничества людей, посвятивших себя воспитанию детей, может стать просто любовь к ним. Мысль, наверное, не новая. Однако здесь важно разобраться, какое содержание вкладывается в слово «любовь». Разумеется, это не та любовь, которой мы любим конфеты. Под любовью к детям я подразумеваю прежде всего понимание многовековой иелокальной обусловлениости их индивидуальных склонностей и пороков. Деятельность такой любви приносит свои результаты, но, как ни странно, важнее всего оказывается имеино *неожидание результатов*!

Остановимся на секунду. Обдумаем последнюю фразу. Ожидание результата всегда предполагает наличие образца. Не так ли? Нам нужно знать, чего мы ждем. Подобный образец — результат нашего прошлого и, как мы выяснили, он механически наследуется. Но разве можно подходить к вечно меняющемуся и живому настоящему с искусственными рамками мертвого опыта? Разве при этом не подменяется схемой внимание к реальной действительности?

Педагог-«проектировщик», как мы уже поняли, боится непредсказуемости, его шаблоны бессильны перед напором нового. Тогда почему бы нам пока не успокоиться в отношении организационной стороны дела? Не логичнее ли прежде, чем создать «новую школу», попытаться «создать» новых учителей? «Новых» — не значит по-новому обученных или поновому объединенных, «создать» — не запрограммировать или вымуштровать. Речь идет о создании каждым педагогом самого себя...

Не жажди успеха в мире.
Не впасть в заблуждение —
это уже успех.

Избранные чаньские изречения

Наше стремление измениться часто имеет в своей основе стяжательство: мы все хотим свести к минимуму разрыв между тем, что есть, и тем, чего бы хотелось. Отсюда возникает мотив «эффективности», эффективности не в отношении технологических линий и образцов лекарств, а в отношении живых людей — наших с вами детей.

Результат эффективности педагогики — нонсенс, если под ним понимают какие-то достижения в поведении или образе мыслей ребенка. Конечно, термин «эффективность» может быть употреблен государством — заказчиком законопослушных граждан, но я надеюсь, что читатель отбросил шовинистическую цензуру в своем сознании. Для ребенка «эффективность» — это ничто, все решает понимание собственных ошибок, которые мы так часто совершаем в детстве и несем через всю жизнь, как правило, непонятыми.

Далее во всех педагогических проектах постулируется воспитание как какой-то целевой процесс. Иначе за него и не берутся. Но понятно же, что когда перед педагогом ставят цель, он начинает смотреть на ребенка только через ее призму, воспитание при этом исчезает, а остается лишь насилие. Насилие шаблона и схемы над живой действительностью. Благими намерениями и разговорами о счастье и впрямь мостят дорогу в ад...

Всеми утопистами счастье представлялось набором неограниченных удовольствий. Однако, как мне кажется, счастье скорее сродни психологической свободе от собственной обусловленности, подчиненности вектору «удовольствие — страдание», по которому выстраиваются все наши мотивы.

Ставила ли какая-нибудь из многочисленных педагогик перед собой задачу воспитать счастливого человека именно в этом смысле? Не ориентированного на успех и хорошо адаптированного в обществе интеллектуала, а именно счастливого и чувствительного человека? Я такового не знаю... И хотя счастье часто постулируется разными педагогиками как жизненная цель, все реальные усилия направляются на наращивание средств. Но цель и средства — это одно и то же, и ничего кроме них у человека сегодня не остается. Как-то само собой считается, что воспитание призвано «вооружить» ребенка для дальнейшей жизненной борьбы, а счастье... оно где-то далеко, это уже конечный результат жизни, ее итог, ее мечта. Счастливыми по-настоящему бывают лишь единицы, да и то вопреки существующему воспитанию.

Сделаем шаг в сторону. В основании отношений «учитель — ученик» лежит представление об учителе как о механической матрице (субъекте) и ученике как обрабатываемой заготовке (объекте). Форма «матрицы» меняется в зависимости от господствующей идеологии и общественной морали. Соответственно будет меняться и контур «заготовки». Заказчиком в такой системе выступает любое подчиненное социальное образование — государство, церковь, семья, фирма и т. д. Налицо замкнутая, самовоспроизводящаяся система, в которой утопическое сознание человека непрерывно проецирует идеалы, образцы будущего и создает в соответствии с ними вещи, общественные институты и отношения, а также критерии для дальнейшей деятельности, то есть самопрограммируется.

Все здание субъект-объектных отношений держится на страхе «я» перед неизвестностью, страхе смерти индивидуального Эго. Сам страх имеет сложную природу. Это знак целого состояния обусловленности — гигантского многомерного потока. Внутри него — и мысли пишущего, и мысли читающего, и все философии, и карма, и реинкарнации, и гороскопы, и религии, и человеческий бог... Это определенное состояние энергии, многократно повторенное и отраженное на всех уровнях бытия — личности, семьи, государства, планеты... Да что толку говорить о том, что не имеет ни начала, ни конца! Рассматривается выход из потока или хотя бы создание предпосылок для этого выхода внутри глобальной обусловленности. И первой такой предпосылкой должна стать индивидуальная психологическая свобода педагога, свобода от реакций его собственного «я» (что, разумеется, не предполагает борьбу с ним или его отбрасывание).

Пробуждаясь в Пустоте, которая
раскрывается через смерть Эго,
вы осознаете свою «таковость».
Это — та основа, к которой
мы должны вернуться и от которой
мы должны были бы стартовать.

Из традиции чань-буддизма

Что делать тут педагогическим проектировщикам? Их мало интересует индивидуальность воспитания, его способность работать над своим «я», этим комплексом условностей, накопленных за жизнь и унаследованных от далеких предков. Их прежде всего интересуют знания, сила воли, способность создать авторитет и поддержать дисциплину...

Свобода же от обусловленых реакций своего «я» предполагает в первую очередь качественную спонтанность жизни. Она, по выражению В. Налимова, «реальность другого мира». Спонтанность «не подчиняется причинно-следственным связям, не персонифицируется (персонифицируются лишь ее проявления), не принадлежит времени и, принадлежа другому миру, не может умирать в нашем». Можно сказать также, что спонтанность — это ипостась любви и внимания...

Спонтанность жизни при психологической свободе от «я» снимает субъект-объектную оппозицию в отношениях «учитель — ученик». Возникает целостный процесс учения-общения (ведь учиться важнее, чем знать). Читатель видит, что это не имеет ничего общего с каким бы то ни было идеалом или же схемой. Отношения здесь спонтанны, так как не предполагают процесса типа «самосовершенствования личности» или «воспитания гармоничного человека». Такое — вовсе не выдумка и периодически «случается» с нами, и мы, как правило, надолго запоминаем возникающую при этом атмосферу искренности, любви и понимания. Однако повседневные отношения мы строим совсем не так. Мы боимся...

Описание состояния — это не само состояние, научить ему, как и научить быть воспитателем, нельзя. Однако можно расставить акценты, разобрать наши ошибки.

Одна из глубоких ошибок современного воспитания — культ знания. Ничто не ново в мире знания. Мировая философская и религиозная литература обширна и многоаспектна. Почему же существует разрыв между истинами, сформулированными цивилизацией, и способностью их преподавать? Орфики, Аристотель, Платон, герметики, патристика, дзен, русский космизм и т. д. Где все это застревает по дороге в школу? Почему хранится невостребованным даже учителями?

Кажется, подобное происходит потому, что мы даже само понятие «учение» подменяем простым усвоением знаний. Но знание — лишь жизненный след понимания, а не освещенная дорожка впереди понимающего. Знания — пустые скорлупки, если они не наполнены личным опытом, не оживлены целостным пониманием действительности. Можно, таким образом, сказать, что разрыв между мировой философской, религиозной и бытовой, повседневной культурами есть разрыв между знанием и пониманием.

В этой связи еще одной ошибкой, вытекающей из культа знания, становится постановка в один ряд вопросов воспи-

тания и образования. Конечно, о воспитательно-образовательном процессе можно говорить как об единой системе, но не горизонтальной, рядоположенной, а вертикальной, иерархичной. Образование — это нижний, вспомогательный уровень, обеспечивающий адаптацию человека в обществе. Оно предоставляет требуемые знания, но не должно навязывать их. Воспитание — верхний уровень, направленный на оказание помощи в развитии индивидуального понимания целостности жизни, на получение самой возможности учиться. И именно об этом уровне не вспоминают прошлые и нынешние педагогические проектировщики.

Уток, вышитых на ковре,
можно показать другим.
Но игла, которой их вышивали,
бесследно ушла из вышивки.
Избранные чаньские изречения

Расставим некоторые акценты: нарастающий во всем мире психологический кризис требует пересмотра самих оснований нашей цивилизации. Имеющие место распад и разложение могут, конечно, продлиться еще много сотен лет, но, думаю, это не утешит читателя. Все человеческие взаимоотношения в школе и обществе развиваются в колее культурной обусловленности совершенно механическим образом. «Вытащить» из такой колеи может лишь индивидуальное понимание.

Мир сложен, но требует от человека безупречно простой жизни, невинного состояния ума и сердца, не отягощенного хитростями «жизненного опыта». Ключ к такому пониманию — безадресная и неперсональная отдача себя. Умирание «собой» и непрерывное рождение в движущемся потоке любви к тому, что есть вокруг, в жажде жизни, существующей независимо от потребностей стяжающего удовольствий «я».

Не правда ли, весьма похоже на предложение всем педагогам стать святыми? А что же делать на нашем греховном уровне? — может спросить читатель. Да и существует ли сама возможность что-либо делать на этом уровне? Не надо торопиться. Не будем бояться остаться без результата. Вспомним, ведь все утопии возникают из-за страха чего-то не достичь, кем-то не стать, то есть из-за сравнения. Нам же сравнивать не с чем. Мы не знаем другого, кроме того, что есть.

Рассуждая методом от противного, мы должны хотя бы выяснить, а что же нам следует отбросить уже сегодня? Что стало якорем для нашего мышления и не дает ему спонтанно и целостно развиваться и развивать своих детей? Чего же нельзя делать в педагогике?

Наверное, нельзя начинать с идеала, схемы — это ведет к самоизоляции и превращению коллектива педагогов-единомышленников в секту, а воспитателей — в насильников над сознанием детей. Это все при желании можно отбросить. Труднее другое — в действиях учителя не должно быть личного мотива. Не должно быть отождествления себя с воспитуемым, «облагодетельствования» его согласно своим представлениям о счастье, сентиментальности в созерцании «детишек». Требуется максимально спокойная (на верхних уровнях — спонтанная, на организационном уровне — плановая) работа с семьями, друзьями ученика, то есть фактически хорошо бы работать со всей его жизнью в целом, включая туда и самого себя.

Уже сегодня можно убрать царящий в школах культ знания и вытекающее из него интеллектуальное неравенство. Тогда не понадобятся никакие соревнования и сравнения детей по любым критериям вообще. Разумеется, с таким подходом совершенно несовместима ориентация ребенка на успех, на конечный результат, на достижение выгоды или престижа, то есть всего того, что вытекает из сравнения. В подобной ситуации отпадает необходимость в системе оценок со всеми существующими экзаменами (хотя частичные формальности оставить можно).

И последнее: нельзя в педагогике действовать средствами, отличными от целей воспитания. Иными словами, нельзя в достижении понимания проблемы использовать другие средства, кроме самого понимания. Любое насилие «во имя» будет нести в себе и насилие как цель.

Читателю еще не стало грустно от прочитанного? Ведь по сути предлагается отрицание основ нашего с вами мира. Отрицание не из-за ненависти к нему, а из понимания его природной тупиковости. Чтобы родилось новое, старое должно умереть... Его нельзя «разрушить до основания» — оно должно умереть в наших сердцах. «Вот еще! — воскликнет кто-то.— Опять новая утопия, ясно же, что так ничего не выйдет». И не выходит, потому что мы так смотрим. Нам сегодня не с кого брать пример — мы все, как сейчас любят говорить, «в одной лодке», и «где сокровище наше, там и сердца наши будут».

Р. Фрумкина, доктор филологических наук

Пространство поступка

Перечитывая Лидию Гинзбург

В детстве, в эвакуации, мне постоянно не хватало книг: я читала так быстро, что толстой книги едва хватало на два вечера. А вечера в темной и голодной Перми были бесконечными. Оставалось лишь по многу раз читать одно и то же,— увы, не любимые «Три мушкетера», а то, что случайно попадалось под руку. С тех пор у меня сохранился некий страх перед «бескнижьем», понуждающим к случайному чтению, и отвращение к вынужденному перечитыванию уже известного.

Особое же пристрастие к тому, что от перечитывания становится — или может стать — глубже, богаче, сформировалось далеко не сразу.

К тому моменту, когда оно стало осознанным, оказалось, что не все книги, которые некогда были мною самой зачислены в данный разряд, действительно выдерживают это испытание. Не принесло радости обращение к «Войне и миру», многократно перечтенной в юности. От Тургенева осталась только «Первая любовь», от Чехова — «Скучная история» и письма. Странным образом две книги, во многом определившие мое мировоззрение, книги, под «знаком» которых я прожила полтора десятилетия,— «Игра в бисер» Гессе и «Чума» Камю — оказались не подходящими для перечитывания. Похоже, главное в них стало частью меня самой, а то, что не стало, проходит мимо.

Уже давно, кроме книг для работы и справочников, я стремилась иметь «во владении» только поэзию, русскую классику и книги, заключавшие некий личный смысл, отражавшие для меня «бег времени». Желание прочесть очередную новую книгу означало, что ее надо взять в библиотеке или у друзей: слишком большой роскошью было бы добавлять к уже имевшимся тысячам томов книги, которые потом будут напоминать лишь о мимолетно удовлетворенном любопытстве.

В 1986 году я получила в подарок книгу Лидии Яковлевны Гинзбург «Литература в поисках реальности». Драгоценность этого дара открывалась мне лишь постепенно. Но и первое впечатление побудило сделать все возможное, чтобы стать обладателем двух ее следующих книг — «Человек за письменным столом» и «Претворение опыта». Однако тогда я не вполне понимала, какую роль суждено сыграть этим текстам в моей жизни.

Литературоведческие работы Л. Я. Гинзбург я читала давно. Что бы они для меня ни значили, в контексте этих заметок существенно лишь, что они не стали личным переживанием. Напротив того (это слог Л. Я., сейчас так не пишут), так вот, напротив того, ее проза и главным образом размышления в жанре записных книжек и дневниковых отрывков (в терминах Л. Я.— «промежуточная литература») оказались для меня откровением. В книгах Лидии Гинзбург я обрела то, что французы называют «un livre de chevet» — буквально «книга, лежащая у изголовья» (близкое к нему русское выражение — «настольная книга» для меня несет неуместный в данном случае оттенок утилитарности).

Наверное, нелепо признаваться в том, что в своем уже довольно почтенном возрасте я все еще ищу: ищу Книгу (не Книгу книг, а именно Книгу), ищу Человека (не Человека на все времена, или Вечного человека, а просто Человека). В сущности, я ищу *этические образцы*, точнее говоря, не столько готовые образцы, сколько пути этического выбора, пригодные для сегодняшней жизни.

Если понимать этизацию как акцент на философском осмыслении хотя бы собственной жизни, то в кризисные времена такое осмысление ощущается как не-

обходимость. Человек в принципе не способен к жизни в хаосе. Он не столько должен осмыслить этот хаос, сколько *вынужден* это делать, чтобы сохранить себя как личность. Скажем, создаются такие защитные механизмы, которые позволяют увидеть в хаосе некие закономерности. Или человек решает, что перед лицом потомков он обязан, по меньшей мере, свидетельствовать о том, в какие времена ему довелось жить. Глядя на своих детей, кто-то вспомнит строку Кушнера «Смысл жизни — в жизни, в ней самой» и решит, что, поскольку собственное бытие от хаоса отстоять не удается, то отныне цель в том, чтобы дети были сыты и в безопасности.

Бывают времена и обстоятельства, когда иные формы осмысления бытия, кроме осмысления собственной жизни, просто невозможны. По-видимому, Лидии Яковлевне Гинзбург выпал именно этот удел. Публикация ее прозы являет нам мир человека, внутренний опыт которого богат настолько, что ничто не может его обеднить или обессмыслить.

В 1973 году Лидия Яковлевна писала о том, что ее записи были отложены, покуда писалась последняя книга по истории и теории литературы: «Считалось, что мои читатели меня подождут. Но сейчас, возобновляя работу, вижу, что читатели психологически меня не дождались». Тогда ей было 72 года. Она тем не менее продолжала писать еще в 1989, и, по словам ее знакомой, которые она сама цитирует, писала «все круче».

А. С. Кушнер, которого с Л. Я. связывала тридцатилетняя дружба, публикуя в 1992 году записи двадцатых — тридцатых годов, не печатавшиеся при ее жизни, с горечью заметил, что после смерти Л. Я. в 1990 году количество упоминаний ее имени в печати резко сократилось. Видимо, сократилось количество цитат, но, быть может, это один из моментов, благодаря которым тексты Л. Я. избегли профанирования.

Я думаю, однако, что именно сейчас проза Л. Я. обретает своих читателей. Я не уверена, что это именно тот круг людей, о которых в 1973 году Л. Я. писала, что они «психологически не дождались». Может быть, это совсем другие люди. Они не столько дождались, сколько доросли, дозрели до определенного уровня бесстрашия, которое необходимо для восприятия этих текстов.

Свои большие работы Л. Я. называла «аналитической моделью катастрофического опыта чувства». Я бы сказала, что ее творчество в целом позволяет нам понять, что и в катастрофические времена существует особое пространство — пространство поступка.

Я ничего не знаю о том, как складывалась повседневная жизнь Л. Я., и не только не имела счастья слушать ее, но не была даже знакома с кем-либо, кто ее лично знал: в моей жизни она представлена только своими текстами. Однако же я близко знала других людей того же поколения и сходного масштаба. Быть может, поэтому я воспринимаю написанное ею как живой голос, а не как литературу.

Думаю, что последнее особенно важно. Та глубина самоанализа, которую мы находим у Л. Я., ее отстраненная беспощадность в анализе этической подоплеки любых поступков — своих и чужих — свойственна действительно избранным. Не говоря уже о таланте, который нужен, чтобы написать об этом. Понимание масштаба ее проницательности требует от читателя немалых усилий. Но в той мере, в которой в обществе живут и действуют люди такого калибра, существует и возможность непосредственного восприятия их поступков и суждений.

В этом случае даже те, кто еще слишком юн, чтобы последовательно размышлять о том, что есть свобода, достоинство, этический выбор, имеют возможность вбирать в себя атмосферу, создаваемую этими людьми. И тогда образцы поведения усваиваются неосознанно и непосредственно, представая как данность. Анализ же, позволяющий прийти к пониманию, оправданию либо осуждению, может быть сильно отодвинут во времени, иногда на многие годы.

В этой связи интересно задуматься о том, как формировались представления о должном у моего поколения. (Мой опыт позволяет судить только о горожанах: я ничего не знаю о среде, описанной, например, Ф. Горенштейном в «Зиме 53 года».) По возрасту это «шестидесятники». Мы в прямом смысле могли бы быть учениками Л. Я. По ее собственным словам, учеников у нее не было, «потому что ни один ленинградский вуз не пускал меня на порог. Меня запретили». Это написано в 1987 году!

За малым исключением, детство и отрочество тех, кто родился в конце двадцатых — начале тридцатых годов, прошли не столько в семье, сколько во дворе и в школе. Родители работали чуть ли не круглосуточно; потом отцы воевали, матери затемно вставали в очереди, затем, едва зайдя домой, бежали на работу, а в выходные из последних сил копали огороды или меняли на толкучке что-то менее нужное на жизненно необходимое.

Я почти не помню семей, где были бабушка и дедушка, но если и была бабушка, то она непрерывно что-то чинила, штопала, стирала. Удивительно ли, что сердцами школьников этой поры так часто владели учителя, и чаще всего учителя литературы. Времена расцвета математических школ были еще впереди, но несомненно, что первые поколения «матшкольников» любили своих учителей прежде всего за их человеческую незаурядность. Хотя слов таких, скорее всего, не знали.

Большинство наших школьных учителей были весьма немолоды — мы по возрасту годились им в дети, а то и во внуки. Я бы не хотела их идеализировать, но чего в них определенно не было, так это корысти и нелюбви к молодости. А что в них, несомненно, было — это не просто любовь к своему предмету, но ощущение своей миссии. В годы беспросветности и молчания год за годом Анна Алексеевна Яснопольская читала вслух замершему классу стихи и прозу русских классиков. Воспоминания о том, что значили эти уроки для тех, кто учился у нее еще перед войной, я случайно нашла в одной из книг покойного Сергея Львова.

Анна Алексеевна была замкнута, требовательна и отгорожена от нас возрастом и ролью. У нее не было прозвища, что само по себе примечательно. О ее прошлом я ничего не знаю, но, скорее всего, она была из тех, кого Л. Я. описала как «поколение на повороте».

Напомню: даже лучшая московская школа 1943 — начала пятидесятых годов — это школа без Достоевского, без «серебряного века», не говоря уже о Бунине и Цветаевой, имена которых просто не упоминались. Это времена «постановлений», растоптавших Ахматову, Зощенко и Шостаковича, борьбы с космополитизмом и, наконец, массовых арестов, начавшихся в 1948. Наивно было бы думать, что в эти времена между любимым учителем и учениками могла существовать атмосфера доверительности. Для учителя,— во всяком случае, учителя московской, ленинградской или киевской школы — это был бы смертельный риск в буквальном смысле слова. Однако и здесь существовало пространство поступка.

О постановлении 1946 года на наших уроках литературы не было сказано ни слова, но в связи с Пушкиным были прочитаны ахматовские стихи о «смуглом отроке» и некоторые «царскосельские» строфы. Как писала Л. Я. еще в 1932 году, «классическая книга выделяла из себя ходячие знаки эмоциональных и социальных смыслов». Представления о нравственности, благородстве, личном мужестве вытекали из углубленного изучения эпохи декабристов. Через Грибоедова был открыт Тынянов и Гершензон, через Пушкина — пушкинистика, через Блока — такое издание, как довоенное «Литературное наследство».

Огромное внимание было уделено Белинскому и Герцену. Разумеется, этих авторов следовало читать полностью, а не в каких-то «извлечениях». В результате я в девятом классе прочла двухтомник Белинского и «Былое и думы». Тем самым возникла возможность восприятия жанров качественно иных, нежели художественная литература. Оказалось, что можно найти в авторе собеседника. Что текст взывает к спору. Что с книгой надо работать.

Разумеется, внимательно читались все комментарии. Авторами многих комментариев были достойнейшие умы того времени, Л. Я. Гинзбург в том числе. Ее имени моя память не удержала, зато многие другие имена — Бонди, Цявловский, Азадовский, Томашевский, Эйхенбаум, Оксман — очень рано оказались на слуху. Комментарии изобиловали ссылками на имена, события и обстоятельства, о которых иначе мы бы никогда не узнали.

Разумеется, сегодня я понимаю, почему Л. Я. с такой горечью писала: «А мы все комментируем, комментируем...». Дело ведь не в том, что можно было только комментировать. Ужас в том, что всерьез и комментировать было нельзя.

Такое впечатление, что многие книги приходилось выпускать просто без всякого справочного аппарата, хотя эти издания были рассчитаны на читателя, который в комментариях весьма нуждался. Откройте Станиславского, «Моя жизнь в искусстве». У меня эта книга (седьмое издание, весна 1941 года) появилась не без влияния все той же А. А. Яснопольской, как раз в разгар арестов 1949 года. Краткий именной ука-

затель: Бунин И. А; Мейерхольд В. Э., Малевич (без инициалов!); Чехов М. П. и далее в том же роде. Наверное, Станиславский был единственным, у кого нельзя было потребовать не упоминать о расстрелянном к тому времени Мейерхольде.

Мой отец родился в 1890 году, и потому я помню его печальные реплики «в сторону»: «Ребенок растет на Тверской без Бунина, Куприна и Леонида Андреева». Любопытно, что у меня хватило чутья не спрашивать Анну Алексеевну о Бунине И. А.

В записи 1988 года «Две встречи» Л. Я. упоминает о том, что в 1952 году в Госиздате «безнадежно валялась» ее книга о Герцене. Она вышла лишь в 1957, но Л. Я. всегда было тяжело о ней вспоминать, поскольку книга несла на себе отпечаток определенного компромисса с цензурой.

Сегодня трудно вообразить, что конкретно можно было изъять из книги о Герцене по цензурным соображениям; впрочем, мне как раз понятно, что придраться можно было к чему угодно. В те годы Л. Я. комментировала два герценовские издания — семитомное и тридцатитомное. По ее словам, после того, как ее выжили из университета в Петрозаводске, это был для нее единственный источник заработка. В связи с этой работой ей приходилось общаться с неким Э., литератором, членом Союза писателей и крупным оперативным агентом «органов». Он, между прочим, и написал отрицательную рецензию на ее книгу, а заодно навел на нее органы, дабы начать дело о вредительстве в литературоведении.

Там же Л. Я. пишет: «Внешность у него была инфернальная». Любопытно, что я могу это подтвердить: Э. жил в нашем дворе на Тверской (редкий случай, когда конкретные события моей жизни пересекаются с биографией Л. Я.). Однажды в конце сороковых годов отец показал мне человека в берете и сказал: «Никогда не разговаривай с ним. Он сотрудник». Откуда отец об этом знал? Наша семья была далека от литературных кругов...

Л. Я. так описывает свое состояние после первого десятичасового допроса в потрепанном номере гостиницы «Октябрьская»: «В первый день я пришла домой поздно. (...) Потом я стояла у остывающей печки и думала сосредоточенно о том, что главная сила, единственная защита человека — это способность к самоубийству, что это последняя мера достоинства. Об этом Достоевский сказал Кирилловым. Но беспричинный акт Кириллова — это самоубийство как свобода. Тогда как наше самоубийство — это необходимость и для раба единственная возможность волеизъявления».

Вот она, «тайная свобода»! — свобода как пространство этического выбора и последнего достойного поступка. Поражает не столько готовность автора к уходу из жизни, сколько способность осмыслить это как свою силу и свободу.

Описанные Л. Я. события происходят в конце 1952 года. Ей — всего пятьдесят, но за спиной у нее 1937 год, ленинградская блокада, гибель ближайших друзей, запрет преподавать и печататься. Подлинное величие — это, наверное, и значит: стоять ночью у остывающей печи в ленинградской коммунальной квартире и сосредоточенно думать о последней свободе.

Александр Кушнер, который был, как я уже сказала, дружен с Л. Я. лет тридцать, написал в заметке-некрологе «Памяти Л. Я. Гинзбург» горькие слова о том, что ее по-настоящему не заметили старшие современники и не оценили ровесники. Я не берусь судить о старших современниках. Что касается ровесников Л. Я., то мало кому из них выпал счастливый жребий прожить столь долгую жизнь. К тому же в кругу ровесников восхищение талантами и мужеством может сопрягаться не только с известным безразличием, но иногда и с чисто эмоциональным отторжением. Да и общее прошлое — и какое прошлое! — не обязательно объединяет людей.

Судя по тому, что пишет сама Л. Я., последние двадцать пять — тридцать лет она много и с сочувственным интересом беседовала и общалась с молодежью. Я уверена, что те очень еще молодые люди, кто в шестидесятые годы перепечатывали для нее на машинке опубликованные ныне записи, прежде всего просто любили ее и, скорее всего, благоговели перед нею как перед человеком, не склонившим головы. Атмосфера, неизбежно создаваемая личностью подобного типа, замечательна тем, что она, как воздух, осознается не столько присутствием, сколько исчезновением.

Не знаю, говорила ли она своим молодым друзьям, что «для того, чтобы быть выше чего-либо, надо быть не ниже этого самого». Но я не сомневаюсь, что одна из ее любимых мыслей — об иерархии этических выборов — в этом кругу обсуждалась. Человек, вообще говоря, не может обходиться без надежд и иллюзий. Удивительное свойство мышления Л. Я. не в том, что у нее иллюзий не было, а в том, что одновременно, как бы боковым зрением, она постоянно видела грань, отделяющую иллюзии от реальности.

Поразителен ее очерк «Собрание», датированный 1974 годом. «Поведение — выбор между предложенными возможностями и выбор ограниченный. Выбор прежде всего предлагает история, у которой в определенный момент для определенной среды есть свои варианты. (...) История не вообще предлагает свои возможности, но предлагает их группе, среде...»

Далее, обсуждая расстановку сил в семидесятые годы, Л. Я. продолжает: «Правые, в свою очередь, есть чиновничьего типа и националистического. И множество между ними гибридов и переплетений. Есть почвенничество органическое, с семейными навыками и связями, даже с предрасполагающей внешностью, в виде, например, хорошо растущей бороды. Туда же ведет и многое другое — неистребимость жестоких расовых инстинктов, потребность выхода из идеологического вакуума, мода, то есть неудержимое примыкание, подключение к существующей ценностной ориентации. Но, может быть, всего больше соблазн неизъяснимой легкости, простоты, с которой добывается столь нужное человеку чувство превосходства, избранности, а заодно врожденное право на житейские преимущества».

Да, история не вообще предлагает свои возможности. Меня всегда интересовало, много ли в прошлые годы было людей, работавших не в метафорических котельных, к которым смело можно отнести многие проектные и даже академические НИИ, а в котельных всамделишных. Думаю, намного меньше, чем принято считать. Любопытно, сколько из этих людей избегло соблазна «неизъяснимой легкости», о которой говорит Л. Я.,— соблазна стать коммерческим художником, валютным философом и даже вариантом хорошо оплачиваемого «городского сумасшедшего» где-нибудь в Русском центре в университетском городе Бохуме...

Да, у истории в определенный момент для определенной среды есть свои варианты. Лет десять — пятнадцать назад различия между ценностными ориентациями интеллигентов нередко маскировались тем, что пространство поступка было очень сужено. Отказа от «причастия буйвола» (выражение Генриха Бёлля) было достаточно, чтобы создать видимость если не единения, то хотя бы сходства.

После 1987 года пространство поступка резко расширилось. И тут оказалось, что совсем мало людей, которые имеют мужество продолжать заниматься своим делом вне зависимости от конъюнктуры, с той разницей, что доминировать стала конъюнктура экономическая.

Были ли мы действительно свободными или только воображали себя таковыми? Я думаю, что подлинно свободных людей в обществе всегда очень и очень мало. Более того, истинная свобода — подобно свободе Лидии Гинзбург — это прежде всего трагическая свобода.

Из моих современников трагически свободными людьми, несомненно, были Сидур и Карабчиевский. Однако безнравственно ожидать способности к подобному выбору от многих, потому что безнравственно ожидать от людей способности к страданию. Иное дело способность к состраданию: ее можно и следует ожидать от интеллигента. Неспособный к состраданию интеллигент — это просто нонсенс. Рынок же, на который интеллигентов призывают незамедлительно выйти, признает лишь сильных и слабых, его язык просто не знает других категорий. Свобода этического выбора с определенного момента концентрируется именно в этой точке.

В уже цитированном очерке «Собрание» читаем: «Если так нужна свобода, то не свобода мнений; скорее свобода реализации законного стремления к жизненным благам».

Свободу мнений мы получили. Оказалось, что в отсутствие второй свободы первая далеко не столь безоговорочно ценна. На удивление не просто признать за всеми равную свободу в стремлении к жизненным благам, не навязывая другим свое понимание блага. Законные стремления, разумеется, реальны лишь в государстве, где нет голода, террора и гражданской войны. Когда мы будем уверены, что чаша сия нас миновала, возможно, в жизни будет меньше места подвигу, но больше пространства поступков. Вопрос в том, чтобы достойно ориентироваться в этом пространстве.

Мир, окружающий нас, постоянно меняет свой облик. Отнюдь не последний вклад в эти перемены вносит наука, порождая новые понятия, новые средства описания и исследования привычных или только что открытых объектов. Понятийный арсенал науки пополняется порой с необыкновенной быстротой — так, что вчера еще надежный ее инструментарий оказывается устаревшим. Иные новые понятия жестко выбраковываются, и лишь прошедшим суровую проверку на «выживаемость» суждено оставить свой след в науке. Ну а каким-то дано перейти в понятийный базис не только «своей» области знаний, но получить статус междисциплинарного.

Вот обсуждению таких, выходящих за узкоспециальные рамки, понятий нам и хотелось бы посвятить ряд публикаций. Отметим лишь, что перу автора «Фрактальности» принадлежит и статья «Нелинейность» (№ 11 за 1982 год), уже обозначившая контуры новой рубрики.

Ю. Данилов

Фрактальность

В начале было слово

Слова «фрактал», «фрактальная размерность», «фрактальность» появились в научной литературе сравнительно недавно и не успели еще войти в большинство словарей, справочников и энциклопедий. Придумал слово «фрактал» (от латинского «фрактус» — дробный, *нецелый*) наш современник, математик Бенуа Мандельброт, сумевший открыть совсем рядом с нами поистине удивительный мир, по-новому (или, по крайней мере, *несколько иначе*) взглянув на многие, казалось бы, хорошо знакомые предметы и явления.

Мандельброт обратил внимание на то, что при всей своей очевидности ускользало от его предшественников, хотя встречалось на каждом шагу и буквально «лежало на поверхности»: контуры, поверхности и объемы окружающих нас предметов не так ровны, гладки и совершенны, как принято думать. В действительности они неровны, шершавы, изъязвлены множеством отверстий самой причудливой формы, пронизаны трещинами и порами, покрыты сетью морщин, царапин и кракелюр.

В арсенале современной математики Мандельброт нашел удобную количественную меру неидеальности объектов — извилистости контура, морщинистости поверхности, трещиноватости и пористости объема. Ее предложили два математика — Феликс Хаусдорф (1868—1942) и Абрам Самойлович Безикович (1891—1970). Ныне она заслуженно носит славные имена своих создателей (размерность Хаусдорфа — Безиковича).

Как и всякая новая количественная характеристика, размерность Хаусдорфа — Безиковича должна была пройти проверку на разумность и блестяще ее выдержала. Применительно к идеальным объектам классической евклидовой геометрии она давала те же численные значения, что и известная задолго до нее так называемая топологическая размерность (иначе говоря, была равна нулю для точки, единице — для гладкой плавной линии, двум — для фигуры и поверхности, трем — для тела и пространства). Но совпадая со старой, топологической, размерностью на идеальных объектах, новая размерность обладала более тонкой чувствительностью ко всякого рода несовершенствам реальных объектов, позволяя различать и индивидуализировать то, что прежде было безлико и неразличимо. Так, отрезок прямой, отрезок синусоиды и самый причудливый меандр неразличимы с точки зрения топологической размерности — все они имеют топологическую размерность, равную единице, тогда как их размерность Хаусдорфа — Безиковича различна и позволяет числом измерять степень извилистости.

Но самое необычное (правильнее было бы сказать — непривычное) в размерности Хаусдорфа — Безиковича было то, что она могла принимать не только целые, как топологическая размерность, но и дробные значения. Равная единице для прямой (бесконечной, полубесконечной или для конечного отрезка), размерность Хаусдорфа — Безиковича увеличивается по мере возрастания извилистости, тогда как топологическая размерность упорно игнорирует все изменения, происходящие с линией, если только они не сопровождаются разрывом или склеиванием каких-то точек. При этом, увеличивая свое значение, размерность Хаусдорфа — Безиковича не меняет его скачком, как сделала бы «на ее месте» топологическая размерность. Нет, размерность Хаусдорфа — Безиковича — и это на первый взгляд может показаться непривычным и удивительным — принимает дробные значения: равная единице для прямой, она становится равной 1,02 для слегка извилистой линии, 1,15 — для более извилистой, 1,53 — для очень извилистой и т. д.

Именно для того чтобы особо подчеркнуть способность размерности Хаусдорфа — Безиковича принимать дробные, нецелые, значения, Мандельброт и придумал свой неологизм, назвав ее фрактальной размерностью. Итак, фрактальная размерность (не только Хаусдорфа — Безиковича, но и любая другая) — это размерность, способная принимать не обязательно целые значения, фрактал — объект с фрактальной размерностью, а фрактальность — свойство объекта быть фракталом или размерности быть фрактальной.

Дробная размерность?! Немало найдется таких, кто с негодованием скажет, что «это уж слишком», что ни о чем таком не слыхивали ни они сами, ни их отцы и деды. Такого рода аргументы, более эмоциональные, нежели убедительные, свидетельствуют лишь о незнании работ Хаусдорфа и Безиковича. Иное дело — ссылка на то, что отцы и деды не слыхивали о фрактальной размерности: при всей синонимичности дробного и фрактального, термин «фрактальный» появился лишь в работах Бенуа Мандельброта и заведомо не был известен людям старшего поколения. Тем же, кто станет возражать против «нелепой» (разумеется, только с их точки зрения) дробной размерности, ссылаясь на невозможность придать ей наглядный смысл, мы скажем: во-первых, никто не присягал на целочисленность любой размерности только на том основании, что наша добрая знакомая — топологическая размерность — принимает целые значения, и, во-вторых, фрактальная размерность уже доказала свою полезность. Что же касается наглядности, то представить себе фрактальную кривую, то есть кривую с фрактальной размерностью Хаусдорфа — Безиковича, настолько извилистую, что она уже не классическая линия, но еще не плоская фигура, все же легче, чем представить себе наглядно какие-нибудь средние статистические показатели. В отличие от некоторых арифметических задач, где целочисленность ответа предопределена далеко не всегда явно формулируемым требованием (вспомним хотя бы «два землекопа и две трети» из знаменитого стихотворения С. Я. Маршака), среднее число детей в семьях, проживающих в какой-нибудь местности, вполне может оказаться, например, равной 1,9. Между тем никому не приходит в голову возражать против дробных («фрактальных») среднестатистических показателей на том основании, будто они лишены наглядности.

Действующие лица

По досадной традиции, не известно кем и когда установленной, современные науки в большинстве учебников принято излагать как некую безликую и вневременную совокупность более или менее согласованных определений, понятий, идей и методов. Понять внутреннюю логику развития науки, движущие пружины развития и необходимость введения того или иного понятия из такого рода текстов практически невозможно.

Попытаемся хотя бы немного нарушить эту прискорбную традицию.

Создатель фрактальной геометрии Бенуа Мандельброт родился в 1924 году в Варшаве. В 1936 году семья Мандельбротов переехала в Париж, где Бенуа окончил Политехническую школу (1947).

Ученую степень магистра наук (по аэрокосмическим наукам) защитил в Калтехе — Калифорнийском технологическом институте в Пасадене (1948), а высшую ученую степень доктора философии (по математике) — в Парижском университете (1952). До окончательного переезда в США (1958) Бенуа Мандельброт был приглашенным профессором в университетах Принстона, Женевы и Парижа. С 1974 года Мандельброт состоит членом совета по научным исследованиям фирмы *IBM*, а с 1984 года — профессором математики Гарвардского университета.

Помимо многочисленных статей перу

Бенуа Мандельброта принадлежат три ставшие ныне классическими монографии о фракталах и их роли в математике, естественных и социальных науках: «Фрактальные объекты: форма, случайность и размерность» (1955), «Фракталы: форма, случайность и размерность» (1977) и «Фрактальиая геометрия природы» (1982).

Число публикаций о фракталах, фрактальиой геометрии и фрактальной физике (влиянии фрактальной структуры среды на протекающие в ней процессы и свойства фрактальных объектов) возрастает во всем мире экспоненциально. Столь большой и не ослабевающий интерес объясняется не столько своеобразной модой и новизной, но и принципиально новыми возможностями, которые фрактальность открывает перед современными науками о природе и обществе. Формулу своего открытия сам Мандельброт выразил в следующих поэтических строках (1984):

«Почему геометрию часто называют холодиой и сухой? Одна из причин кроется в ее неспособности описывать форму облака, горы, береговой лииии или дерева. Облака — не сферы, горы — не конусы, береговые линии — не окружности, древесная кора не гладка, и молния — далеко не прямая... Природа демонстрирует нам не просто более высокий, а совершенно иной уровень сложности. Число различных масштабов длины бесконечно, какую бы цель мы ни преследовали при их описании.

Существование таких структур бросает нам вызов, ставя перед необходимостью заняться изучением тех форм, которые Евклид оставил в стороне как лишенные какой бы то ни было правильности,— исследованием морфологии аморфного. Математики уклонились от этого вызова и все более уходили от природы, измышляя теории, не имеющие ии малейшего отиошения к тому, что доступно нашему созерцанию и нашим ощущениям».

Исаак Ньютон заметил однажды, что если ему и удалось что-нибудь свершить в науке, то лишь потому, что он стоял на плечах гигантов. Бенуа Мандельброт неоднократно подчеркивал заслуги своих предшественников Хаусдорфа и Безиковича в создании понятия дробной размерности, ставшего краеугольным камнем всей фрактальиой иауки.

Феликс Хаусдорф родился в немецком городе Бреслау (ныне польском городе Вроцлаве) в 1868 году. Окончил в 1891 году Лейпцигский университет. Под псевдонимом Поль Монгре выпустил несколько беллетристических произведений. Профессор Лейпцигского (1902—1910), Боннского (1910—1913, 1921—1931) и Грейфсвальдского (1913—1921) университетов. В 1935 году Хаусдорф был отстранен нацистами от преподавательской деятельности как «неариец». В 1942 году, опасаясь репрессий со стороны гестапо, Хаусдорф вместе с женой и ее сестрой покончил жизнь самоубийством.

Хаусдорфу принадлежит множество важных и глубоких результатов в топологии, теории непрерывных групп, математическом анализе и других разделах математики. Он внес существенный вклад в разрешение кризиса в основаниях математики (Мандельброт датирует кризис периодом 1875—1925 годов), написав замечательную монографию «Основы теории миожеств» (1914). Дробная размерность Хаусдорфа — лишь одна из искорок его блестящего таланта.

Другим предтечей теории фракталов был Абрам Самойлович Безикович. Он родился в 1891 году в России. В 1912 году окончил Петербургский университет и с 1917 года был профессором Пермского университета.

Научное творчество и преподавательскую деятельность Безиковича отличали особое изящество и глубина результатов, как правило, тонких и весьма нетривиальных. Примером тому может служить решенная (опровергнутая) Безиковичем проблема японского математика Какейя, которую можно сформулировать так: не выводя из плоскости единичный отрезок АВ, совместить его с ним же самим в перевернутом виде (так, чтобы конец В в новом положении совпал с концом А в исходном, а конец А в новом положении совпал с концом В в исходном), следя за тем, чтобы отрезок АВ при этом замел наименьшую площадь.

Перевернуть отрезок АВ можно, например, двумя способами. Во-первых, повернуть АВ на 180 градусов вокруг точки А и сдвинуть на единичное расстояние, чтобы совместить с исходным отрезком. При этом единичный отрезок АВ заметет полукруг радиусом 1 и площадью $\pi/2$. Во-вторых, отрезок АВ можно повернуть на 180 градусов вокруг его середины. При этом единичный отрезок АВ заметет круг радиусом 1/2 и площадью $\pi/4$. А нельзя ли перевернуть отрезок АВ так, чтобы он замел еще меньшую площадь? Какейя ответил на этот вопрос утвердительно, предложив способ переворачивания, при котором единичный отрезок АВ заметает внутренность гипоциклоиды с тремя точками возврата (заострениями) площадью $\pi/8$ и высказал гипотезу, что эта площадь минимальна.

В разгар гражданской войны (1919) Безикович сумел опровергнуть гипотезу Какейя, доказав, что единичный отрезок можно перевернуть так, чтобы он замёл сколь угодно малую площадь!

О силе полученного результата и впечатлении, которое он произвел на математическое сообщество, можно косвенно судить по тому, что его автор в 1920 году был избран профессором Петроградского университета. Сам Безикович, пронесший через всю жизнь любовь к трудным и красивым («олимпиадным») задачам, называл себя экспертом по математической «патологии»: стоило ему заподозрить, что какая-то гипотеза неверна, как он не успокаивался до тех пор, пока ему не удавалось построить контрпример.

В начале двадцатых годов Безикович был удостоен Рокфеллеровской стипендии, дававшей ему возможность поработать в лучших зарубежных математических центрах, но неоднократные обращения к властям за разрешением на выезд неизменно наталкивались на отказ. И тогда мало-помалу созрел план покинуть Россию нелегально. К Безиковичу (события происходили в 1924 году) должны были присоединиться А. А. Фридман — автор знаменитого нестационарного, то есть зависящего от времени, решения уравнений Эйнштейна — и математик Я. Д. Тамаркин. В последний момент из-за болезни А. А. Фридман вынужден был остаться.

Из Латвии, куда беглецы с риском для жизни переправились по еще не окрепшему льду пограничной реки, Безикович отправился в Копенгаген, где на средства Рокфеллеровской стипендии смог поработать вместе с Гаральдом Бором, братом великого физика Нильса Бора, над теорией почти периодических функций. Именно в эту теорию и в теорию дробных размерностей Безикович внес свой наиболее существенный вклад.

После Копенгагена Безикович в течение нескольких месяцев работал в Оксфорде с Дж. Г. Харди, а с 1927 года обосновался в Кембридже, где с 1930 года и до конца жизни (Безикович скончался в 1970 году) состоял членом знаменитого Тринити-колледжа (колледжа Св. Троицы).

И Хаусдорф, и Безикович были бы немало удивлены, если бы узнали, какой интерес вызвали у потомков их работы по дробным размерностям.

И опять, и опять, и опять...

Среди множества необычных объектов, построенных математиками в конце XIX — начале XX века при пересмотре оснований математики, многие оказались фракталами, то есть объектами с дробной, или фрактальной, размерностью Хаусдорфа — Безиковича. Все они очень красивы и часто носят поэтические названия: канторовская пыль, кривая Пеано, снежинка фон Коха, ковер Серпинского и т. д. И все они обладают одним очень важным свойством, которое роднит их с самой обыкновенной прямой. Это свойство называется самоподобием: все эти фигуры подобны любому своему фрагменту.

Суть самоподобия можно пояснить на следующем примере. Представьте себе, что перед вами снимок «настоящей» геометрической прямой, «длины без ширины», как определял линию Евклид, и вы забавляетесь с приятелем, пытаясь угадать, предъявляет ли он вам исходный снимок (оригинал) или увеличенный в нужное число раз снимок любого фрагмента прямой. Как бы ни старались, вам ни за что не удастся отличить оригинал от увеличенной копии фрагмента: прямая во всех своих частях устроена одинаково, подобна самой себе, но это ее замечательное свойство несколько скрадывается незамысловатой структурой самой прямой, ее «прямолинейностью».

Если вы точно так же не сможете отличить снимок какого-нибудь объекта от надлежащим образом увеличенного снимка любого его фрагмента, то перед вами — самоподобный объект. Все фракталы, обладающие хотя бы какой-нибудь симметрией, самоподобны.

Самоподобие означает, что у объекта нет характерного масштаба: будь у него такой масштаб, вы сразу бы отличили увеличенную копию фрагмента от исходного снимка. Самоподобные объекты обладают бесконечно многими масштабами на все вкусы.

Разумеется, далеко не все фракталы обладают столь правильной, бесконечно повторяющейся структурой, как те замечательные экспонаты будущего музея

фрактального искусства, которые рождены фантазией математиков и художников. Многие фракталы, встречающиеся в природе (поверхности разлома горных пород и металлов, облака, турбулентные потоки, пена, гели, контуры частиц сажи и т. д.), лишены геометрического подобия, но упорно воспроизводят в каждом фрагменте статистические свойства целого. Такое статистическое самоподобие, или самоподобие в среднем, выделяет фракталы среди множества природных объектов.

Даже простейшие из фракталов — геометрически самоподобные фракталы — обладают непривычными свойствами. Например, снежинка фон Коха обладает периметром бесконечной длины, хотя ограничивает конечную площадь. Кроме того, она такая колючая, что ни в одной точке контура к ней нельзя провести касательную (математик сказал бы, что снежинка фон Коха нигде не дифференцируема).

Не менее необычна и увлекательна физика фракталов. Фрактальные среды обладают настолько сложной геометрией, что многие процессы протекают в них не так, как в обычных сплошных средах, о чем мы расскажем чуть ниже.

Фрактальные свойства — не блажь и не плод досужей фантазии математиков. Изучая их, мы учимся различать и предсказывать важные особенности окружающих нас предметов и явлений, которые прежде, если и не игнорировались полностью, то оценивались лишь приблизительно, качественно, на глаз. Например, сравнивая фрактальные размерности сложных сигналов, энцефалограмм или шумов в сердце, медики могут диагностировать некоторые тяжелые заболевания на ранней стадии, когда больному еще можно помочь.

Барабан, натянутый на гладкий или фрактальный контур, звучит по-разному, и это различие можно использовать для диагностики характера контура и определения его фрактальной размерности.

Метеорологи научились определять по фрактальной размерности изображения на экране радара скорость восходящих потоков в облаках, что позволяет с большим упреждением выдавать морякам и летчикам штормовые предупреждения.

Такого рода применений фракталов уже сейчас существует великое множество, и число их все увеличивается. Об одном неожиданном применении и не менее неожиданном примере природного статистически самоподобного фрактала мы хотим рассказать несколько подробнее, тем более что это дает нам возможность обратить внимание на одно чрезвычайно важное обстоятельство, которое обычно упускают из виду или замалчивают,— роль наблюдателя и разрешающей способности приборов при определении размерности.

Велика ли протяженность береговой линии Великобритании?

При разборе архива выдающегося специалиста по гидродинамике Луиса Фрая Ричардсона среди его бумаг были обнаружены черновики удивительного исследования. Несколько перефразируя слова Льюиса Кэрролла, можно сказать, что при переходе от географии к мелким камешкам он обнаружил неограниченное увеличение протяженности береговой линии. Контуры доброй старой Англии вели себя совсем не так, как полагалось бы евклидовой кривой. Но если береговая линия Великобритании не кривая, то что это? Теперь ответ известен: фрактал.

Публикуя данные Ричардсона, Мандельброт привел свои оценки фрактальной размерности Хаусдорфа — Безиковича для нескольких береговых линий. Они колебались от почти единицы для сравнительно гладкого (взгляните на любую карту!) южного побережья Африки до 1,3 — для западного побережья Великобритании и рекордной отметки 1,52 — для изрезанного фьордами побережья Норвегии*.

С точки зрения мухи

Вопрос о том, является ли данный предмет гладким или фрактальным, сам по себе лишен смысла. Ответ на подобный вопрос зависит от остроты зрения наблюдателя или от разрешающей способности прибора, которым он пользуется, то есть от того, насколько мелкие детали различает наблюдатель. Гладкая поверхность высочайшего класса обработки при соответствующем увеличении будет выглядеть, как горный ландшафт, подвергшийся интенсивной бомбардировке метеоритами.

Относительно и само понятие размерности. Бенуа Мандельброт иллюстрирует это следующим примером.

Клубок шерсти кажется мухе с большого расстояния точкой (топологическая размерность 0). Подлетев поближе, муха видит «большую точку» — диск (топологическая размерность 2). С еще более близкого расстояния муха видит, что перед ней шар (топологическая размерность 3). Во всех случаях все неровности сглаживаются из-за большого расстояния, и размерность Хаусдорфа — Безиковича совпадает с топологической размерностью. Подлетев совсем близко, муха видит перед собой клубок гладких ниток, то есть хитрым образом сложенную пространственную кривую (топологическая размерность 1). И лишь сев на клубок, муха видит пушинки, обрамляющие нить, то есть ощущает фрактальность шерстяной нити.

Какова же «истинная» размерность клубка шерсти? Да ее просто не существует: все зависит от точки зрения наблюдателя, разрешающей способности его глаз или прибора.

Муравей в лабиринте

Появление фракталов позволило (точнее, по-видимому, позволило) разрешить еще одну загадку, издавна мучившую физиков: почему в большинстве эмпирических формул, в изобилии встречающихся в любом инженерном справочнике, показатели степеней в различных зависимостях такие «некрасивые», то есть выражаются необъяснимо странными, с точки зрения традиционной физики, дробными числами типа 1,1378... или 2,9315...? Ответ, по-видимому, надлежит искать в том, что при разрешениях, достижимых в технике, в игру вступает фрактальность среды, поверхности и т. д., не принимавшаяся во внимание физиками, но вполне ощутимая на эмпирическом уровне для инженеров.

Мы уже упоминали о том, что физика фрактальной среды иногда сильно отличается от физики сплошной среды. Приведем лишь один пример.

Средний квадрат расстояния, на которое удаляется от исходной точки случайно блуждающая частица (математическая модель совершенно пьяного гуляки, делающего очередной шаг с равной вероятностью в любую сторону), пропорционален времени, если речь идет об обычной, сплошной среде. В фрактальной среде это не так. Даже на глаз, без всяких расчетов, видно, что случайно блуждающая частица будет удаляться от места старта медленнее, так как далеко не все направления для нее доступны: извилистый канал выбирает из множества ранее доступных направлений лишь малое подмножество разрешенных направлений. Средний квадрат расстояния для фрактальной среды оказывается пропорциональным некоторой дробной степени времени, показатель которой связан с фрактальной размерностью среды.

Это, в частности, означает, что диффузия в фрактальной среде происходит не так, как в обычной, сплошной среде. Множество препятствий (узких мест, крутых поворотов и тупиков) затрудняют продвижение частиц и замедляют диффузию. Лауреат Нобелевской премии де Жен сравнил частицу, блуждающую в фрактальной среде, с муравьем в лабиринте. Трудно приходится муравью. Отсюда и дробные показатели в различных зависимостях.

Замедление диффузии в фракталах столь существенно, что она перестает удовлетворять классическому закону Фика и — как следствие — уравнению диффузии. Не спасает положения и попытка ввести переменный коэффициент диффузии, зависящий от концентрации частиц. Возникает новое, интегро-дифференциальное уравнение, содержащее новый необычный объект — производную (по времени) дробного порядка, связанного с фрактальной размерностью среды. Ситуация несколько напоминает финал поэмы Льюиса Кэрролла «Охота на Снарка», где одно невиданное чудовище — Снарк — оказывается другим невиданным чудовищем — Буджумом. Впрочем, причудливость фрактальной геометрии в какой-то мере подготавливает нас к тому, что и физика происходящих в фрактальной среде процессов, в частности диффузии, должна описываться необычными средствами.

Эстетика фракталов

Многие фракталы обладают эстетической привлекательностью. Более того, они просто неотразимы. Во многих странах мира демонстрировалась выставка, созданная в содружестве с художниками бременскими м... (нет, не музыкантами!) математиками Рихтером и Пейтгеном. На ней экспонировалось около полутораста художественных изображений фракталов. Весь мир обошли компьютерные «лунные» пейзажи, выполненные на основе фрактальных множеств Бенуа Мандельбротом и его сотрудниками

---

* Этой темы журнал уже касался несколько ранее. Читайте статью С. Курдюмова и Г. Малинецкого «Парадоксы хаоса», «Знание — сила», 1993 год, № 3.

Звуковая палитра современных композиторов может быть значительно расширена за счет звучаний электронных инструментов с различными фрактальными характеристиками.

Наконец, нельзя не упомянуть и об изящной словесности, ибо ей явно недостает свежей фрактальной струи. Какие захватывающие приключения ожидают Тезея в закоулках фрактального лабиринта, где за каждым поворотом его может поджидать роковая встреча с Минотавром! Какой длины должна была бы быть в среднем спасительная нить Ариадны, чтобы Тезей мог благополучно выбраться из лабиринта? Смог бы Том Сойер вывести Бекки Тэтчер из подземных фрактальных пещер, и сколько времени ему для этого потребовалось бы?

Фракталы позволяют по-новому взглянуть и даже отчасти реабилитировать героев некоторых детских сказок, пользовавшихся репутацией отъявленных плутов и мошенников. Вспомним хотя бы сказку «Новое платье короля» Ганса Христиана Андерсена. Если бы портные сшили новое платье короля из фрактальной ткани, на изготовление которой пошло бесконечное количество шелка, бархата и золота, то и тогда король вполне мог бы казаться голым. Произнесший знаменитую фразу ребенок изрек бы очевидную истину, ложность которой стала бы ясна только при более основательном знакомстве с теорией фракталов (чего ни в коем случае нельзя предполагать и тем более требовать от невинного малютки).

Фракталы неисчерпаемы, как неисчерпаемы их приложения в науке, технике, литературе и искусстве.

Эпилог

Наше краткое повествование об одном из чудес современной науки — фракталах — подходит к концу. Как всегда, когда речь заходит о науке, мы ставим не точку, а многоточие — наука продолжает жить и созидать новое знание.

Но прежде чем попрощаться с читателем и поблагодарить его за терпение, нам бы хотелось предостеречь от одной чрезвычайно распространенной и чрезвычайно соблазнительной ошибки.

С появлением фракталов со всей очевидностью стала ясна ограниченность описания природы с помощью гладких кривых, поверхностей и гиперповерхностей. Окружающий нас мир гораздо разнообразнее, и в нем оказалось немало объектов, допускающих фрактальное описание и не укладывающихся в жесткие рамки евклидовых линий и поверхностей.

Не следует забывать, однако, о том, что и фракталы — не более чем упрощенная модель реальности, применимая к достаточно широкому, но все же ограниченному кругу предметов и явлений, и не претендует и не может претендовать на роль своеобразного универсального ключа к описанию природы. Как сказал Дж. Б. С. Холдейн, «мир устроен не только причудливей, чем мы думаем, но и причудливей, чем мы можем предполагать».

ОТКРЫТЫЙ УРОК

Ц. Миллер

Лермонтов и «Евгений Онегин»

С гением всегда трудно... Чтение великих писателей возбуждает мысль и эмоции, помогает формироваться идеалам и... стереотипам. Вот тут-то и начинается самое интересное. В школе мы как-то привыкаем к мысли, что все гении всегда мыслят одинаково правильно, и размышлять особенно не о чем, надо принимать их позицию — и все. Но «гений, парадоксов друг», сказал Пушкин.

Неожиданности подстерегают нас при перечитывании самого известного, хрестоматийного. Вот один из примеров.

В письме к В. П. Боткину В. Г. Белинский писал: «Перед Пушкиным он (Лермонтов) благоговеет и больше всего любит «Онегина». Свидетельство Белинского драгоценно, но общо, конкретными же фактами о том, что ценил Лермонтов в романе, как относился к его героям и так далее, мы не располагаем. Между тем к любопытным выводам может привести внимательное чтение произведений Лермонтова.

Опуская широко известную историю создания стихотворения «Смерть поэта», отмечу только, что есть определенное сходство в ситуации: Ленский — Онегин, Пушкин — Дантес. И в том и в другом случае поэт гибнет от руки человека, который должен был знать, «на что он руку поднимал». Онегин — друг Ленского, который даже «охладительное слово в устах старался удержать», но оказался убийцей его. Дантес, довольно долго находясь в том же обществе, что и Пушкин, бывая в домах его друзей, неминуемо должен был слышать о том, чем было творчество Пушкина для русской культуры.

Когда параллельно читаешь стихотворение Лермонтова и шестую главу «Евгения Онегина», невольно приходишь к мысли, что Лермонтов в то время находился под мощным воздействием романа. Во-первых, большая часть стихотворения написана тем же размером, что и роман. Для такого музыкального поэта, каким был Лермонтов, ритмическая сторона стиха не может быть безразличной или случайной. Он писал о Пушкине «Онегина размером», любимым размером самого Пушкина. Во-вторых, сравним языковый строй обоих произведений.

«Евгений Онегин»	**«Смерть поэта»**
Поэт погиб... но уж его	*Погиб поэт...*
Никто не помнит...	
Убийца юного поэта...	*Его убийца хладнокровно*
	Навел удар...
Они друг другу в тишине	
Готовят гибель хладнокровно...	
Чуть из младенческих одежд,	*Увял торжественный венок...*
Увял!	
Но шепот, хохотня глупцов...	*Коварным шепотом насмешливых невежд.*

Довольно часто встречаются не только лексические, но и синтаксические, звуковые ассоциации, иногда совместные:

«Ну, что ж? убит»,— решил сосед.	*Один, как прежде... и убит!*
	Убит! К чему теперь рыданья...
Убит!.. Сим страшным восклицаньем	
Сражен, Онегин с содроганьем	
Отходит и людей зовет.	
Убит приятельской рукой...	*Сраженный, как и он,*
	безжалостной рукой
Сражен приятель молодой...	
	Зачем от мирных нег
Как мысли девы простодушной	*и дружбы простодушной...*
...не дрогнет их рука	*Зачем он руку дал клеветникам...*
Разбить сосуд клеветника	
Какому злобному веселью,	*Не вы ль сперва так злобно гнали...*
Быть может, повод подаю!	*...Что ж? веселитесь...*

Враги! Давно ли друг от друга
Их жажда крови отвела...
Татьяна смотрит
и не видит
Волненье света ненавидит,
Ей душно здесь...

С свинцом в груди
и жаждой мести...

Вступил он в этот свет
завистливый и душный...

Очень показательна, на мой взгляд, рифма:

Он сердцем милый был невежда
Его лелеяла надежда...
Быть может (лестная надежда!)
Укажет будущий невежда...

...Коварным шепотом
насмешливых невежд.
И умер он с напрасной
жаждой мщенья,
С досадой тайною
обманутых надежд.

Еще одну параллель дает нам черновик стихотворения Лермонтова:

От хладного разврата света
Еще увянуть не успев,
Его душа была согрета...

Его душа в краю чужом
в заботах света
Ни разу не была согрета...

Есть еще довольно много деталей, более мелких. Нельзя сказать, что на эти совпадения никто не обращал внимания раньше. Но, к сожалению, дело ограничивалось практически только констатацией. А между тем можно пойти и дальше.

В образе Пушкина, который рисует Лермонтов, усматривается определенное сходство с Ленским. «Невольник чести», «гордая голова», «жажда мести», «не вынесла душа поэта позора мелочных обид» — все это с равным основанием можно отнести и к Ленскому, и к Пушкину. Что же касается строк «Угас как светоч дивный гений, Увял торжественный венок», то они в гораздо большей степени напоминают словарь поэта-романтика Ленского, чем реалиста Пушкина, каким он был в последние годы жизни. Но, как видно, Лермонтову в момент создания его стихотворения был ближе Пушкин-романтик. Во всяком случае, в черновике «Смерти поэта» он называет Пушкина «певцом Кавказа». А это значит, что перед его мысленным взором был именно ранний Пушкин. Наконец, Лермонтов сам наводит читателя на параллель Пушкин — Ленский, сближая эти образы в строках:

И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой...

Эмоционально-положительная оценка Ленского в стихах Лермонтова очевидна, и это кажется почти невероятным. Почему? Да потому что традиционно сложившийся образ Лермонтова, человека и поэта, исключает возможность симпатии к простодушному, восторженному, пылкому, не знающему жизни и людей Ленскому. Мы привыкли думать, что прекраснодушие, благородные идеалы, оторванные от подлинной жизни, которая никак не дает для них оснований, встречала у Лермонтова оценки горькие и презрительные. Исключением казались ласковые, проникнутые теплотой слова, обращенные к А. И. Одоевскому. В образе этого необыкновенно обаятельного человека, привлекавшего самых разных людей, Лермонтов выделяет черты, вполне приложимые к Ленскому: «блеск лазурных глаз», «звонкий детский смех» и «веру гордую в людей и жизнь иную»... Но оказывается, что симпатия к характерам такого типа у Лермонтова довольно устойчива. Неожиданность...

Не менее неожиданным кажется резко отрицательное отношение Лермонтова к Онегину.

Роман «Евгений Онегин» отличается исключительным лаконизмом в психологических описаниях. Поэтому особенно обращает на себя внимание настойчивое желание Пушкина подчеркнуть страдания Онегина — убийцы Ленского, его потрясенность случившимся.

Убит!.. Сим страшным восклицаньем
Сражен, Онегин с содроганьем
Отходит и людей зовет.

Оставил он свое селенье,
Лесов и нив уединенье,
Где окровавленная тень
Ему являлась каждый день.

Угрызения совести, как видим, доводят Онегина до галлюцинаций. Проходит несколько лет, а он не может избавиться от ужаса содеянного. Образ Ленского постоянно присутствует в его душе. В письме к Татьяне — «Еще одно нас разлучило... Несчастной жертвой Ленский пал... Ото всего, что сердцу мило, тогда я сердце оторвал...» Он бежит из деревни, вернее, от себя. «Им овладело беспокойство, охота к перемене мест, весьма мучительное свойство, немногих добровольный крест...» Но и это не помогает. В Петербурге, задумавшись, вспоминая прошлое, в первую очередь «...видит он: на талом снеге, как будто спящий на ночлеге, недвижим юноша лежит, и слышит голос: что ж? убит!»

А Лермонтов, создатель первого в России психологического романа, автор поразительной по глубине и тонкости психологического проникновения в душу человека «Сказки для детей», как будто не замечает этого или даже больше — он отмечает переживания Онегина единственным эпитетом, которым удостаивает героя романа Пушкина: Ленский сражен «безжалостной рукой». Это делает возможной и еще одну, совсем неожиданную параллель: Онегин — Дантес. Оставляя в стороне рассуждения о справедливости такой оценки Онегина, приходится все же констатировать ее, хотя и удивляясь ей...

Можно попытаться выяснить и отношение Лермонтова к Татьяне.

Незаконченный роман Лермонтова «Княгиня Лиговская» несет явные следы влияния «Евгения Онегина». Не только фамилия героя Печорин, но и отдельные ситуации, характеристики действующих лиц заставляют вспомнить роман Пушкина. (Интересна и одна описка в рукописи Лермонтова: в первой главе вместо фамилии или имени героя написано «Евгений», хотя главное действующее лицо носит имя Григорий Александрович, или Жорж.)

У Пушкина его любимая героиня вызывает глубокое уважение своим ответственным отношением к жизни, сознанием, что человек не имеет права подвергать общественному презрению людей, виновных только в том, что ты когда-то поступил необдуманно («...для бедной Тани Все были жребии равны... Я вышла замуж»). Теперь муж Татьяны пользуется заслуженным уважением, и она, по ее мнению, не имеет права сделать его жертвой своего, хотя и очень глубокого, пронесенного через много лет, чувства к Онегину. Совершив бесчестный поступок, она потеряет самоуважение, достоинство. А без этого она и жить не сможет. Требовательность к себе, мысль о том, что человек обязан отвечать за свои поступки, нести свой крест, если заслужил его, делает Татьяну столь привлекательной. Она страдает потому, что честна: она дала слово быть верной женой и обязана сдержать его, так как не способна к сделкам со своей совестью. И кто знает, что такое счастье,— удовлетворенная любовь, глубокая безответная любовь, заполняющая жизнь, или незапятнанная совесть? Кто знает?

Да, конечно, это добродетель — отказ от любви во имя долга. Но только у Лермонтова совсем другое отношение к любви. Он требует от женщины безграничной преданности. Ничто не может быть, по его мнению, преградой для любви: ни время, ни обстоятельства. Он тоскует, что «в наш век все чувства лишь на срок», что «вечно любить невозможно». Эта мысль для него непереносима. Его требовательность в этом отношении беспредельна:

Что мне сиянье божьей власти
И рай святой?
Я перенес земные страсти
Туда с собой...

...Ты не должна любить другого.
Нет, не должна,
Ты мертвецу святыней слова
Обручена.

Его идеал — вечная любовь. Он ценит в женщине способность любить безоглядно, прощать все, жертвовать всем во имя своего чувства. Только такая любовь может примирить поэта с жизнью. Близка к этому идеалу Вера Лиговская из «Героя нашего времени», написанного после незаконченной «Княгини Лиговской». В лермонтовском шедевре Печорин записывает в дневнике: «Надо признаться, что я точно не люблю женщин с характером: их ли это дело?..» Вера «не заставляла меня клясться в верности, не спрашивала, любил ли я других с тех пор, как мы расстались... Она вверилась мне снова с прежней беспечностью,— и я ее не обману: она единственная женщина в мире, которую я не в силах был бы обмануть! — Я знаю, мы скоро разлучимся опять и, может быть, навеки: оба пойдем разными путями до гроба; но воспоминание об ней останется неприкосновенным в душе моей; я ей это повторял всегда, и она мне верит, хотя говорит противное». А вот признание Веры: «Ты знаешь, что я твоя раба; я никогда не умела тебе противиться... О, я прошу тебя: не мучь меня по-прежнему пустыми сомнениями и притворной холодностью; я, может быть, скоро умру, я чувствую, что слабею со дня на день... и, несмотря на это, я не могу думать о будущей жизни, я думаю только о тебе». Именно эта бесконечная преданность привлекает к ней Печорина. Он отдает себе отчет в том, что далеко не всегда был достоин столь глубокого чувства: «За что она меня так любит, право, не знаю. Тем более, что это одна женщина, которая меня поняла совершенно, со всеми моими мелкими слабостями, дурными страстями». Она говорит что-то о муже, о сыне, но это только слова. Как только на ее пути появляется Печорин, она забывает о них и только внешне заботится о том, чтобы не скомпрометировать себя. И в конце концов она признается мужу, что любит Печорина. «Помню только, что под конец нашего разговора он оскорбил меня ужасным словом и вышел». Что же она? «Вот уже три часа, как я сижу у окна и жду твоего возврата с дуэли... Но ты жив, ты не можешь умереть!.. Я погибла — но что за нужда? Если б я могла быть уверена, что ты всегда меня будешь помнить,— не говорю уж любить,— нет, только помнить...»

Она в такой же степени бескомпромиссна, как Татьяна. Но только Татьяне ее нравственность не позволяет идти за любимым, если это принесет несчастье другому (знаменитое «Но я другому отдана; я буду век ему верна»), ни в чем не виноватому человеку, а нравственность Веры — в ее абсолютной преданности любимому, ради которого она забывает и себя, и других. Для нее существует только он: «Любившая тебя не может смотреть без некоторого презрения на прочих мужчин».

Если для Пушкина Татьяна — «милый идеал», то для Лермонтова такой идеал, скорее всего, Вера. В одном случае это воплощенный долг, в другом — чувство. Ясно, что эти идеалы несовместимы. Поэтому естественно, что Татьяна-добродетель (вернемся к началу — отношению Лермонтова к Татьяне Лариной) неприемлема для Лермонтова, и неприязнь к ее жизненной позиции становится понятной...

Кто из двух великих писателей прав? Наверное, оба. А мы? На чью сторону встанем мы? Это уже дело каждого, его характера, «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Впрочем, это уже не литературоведческая проблема.

(Полностью статья опубликована в альманахе Российского открытого университета «Татьянин день», 1992 год, № 9.)

С Лидией Марьяновной Арманд (в девичестве — Тумповской), моей бабушкой, я разминулся в этой жизни на пять месяцев. Значит, я с ней как бы не знаком. Однако действие этого неистового характера на близких и далеких к ней людей не могли остановить ни большевистские репрессии, ни сама смерть. Духовный заряд Лидии Марьяновны передается по эстафете и не ослабевает с годами. По ее жизни, как по камертону, сверяли свои дела ученики школы-коммуны, среди них — и мои родители. Оглядываясь на свой путь, я вижу, что невидимые лучи этого прожектора и мне вольно или невольно задавали направление на развилках жизни, помогали встать и идти, когда случалось горько оступиться. Самоотверженная воля Лидии Арманд, горение благородной идеей, какая-то нечеловеческая жажда отдать всю себя людям заставляют перед памятью необыкновенной женщины, как перед Учителем, молча снять шляпу.

Ни ее собственные записки, ни автобиографию ее сына, Д. Л. Арманда, опубликовать пока не удалось.

О небольшом, но знаменательном отрезке послереволюционной жизни Лидии Марьяновны Арманд — мой рассказ*.

А. Арманд, доктор географических наук

Коммуна Лидии Арманд

Поиски пути

В начале 1919 года еще гремела гражданская война, а в маленькой квартирке голодной и промороженной Москвы начала собираться группа энтузиастов и обсуждать план будущей школы. Идея не была совершенно утопичной. В то время правительство, понимая свою неспособность справиться с волной беспризорности и даже просто наладить нормальную работу школ, не препятствовало частной инициативе, что мы знаем, например, по книгам А. С. Макаренко.

Обсуждение касалось как принципов воспитания, так и вопросов организации школы. Педагогическая целесообразность, а также условия всеобщей разрухи подсказали единственно жизнеспособную форму школы — загородную трудовую сельскохозяйственную колонию. Ожесточенные споры вызвал предложенный Л. М. Арманд принцип отбора учеников. Она считала, что при всем сочувствии к бездомным детям старшее поколение несет наибольшую ответственность за потерю в революционной мясорубке талантливой молодежи, как она говорила, «с огоньком в глазах». Таких ребят и предлагалось принимать в колонию после месячного испытательного срока. Впоследствии, впрочем, Лидия Марьяновна сама не раз нарушала этот принцип, если ребенку совершенно некуда больше было деться. Обучение пред-

* Отрывок. Полностью статья опубликована в сборнике «Путь теософии». Петрозаводск. 1992 год

полагалось организовать не с начальной, а со средней школы (червертые-пятые классы), так как для более молодых учеников серьезный сельскохозяйственный труд мог оказаться непосильным. Главное же заключалось в том, что ребенок в одиннадцать — тринадцать лет уже может сознательно оценить предлагаемые ему нравственные, идеологические и бытовые условия жизни в колонии и сделать выбор.

Трудовой режим не отменял прохождение разработанной наробразом программы общеобразовательных дисциплин. В последующие годы школьники изучали русский язык, математику, историю, биологию, химию, иностранные языки и перед закрытием колонии получили аттестаты об окончании семи- и девятилетки.

Поиски того, что теперь принято называть спонсором, хлопоты о предоставлении подходящего здания и земли в Подмосковье, организация коллектива преподавателей отняли у Лидии Марьяновны массу сил и времени. После многих мытарств Отдел народного образования согласился платить педагогам нищенское жалованье и помочь кое-каким оборудованием: тюфяками, кастрюлями, одежонкой. Весной 1920 года несколько первых учеников и преподавателей переехали на извозчиках в бывшее имение Ильино около Пушкино, по Ярославской железной дороге. Без дров, без инвентаря, почти без продовольствия колония начала жить.

Принципы и будни

Из сказанного ясно, что главной заботой заведующей было не накормить голодных или набить детские головы знанием учебных дисциплин, а наполнить души стремлением к высоким идеалам. Поэтому в первое же утро ученики и сотрудники, поднявшиеся с широкого стола, который за неимением другой мебели служил им кроватью, были собраны на утреннее чтение. Выслушали несколько строк из Евангелия, помолчали обдумывая, после чего разбежались по делам. Эта традиция свято соблюдалась все годы существования коммуны, хотя тексты менялись. Для духовной зарядки Лидия Марьяновна использовала отрывки из сочинений Льва Толстого, Кришнамурти, Анны Безант, Сен-Симона и других.

Жизнь, однако, больше заботилась о трудовом воспитании как детей, так и педагогов, причем с большим превышением необходимой нормы. С первых дней пришлось своими силами приводить в порядок разоренное здание, на пустом месте налаживать быт, заготавливать дрова, в промерзшем доме возводить печи-времянки. Скоро подоспела посевная кампания — старшим мальчикам пришлось взяться за лопаты. Через некоторое время удалось приобрести лошадь и нанять рабочего, но все равно подростки шли за плугом и бороной, окучивали, косили, валили лес, то есть выполняли всю мужскую работу. И не имели при этом никаких преимуществ перед другими учениками. Разве только одно: те, кто пришли с полевых работ, раз в несколько дней по очереди получали после тощего обеда в свое распоряжение кастрюлю из-под каши. И выскребали ее так, что мыть не было надобности.

Твердо начали осуществляться принципы коммуны. В первый день, знакомясь с комнатами дома, мальчишки торопились объявить: «Я буду жить здесь! Вот мое место!» Арманд созвала всех на собрание. «Как вы думаете, это будет справедливо, если маленькие девочки поселятся в темной нижней комнате? Неужели вы хотите, чтобы нашим больным досталось сырое помещение?» С логикой справедливости нельзя было не согласиться. Первый урок братства задал тон на все дальнейшие годы.

Почти все имущество в коммуне было общим. Это касалось даже части одежды, которой жестоко не хватало. Зимнее пальто или валенки надевал тот, кто в холод работал на улице или ехал в телеге на станцию встречать учителя, прибывающего на очередной урок. Впрочем, никому не приходило в голову, что можно что-то обобществить принудительно.

Коллективным было управление колонией. Общее собрание решало, например, вопрос, принять нового ученика после испытательного месяца в общину или отказать ему. Здесь, случалось, разгорались бурные споры. Очень трудным было решение о переезде на новое место, когда появилась возможность получить более просторное и удобное здание в бывшем шведском имении Тальгрен. При всех преимуществах смущало большое расстояние до станции — 12 километров. Надо помнить, что большинство педагогов не жило в колонии, а приезжало из Москвы, и их не всегда можно было встретить с телегой. К тому же ученики прежде существовавшей здесь колонии «под занавес» разгулялись, фантастически загадив здание, разбив и поломав все, что оказалось под силу молодым дикарям. Но переезд все же состоялся.

Самоуправление распространялось и на повседневную жизнь. Каждое утро за завтраком раздавался звон ложки по оловянной миске, и старший ученик, председатель «сельхоза» (сельскохозяйственной комиссии), провозглашал: «Нужны четыре человека на прополку, два — на строительство погреба и четыре — на заготовку жердей. Кто идет?» Работы по уборке дома и территории, прачечной, дежурство по кухне распределял «домхоз». В хозяйственных работах принимали участие и преподаватели, свободные от уроков. В самоуправление же педагоги не вмешивались никогда. Конечно, авторитет Лидии Марьяновны был так высок, что при решении важных вопросов она могла повлиять на мнение коллектива, но пользовалась этим преимуществом в высшей степени деликатно.

В колонии существовал также педагогический совет, занимавшийся вопросами воспитания и обучения. Когда один из воспитанников вызывающе заметил, что преподаватели решают судьбу детей за их спиной, Арманд настояла на том, чтобы представитель учеников в обязательном порядке присутствовал на каждом заседании педсовета. Смущенные отказы ребячьих делегатов от своего права не принимались.

Лидия Марьяновна считала священным долгом вечером после отбоя обходить всех учеников. Перед сном каждый получал доброе слово, напутствие или просто поцелуй. Колонисты, половина из которых были сироты, ждали этой минуты. Многим совершенно необходимо было поделиться с близким человеком головоломными проблемами отрочества, излить душу. Иногда беседа затягивалась на час, на два.

В колонии не существовало какой-то специальной системы поощрений и наказаний, без которой наши методисты не мыслят воспитательный процесс. Трудно представить, как обходилась Лидия Марьяновна без традиционных «кнута и пряника». По-видимому, безграничная любовь к детям, самоотверженный труд и личный пример давали ей такую власть над душами, что не было надобности даже в традиционных выговорах. Выбрав момент, она присаживалась рядом с провинившимся, обнимала его за плечи и говорила: «А ведь плохи твои дела. Опять с собой не справился». И он отвечал, опуская голову: «Я уж сам об этом думал».

Кроме обязательной учебной программы Лидия Марьяновна ввела курсы истории утопий и принципов кооперации, которые сама преподавала. Очень большое значение придавалось искусству как средству воспитания. Несколько педагогов, чередуясь, вели занятия по музыке. Претенденты на единственный рояль расписывали между собой время от завтрака до отбоя, не давая ни минуты отдыха инструменту. Во время работы в поле, в свободные часы постоянно пели хором. Любили ученики и уроки живописи и рисунка, хотя оберточная бумага и простой карандаш нередко были единственными доступными художникам средствами. Ученики могли сами организовать кружок, отвечающий их интересам. Договаривались с руководителем и начинали заниматься. Увлекались танцами, художественной гимнастикой, шахматами, изучали произведения Метерлинка. Литературный кружок издавал рукописный иллюстрированный журнал «Молния» тиражом.. в один экземпляр, выпускал альманахи. Стало традицией ставить любительские спектакли, от классических до пьес собственного сочинения, таких, например, как веселое переложение гётевского «Фауста».

Педагоги

В коллектив воспитателей Лидия Марьяновна, конечно, приглашала единомышленников. Однако совпадение идеологических установок вовсе не было главным критерием отбора сотрудников. Вероятно, важнее была решимость учителя отдать детям какую-то важную часть своего душевного богатства. Делалось это почти без оплаты. Небольшие деньги, которые выделяло по штатному расписанию МОНО*, преподаватели договорились отдавать в общую кассу. Часть этой суммы, до тридцати процентов, шла на покупку лекарств, дополнительного продовольствия и другие нужды колонии. Остальное делилось поровну между штатными и нештатными (не числившимися в списках отдела образования) преподавателями. Получались сотни тысяч рублей, что по ин-

* Московский отдел народного образования.

фляционному курсу двадцатых годов составляло гроши.

Между тем большая часть педагогов жила в Москве, приезжая лишь для того, чтобы провести уроки. Зимой, в осеннюю и весеннюю распутицу двенадцатикилометровый путь в Тальгрен становился подвигом. Если добавить сюда многочасовые ожидания паровиков, ходивших в Пушкино безо всякого расписания, то нетрудно понять, каких душевных качеств требовала эта работа. Такое самоотверженное служение делу воспитания молодых во многом предвосхитило требования тогда еще неизвестной Вальдорфской педагогики Рудольфа Штайнера.

Некоторые воспитатели надолго бросали свой дом и переселялись в колонию. Светлую память у учеников оставила, например, Ефросинья Николаевна Спицына, теософ, достигшая, как и Л. М. Арманд, звания рыцаря. Она переехала из Киева и преподавала в колонии географию, естествознание и химию, организовала издание альманаха.

Другой теософ, тогда еще студент, Юлий Юльевич Лурье, тоже был захвачен идеями Арманд и взялся преподавать математику и химию, хотя жадность в познании всякого рода наук заставляла его уже в те годы остро чувствовать недостаток отпущенного времени.

Для преподавания истории был приглашен муж Лидии Марьяновны, Лев Эмильевич Арманд, ушедший к тому времени в другую семью. Философ, интеллигент дореволюционного склада, он был совершенно не приспособлен к тому, чтобы вариться в большевистском котле, семья его почти нищенствовала. Для него был важен даже пустяковый заработок в колонии. Но когда обнаружилось, что в общественной кассе нет денег на учебники по истории, он их купил на свои средства.

Колония знала и преподавателей-толстовцев, и последователей каких-то экзотических учений, и даже соединение несоединимого — теософа-коммуниста. Подросткам предлагалось достаточно разнообразное идеологическое меню, необходимое, по мнению Л. М. Арманд, для того чтобы научить их самостоятельно мыслить.

Конечно, магнитом, образцом, душой преподавательского коллектива была сама Лидия Марьяновна. Ее жизнь в колонии была подвижничеством. После вечерних обходов, как бы поздно они ни кончались, она ежедневно подробно записывала в дневник все события дня и ложилась после медитации. Утром вставала первой, чтобы затемно разбудить мальчиков на покос или дежурных для приготовления завтрака. На сон ей оставалось три-четыре часа. Самую тяжелую и неблагодарную работу она брала на себя — от постоянных хлопот в московских бюрократических ведомствах до ухода за больными и ношения ночных горшков. Ни малейшей фальши не допускала она в отношениях с коллегами и особенно с учениками. Бывало, дети высказывали ей недовольство другими педагогами. В душевной борьбе между учительской солидарностью и необходимостью быть честной с воспитанниками неизменно побеждало второе. Высказав свое мнение, она, впрочем, тут же становилась на точку зрения обсуждаемого преподавателя и объясняла мотивы ошибки.

Особенно принципиальной была Л. М. Арманд в своем отношении к сыну, тоже ученику школы-колонии. Не только не получал он никаких послаблений от матери-заведующей, но, наоборот, самая тяжелая и неприятная физическая работа, самая большая ответственность (он был неизменным председателем «сельхоза») ложились на его мальчишеские плечи. Как-то после дня пахоты он проглотил тощую порцию каши и со вздохом заметил: «Теперь бы еще поужинать». Дежурная сжалилась: «Ну возьми себе из завтрашней кастрюли». Но оказавшаяся рядом Лидия Марьяновна набросилась на сына с упреками: «Чем ты лучше других!» и поспешно ушла, тайком вытирая слезы.

Ухабы

Если считать показателем качества образования количество трудностей, которые научились преодолевать ученики, то колонию Лидии Арманд следует отнести к самому высшему разряду. Община не занималась производством товарной продукции, поэтому годы нэпа не избавили ее от нищеты. Лидия Марьяновна вспоминала, например, что в летнее время она ездила в Москву и ходила по учреждениям босиком. Школьники появлялись в столице в лаптях. Для уборки картофеля приходилось стелить в междурядьях на стылую осеннюю землю солому и переносить туда босых колонистов на закорках. Лишь на третий год появилась возможность подавать хлеб на стол не считанными кусочками, а складывать горкой на общей тарелке.

Недоедание оборачивалось болезнями. Половина ребят были покрыты фурункулами. Колония едва не окончила своего существования, когда заболевшую тифом заведующую надолго положили в больницу.

Однако не одни стихийные беды посещали коммуну. В первый же год крестьяне из соседних деревень не согласились с передачей колонии нескольких гектаров пашни, начали тяжбу, затем перешли к угрозам. Тем не менее община собрала урожай. Осенью необмолоченную рожь свезли и для просушки положили на террасу деревянного жилого дома колонии. Ночью две темные фигуры прокрались к террасе и подожгли солому. Дом остался цел только благодаря слаженности действий коммунаров и преподавателей. С вилами, топорами, лопатами каждый нашел свое место в борьбе с пламенем, от пруда по двухсотметровой цепочке передавали ведра с водой. Впрочем, этот опыт был не единственным: от печек-времянок вспыхивали стены, дюжину таких пожаров ликвидировали общими усилиями колонисты.

В конфликте с сельчанами коллектив нашел более действенное средство: пообещали им организовать школу для младших ребятишек, в которой сильно нуждались соседние деревни. Два года старшие коммунары и преподаватели вели уроки, а заодно торжественно заключили «пакт мира» между жителями враждующих селений.

Власти тоже не оставляли своим вниманием подозрительную общину. Трижды за четыре с половиной года ВЧК устраивало в доме обыск. К людям в галифе привыкли и принимали спокойно, как осеннюю распутицу. Не сидел сложа руки и наробраз. Просветительская власть пришла в себя после всеобщего беспорядка и начала управлять. Четыре раза налетали в колонию комиссии с заданием выявить недостатки, чтобы потом без хлопот прикрыть «поповское гнездо».

Надо сказать, что многочисленные посетители постоянно везли в пушкинскую коммуну свое любопытство, свой опыт и рассказы о жизни, и стало святой традицией каждого из них принять как дорогого гостя. Членов комиссий, как и других, сажали за общий стол, дежурный по гостям вел их по комнатам, по территории, на полевые работы. Приехавшие наблюдали учебные занятия, распределение обязанностей, слушали песни, попадали на репетиции драмкружка и невольно пропитывались неистребимо радостным настроением ребят. Вопреки инструкциям, появлялась резолюция: «В педагогическом отношении никаких замечаний нет». Лишь в 1925 году очередному заведующему МОНО удалось справиться с колонией при помощи простого приема: «Никаких комиссий больше посылать не будем. Закроем отсюда».

Волна

Через несколько лет после закрытия коммуны Лидия Марьяновна была арестована и выслана в Ростовскую область, где дожила лишь до 1931 года. Не ушли от репрессий и некоторые ученики. Но волна, запущенная могучей волей Лидии Арманд, не спала. Всех колонистов и преподавателей, с которыми довелось познакомиться автору этой статьи, отличал какой-то светлый взгляд на жизнь и непривычная для наших дней чуткость к чужой беде, просто к чужой заботе. В темные годы войны и мира эти люди не жаловались на судьбу, как будто их не похожие друг на друга характеры поддерживались изнутри невидимым каркасом, сделанным искусным мастером. Не раз приходилось слышать что, несмотря на все лишения, колония была самым счастливым временем в их жизни.

Эстафета, начатая Лидией Марьяновной, имеет и более ощутимые следствия в наши дни. Ее внучка, Елена Давидовна Арманд, взялась создать нечто подобное пушкинской колонии. Задача стоит в каком-то смысле еще более сложная — протянуть руку помощи детям, оставшимся без родителей и отставшим в своем развитии. Как и раньше, в смутные годы перестройки и кризиса они остались за бортом. Как и раньше, бескорыстное начинание требует от организатора сверхусилий. Много, на удивление, невеселых аналогий, как будто семьдесят лет так ничему нас и не научили.

Постскриптум

В октябре 1991 ушел из жизни, вероятно, последний из преподавателей коммуны, единственный член дореволюционного Теософского общества, доживший до наших дней, Юлий Юльевич Лурье. «Как истинный теософ Юлий Юльевич не боялся смерти, был готов к ней, встретил ее мужественно и спокойно, как естественный переход к новой сфере деятельности»,— сказал один из его учеников.

ПРАКТИКУМ

ЛИЦЕЙ

Ответы на задачи по биологии из № 3

1. Во-первых, кровь и гемолимфа используются для транспортировки разных веществ, а у большинства животных переносят кислород от органов дыхания к клеткам тела.

Затем кровь переносит питательные вещества от пищеварительной системы или от специальных депо ко всем тканям и органам, а также переносит ненужные продукты обмена к органам выделения. Наконец, она переносит гормоны от желез внутренней секреции.

Во-вторых, кровь участвует в процессе терморегуляции. При жаре, например, у человека расширяются капилляры кожи (человек краснеет) и кровь отдает избыток тепла в окружающую среду. Напротив, при морозе человек бледнеет, так как капилляры кожи сужаются.

В-третьих, кровь и гемолимфа могут иметь механические функции. Например, некоторые моллюски используют нагнетание гемолимфы в ногу при закапывании в грунт.

В-четвертых, кровь и гемолимфа играют и защитную роль: в них обычно находятся специальные защитные вещества, например антитела, и защитные клетки. У некоторых животных в гемолимфе находятся ядовитые вещества, защищающие этих животных от поедания хищниками.

2. Можно указать несколько основных причин, по которым создание Ихтиандра невозможно.

Во-первых, такое создание едва ли смогло бы перекачивать воду через пересаженные жабры, поскольку у акул нет жаберных крышек. Чтобы вода омывала жабры, акула должна плыть с открытым ртом. Если в воде не очень много кислорода, акула, чтобы не задохнуться, должна плавать непрерывно.

Такой способ дыхания называется «таранным». Чем быстрее плывут рыбы, использующие его, тем шире им приходится открывать рот, иначе не получить нужное количество кислорода. С другой стороны, слишком широко открытый рот увеличивает лобовое сопротивление, и возникают лишние траты энергии.

Во-вторых, даже снабдив жабры мотором для перекачивания нужного количества воды, проблему не решить. Кислорода в воде гораздо меньше, чем в воздухе, поэтому через жабры должно проходить количество воды, в тысячу раз большее, чем воздуха через легкие. Но вода обладает высокой теплоемкостью, значит, Ихтиандр совершенно не мог бы поддерживать нормальную температуру тела. Недаром рыбы и другие организмы, которые дышат жабрами, холоднокровны.

Наконец, ткани акулы очень отличаются от тканей человека, и после пересадки они были бы отторгнуты иммунной системой. Если же подавить действие иммунной системы человека, то он погибнет от какой-нибудь болезни (как при заражении СПИДом).

3. Температура тела насекомых может заметно повышаться при усиленной работе мышц. Например, шмели или бражники перед полетом «разогревают мотор» с помощью вибрации мышц; шмель «мохнат» именно для экономии тепла.

Другой способ — погреться на солнышке. К нему прибегают, скажем, бабочки или саранча, располагаясь так, чтобы большая поверхность тела, например раскрытые крылья, была перпендикулярна направлению солнечных лучей.

А пчелы во время зимовки поддерживают достаточно высокую температуру тела за счет сжигания пищи, запасенной летом; при этом для экономии тепла они могут сбиваться в клубок, уменьшая свободную поверхность. Температура в улье бывает и ниже, чем в окружающем воздухе, благодаря вентиляции улья и испарению воды, специально приносимой туда пчелами.

Температура тела выше, чем температура воздуха, у насекомых-паразитов, обитающих на теле теплокровных.

4. Основная идея ответа такова. Жир — источник энергии, поэтому жирное молоко в первую очередь имеется у тех животных, детеныши которых кормятся нерегулярно, с большими перерывами (зайцы, некоторые копытные, тюлени) или затрачивают много энергии.

Такие энергозатраты могут быть связаны:

а) с большой отдачей тепла во внешнюю среду (у обитателей воды, теплоемкость которой велика, а температура обычно заметно ниже температуры тела млекопитающих; у животных полярных районов; у животных, детеныши которых не имеют убежища);

б) с высокой активностью детенышей (у китов, ряда копытных, детеныши которых должны самостоятельно следовать за матерью сразу после рождения);

в) с быстрым ростом (например, у китообразных, для которых быстрый рост очень выгоден, поскольку при увеличении размеров уменьшается удельная поверхность тела и, значит, снижается отдача тепла в воду).

Возможны и другие причины высокой жирности молока, например необходимость создания у детенышей толстой жировой прослойки.

У животных, детеныши которых находятся в убежищах — норах, пещерах и т. д.— и обычно обогреваются телом матери, медленно растут и созревают, получают молоко регулярно, а также у животных, обитающих в зонах с теплым климатом, молоко менее жирно.

5. Разберемся, как происходит вдох при нормальных условиях. При вдохе объем полости грудной клетки увеличивается за счет подъема ребер и опускания диафрагмы. Легкие не прикреплены к грудной клетке и обладают собственной упругостью, поэтому грудная клетка, расширяясь, не тянет их за собой. Почему же тогда легкие наполняются воздухом при вдохе? Очевидно, за счет атмосферного давления. Когда грудная клетка начинает расширяться, давление между ней и легкими становится меньше атмосферного, а внутренняя их поверхность соединена с атмосферой, так что внутри легких давление атмосферное. Возникающая разность давлений вызывает движение воздуха в легкие — вдох.

При повреждении грудной клетки в плевральную полость входит воздух, и она сообщается с наружной средой. В результате при расширении грудной клетки давление снаружи и внутри легких оказывается одинаковым, так что смены воздуха в них не происходит, дыхание прекращается.

Поступление воздуха в плевральную полость называют пневмотораксом. В действительности при пневмотораксе (за счет упругости легких и сил поверхностного натяжения) легкое сначала сильно сжимается, и между ним и грудной клеткой возникает заметная воздушная полость. При одностороннем пневмотораксе второе легкое обеспечивает организм достаточным количеством кислорода для жизни (но не для серьезной физической нагрузки). Односторонний пневмоторакс иногда искусственно вызывается врачами при лечении туберкулеза. Легкое, пораженное туберкулезом, на какое-то время освобождается от работы.

Двусторонний пневмоторакс приводит к гибели от удушья.

6. Летательные мышцы некоторых насекомых могут сокращаться не только под действием нервных импульсов, но и в ответ на растяжение. При сокращении мышц, поднимающих крыло, мышцы, его опускающие, растягиваются. От этого мышцы-«опускатели» возбуждаются. При их сокращении растягиваются мышцы, поднимающие крыло, и т. д. Таким образом, частота работы летательных мышц зависит не от частоты прихода нервных импульсов, а от некоторой собственной частоты летательной системы, которая может быть весьма велика. Если укоротить крылья комара, то частота их взмахов еще более возрастает.

Какова же роль нервных импульсов, приходящих к мышечным волокнам? Под действием нервных импульсов в мышечные волокна входят ионы кальция, необходимые для процесса сокращения. Эти ионы выкачиваются из мышечных волокон специальными белками — «кальциевыми насосами». Когда нервные клетки перестают посылать импульсы к летательным мышцам, концентрация ионов кальция в них снижается, и взмахи крыльев прекращаются.

7. Рассмотрим сначала роль пигментного эпителия, поглощающего свет. Пусть в поле зрения животного имеется только одна светящаяся точка. Допустим, свет от нее настолько хорошо фокусируется хрусталиком, что попадает всего на одну рецепторную клетку. Но от яркой точки летит много фотонов, и не все поглотятся родопсином этого рецептора: часть отразится от внутренних структур клеток за рецептором и попадет в соседние рецепторные клетки. В результате резкость изображения снизится, оно «размажется», уменьшится и острота зрения. Это помешает животному различать маленькие предметы или мелкие детали изображения. Поглощение пигментным эпителием «лишних» фотонов повышает остроту зрения.

Вот почему поглощающий пигментный эпителий целесообразен в условиях хорошего освещения (когда есть «лишние» фотоны) — он необходим глазам для различения мелких деталей изображения. Ясно, что такой эпителий имеют животные, ведущие дневной образ жизни, птицы, высматривающие добычу с высоты, и т. д.

Теперь рассмотрим возможную роль «отражающего экрана» в сетчатке. При недостатке освещения имеет смысл предотвратить поглощение части фотонов клетками, лежащими за сетчаткой. (Ведь света, попадающего на сетчатку, едва хватает, чтобы возбудить рецепторы.) Сделать это может отражающий слой: он будет возвращать фотоны к рецепторам. Такое устройство выгодно в условиях, когда различить мелкие детали невозможно и важны лишь общие очертания предметов.

Ясно, что отражающий экран должны иметь животные, ведущие ночной образ жизни, обитатели темных пещер или глубин океана. И действительно, именно так устроены глаза у кошачьих, лис, медведей, некоторых крупных лягушек, аллигаторов.

8. Можно предложить два наиболее реалистичных способа для измерения частоты взмахов крыльев комара.

Во-первых, существует скоростная киносъемка. Есть кинокамеры, позволяющие снимать тысячи (и даже миллионы) кадров в секунду. Комар производит в секунду около тысячи взмахов, а потому потребуется камера, делающая за то же время несколько тысяч снимков.

Во-вторых, можно определить частоту звука, издаваемого комаром при полете. Звук надо преобразовать с помощью чувствительного микрофона в электрические колебания, затем их усилить и подать, например, на горизонтальные пластины осциллографа. На вертикальные пластины при этом подается сигнал от генератора звуковой частоты. Плавно меняя частоту генератора, можно получить на экране осциллографа круг, что свидетельствует о равенстве этих частот (подумайте, почему).

ЗАДАЧИ ПО БИОЛОГИИ

1. Для сравнения потребления кислорода разными организмами рассчитывают его потребление на килограмм массы в час. В таких единицах медуза потребляет кислорода в 1000 раз меньше, чем инфузория, человек — в 5 раз меньше, муха — в два раза больше, а крыса — примерно столько же, сколько инфузория. Попробуйте объяснить эти цифры.

2. Как регулируется концентрация глюкозы в крови животных?

3. Известно, что температура тела колибри в холодные ночи падает до 10 градусов Цельсия, тогда как днем она равна 43 градусам. Как вы думаете, почему именно у колибри возникла такая особенность терморегуляции?

4. У позвоночных животных относительный размер сердца тем больше, чем более активный образ жизни ведет животное. А у насекомых размер «сердца» (спинного сосуда) не связан с активностью. Почему?

5. Укажите черты сходства между млекопитающими и головоногими моллюсками.

6. Какие приспособления имеют ночные насекомые для защиты от летучих мышей?

7. Чем объяснить сходство «лица» совы, кошки и обезьяны с лицом человека?

8. Какие опыты вы стали бы проводить, чтобы определить, как муравьи находят дорогу домой?

«Как память наша отзовется...»

Григорий

(текст с ошибками)

В Духов день 1064 года папа Григорий VII собрал кардиналов на совет. Предстояло принять много важных решений, а медлить было нельзя. Западный император Генрих IV намерен со дня на день отбыть в свои сицилийские владения, чтобы изгнать оттуда язычников-норманнов. В отсутствие императора его чиновники разленятся, и великое дело Крестового похода, возможно, опять придется отложить. А турки не ждут! Их султан Саладин прислал восточному императору Роману Диогену ультиматум: «Выходи на бой со мной или отдай Константинополь!» Нельзя допустить, чтобы Второй Рим разделил участь Иерусалима: резню христиан, превращение всех церквей и синагог в мечети... В этот трудный час западное рыцарство обязано помочь восточным братьям во Христе!

Папе вновь вспомнился старый друг — князь Ярослав, который учился с ним в Парижском университете тридцать лет назад. С тех пор киевский князь стал могучим правителем; он получил из рук однокашника королевскую корону и поклялся защищать Восточный Рим от всех врагов, не жалея сил. Ярослав с блеском разгромил печенегов, отразил набег половцев, но с турками ему одному не сладить... До чего же некстати вторглись норманны в Сицилию! Ведь без императора Генриха промедлят или откажутся воевать все прочие короли: и его французский тезка (тоже зять Ярослава Мудрого), и легкомысленный англичанин Этельред Растяпа, и Альфонсо Кастильский...

Конечно, не вся надежда на королей — есть еще магистры рыцарских орденов: тамплиеры, госпитальеры, меченосцы. Они подчиняются папе и готовы отправиться на Восток по его приказу. Но их сил, пожалуй, не хватит для победы...

«Положение крайне тяжелое, — это папа ясно сказал кардиналам и добавил: — Только перст Божий может спасти христианский мир в этот грозный час! Господь не открыл мне тайну будущего, но, возможно, он откроет ее кому-то из вас. Нет ли у кого-нибудь догадки: что нам делать с норманнами? Ведь сегодня Духов день,— возможно, святой дух низойдет на кого-то из нас!»

Советники долго молчали. Первым нарушил тишину старый Жоао — магистр Ордена Святого Яго. Он напомнил, что полтораста лет назад святой папа Бонифаций VIII был в сходном затруднении. Тогда норманны вторглись в Северную Францию, и православные не могли с ними справиться. Христианнейший король Карл Лысый обратился за помощью к Бонифацию, и тот нашел святого мужа — отшельника Бернара из Клерво. Праведник бесстрашно направился к норманнам, и оказалось, что грозные язычники готовы помириться с Христом! Они крестились — и вот уже целый век христианская Нормандия служит образцом для всех монархов Европы. Нет ли сейчас человека, готового повторить подвиг святого Бернара в Сицилии?

Опять воцарилось молчание: кажется, советники полагали, что время святых давно прошло. Потом нерешительно заговорил Стефан Лэнгтон — архиепископ Йорка, однокашник папы Григория по парижскому лицею. Он вспомнил, что

в свите императора Генриха есть знатный норманн — Гвильом Бастард, побочный сын нынешнего графа Нормандии. Кажется, это способный юноша; нельзя ли использовать его в нашем деле? Правда, по своему нраву Гвильом — далеко не святой...

— И не надо! — прервал его папа.— Святого мы найдем; нам не хватает популярного политика и хорошего воеводы, способного возглавить диких норманнов и увлечь их полезным для церкви делом! Что мы можем предложить им через Гвильома? Во Франции для них места нет. А как насчет Англии? Брат Стефан, не надоело ли тебе быть духовником короля-растяпы? Не хочешь ли ты сменить своего повелителя на более молодого и деловитого человека, который будет слушаться всех твоих советов?

Кардиналы были потрясены: вот он — перст Божий! Сам святой дух указует своему наместнику на Земле: пора сменить недостойного короля англов, саксов и скоттов! Все сицилийские норманны, готовые креститься, получат от папы поручение: покорить нерадивую Британию и владеть ею до скончания веков. А всех не согласных на это император Генрих прижмет так, что им небо с овчинку покажется! И пусть после захвата Британии новые бароны-норманны во главе со своим новым королем Гвильомом отправятся в общий крестовый поход — искупать грехи, совершенные при покорении Британии! Да и новых своих подданных — бриттов — пусть норманны берут с собой на Восток; им тоже пригодится папское прощение!

В общем восторге кардиналы запели: «Те, Деум...» — и участь Англии была решена. По воле папы его вассал — норвежский герцог Харальд Жестокосердый — помог своему соплеменнику Гвильому покорить Англию и выдал за него дочь — внучку Ярослава Мудрого. Победив англов, саксов и бриттов, Гвильом отправился с прочими королями Европы в крестовый поход; там он вновь отличился в боях с сарацинами. Новый император Востока Алексей Мономах стал его побратимом после геройского совместного штурма Иерусалима. Примеру императора последовали отважный киевский княжич Владимир (сын Ярослава) и рыжебородый германский принц Фридрих; все эти герои получили прозвище «Мономах» — по праву побратимства.

Незадачливый английский король Этельред, побежденный в бою при Гастингсе, был пострижен в монахи под именем Эдуард. По требованию папы Гвильом Завоеватель отправил пленника в Рим; здесь Эдуард прожил долгую праведную жизнь и был позднее канонизирован как Эдуард Исповедник.

Сам папа Григорий завещал похоронить себя в отвоеванном у неверных Иерусалиме; там его могила до сих пор служит предметом почитания у Стены Плача. Биография папы, написанная его старым другом Стефаном Лэнгтоном, вошла во все католические и православные хрестоматии.

Ответы на задачи по истории Киевской Руси, напечатанные в № 1

1. «Власть варягов над киевлянами» — поздняя легенда. На деле в IX—X веках часть киевлян сотрудничала с варягами на основе общего «варяжского образа жизни» — военной демократии и грабительских походов. В это время многие из киевских варягов были славянского происхождения, а первым лицом в городе являлся варяжский конунг-князь (Аскольд, Олег, Игорь и другие).

2. Ольга — славянка из Пскова; ее первого, славянского имени мы не знаем. Имя Ольга (Хельга, «Волшебная», «Священная») ей дали варяги, когда она стала женой их вождя Игоря. При крещении она получила от императора Константина VII имя Елена (в честь крестительницы Византии, матери Константина I).

Титул Ольги значит «королева Ругиев». От этого прибалтийского племени западные европейцы производили имя народа «русь».

3. В отсутствие князя Киевом правил совет старейшин (глав родов). Несомненно, поездка Ольги обсуждалась ими и была одобрена (значит, большинство старейшин одобряло крещение и союз с Византией).

4. Ольга плыла по Днепру, потом — через Черное море. Этот путь занимал два-три месяца.

5. Тогдашний объем княжеской власти в Киеве не позволял этого: принудительное крещение вызвало бы восстание варягов и гражданскую войну.

6. Расправа над древлянами — общее решение киевских старейшин и веча: они не хотели видеть над собою князя-иноплеменника.

Убийство Олегом Аскольда — обычное «соревнование» варяжских вождей: тогда киевлянам было все равно, кто из варягов станет новым воеводой при том же совете старейшин.

7. В начале X века титулы «хакан-рус» (верховный правитель и, может быть, также верховный жрец — как в Хазарии) и князь (конунг, воевода) еще были разделены в Киеве. Святослав имел титул князя; хаканом тогда мог быть его брат Глеб.

8. В 860 году киевляне хотели избавиться от «лишних» варягов, сплавив их подальше, хоть в Византию. В 940-х годах походы Игоря кончились неудачей; после этого киевляне решили, что мирная торговля с Византией выгоднее, чем набеги на нее.

9. Императоры Роман Лакапен, Константин VII и Никифор II Фока в Византии, халиф Абдаррахман II в Андалузии, император Оттон I и епископ Лиутпранд в Германии, Гюго Капет во Франции, молодой поэт Фирдоуси в Иране; на Руси — князь Игорь, княжичи Святослав и Глеб, боярин Свенельд; у печенегов — хан Куря, в Херсонесе — наместник Калонир.

10. Оттон I — епископ Лиутпранд — Ольга — Святослав.

11. Сначала болгары приняли Святослава как помощника против угнетателей-византийцев. Но поняв, что Святослав хочет сам править в Болгарии, болгары восстали против нового хозяина-чужака.

12. Такую мысль Святославу мог подать византиец калокир или кто-либо из болгар, рассказав о делах болгарского царя Симеона. Тот за 50 лет до Святослава трижды ходил войной на Константинополь, желая стать владыкой обеих стран.

13. Силы Святослава были подорваны неудачной войной против Византии и голодной зимовкой в устье Днепра; к тому же он потерял всех союзников среди кочевников.

14. Владимир Новгородский победил братьев потому, что смог набрать на севере самую большую варяжскую дружину.

15. Дружина Святослава состояла в основном из пехоты и двигалась на ладьях (хотя все бойцы умели ездить верхом). Профессиональными конниками были только кочевники — союзники Святослава. Киевляне и варяги вооружены мечами и топорами; кочевники — саблями.

16. Боги «образца 978 года» — это боги варяжской дружины (например, Перун — бог грозы и войны у прибалтийских племен). Прежде основная масса киевлян поклонялась не Перуну, а своим родовым богам.

17. Вначале Владимир не имел в Киеве иной опоры, кроме своих варягов. Позднее он понял, что «торгово-христианская» партия сильнее и полезнее ему в делах правления.

18. Христианско-языческое «двоеверие» держалось на Руси до XIII века. В церквах молились Христу, в лесах — местным языческим богам; в доме висели иконы, но почитали и домового.

19. Союз с Владимиром дал юному Василию 6 000 воинов-варягов в самый острый момент борьбы с мятежниками (Вардой Склиром и другими магнатами). В итоге Василий стал единовластным императором.

20. Первую библиотеку на Русь привезла Анна Византийка — жена Владимира Крестителя. Там наверняка была полная Библия и много книг «отцов церкви», ряд исторических сочинений (византийских и римских, в том числе Тит Ливий и Лев Диакон), много греческой художественной литературы и поэзии.

21. Поэт Фирдоуси, ученые Авиценна и Аль-Бируни (родился и вырос в Хорезме), правитель Махмуд Газневи (в Афганистане и Индии), в Северном Китае — Елюй Дэгуан (первый киданьский император), в Грузии — Баграт Куропалат.

22. Святослав, видимо, был малограмотен. Владимир умел читать и писать по-русски, говорил и, возможно, читал по-гречески. Ярослав хорошо знал греческий, даже сам переводил некоторые книги на русский.

23. К середине II века в Норвегии, Швеции и Дании образовались королев-

ства. Тогда короли изгнали или перебили всех викингов, не согласных служить им.

24. Смерть Владимира открыла новгородцам возможность посадить в Киеве своего князя и самим контролировать торговлю по пути из Варяг в Греки.

25. Жена Ярослава — сестра короля Норвегии. Его сестра — королева Польши. Его сын Изяслав женат на польской королевне, другой сын, Всеволод,— на византийской царевне. Внук (Владимир Мономах) женат на английской королевне. Дочери Ярослава замужем за королями Франции, Норвегии и Чехии. Внучка Ярослава (сестра Мономаха) — германская императрица.

26. При Владимире разные народы Руси (славяне, варяги, меряне и другие) еще жили по своим племенным обычаям, и контакты между ними регулировались волей князя. При Ярославе оформилось сословное общество, где права и обязанности не зависят от национальности и закон один для всех, хотя не все равны перед ним.

27. Государственный порядок в «варварских» королевствах Западной Европы строили католические церковники по римской традиции. На Руси при Ярославе было мало византийцев, а в городах издавна жили по местному обычаю.

28. Убийцу могли убить родичи убитого — по праву кровной мести. Вор платил штраф («виру») или становился рабом.

29. «Правда Ярослава» фиксирует общую ответственность за преступление каждого члена рода. То есть либо весь род платил виру за убитого, либо убийцу выдавали из рода на смерть или неволю.

30 Греческий, латынь, немецкий, польский, болгарский, норвежский, чешский, тюркский, мерянский.

31 Византийские и германские императоры: короли Венгрии, Чехии, Польши, Франции, Норвегии, Швеции: римский папа.

32. Ярослав и Вильям обменивались послами с римским папой, то есть была цепь из трех промежуточных человек.

33. Получить королевскую корону Ярослав мог бы от римского папы или от одного из двух императоров (византийского или германского). Но Ярослав не уступал реальной властью никому из них и не хотел становиться вровень с более слабыми королями Польши, Чехии или с правителем Грузии.

34. По объему власти в своей стране Ярослава превосходили лишь Вильям Нормандский (после смерти Ярослава) и Канут Великий (до прихода Ярослава к власти). Оба они владели Англией по праву завоевания, опираясь на большую профессиональную армию. У Ярослава не было постоянной армии, но всегда легко было набрать ее в городах Руси из варягов и иных неустроенных людей. С такой армией Ярослав взял Киев, а позднее — разбил печенегов.

35 и 36. Не требуют ответа.

37. На Ярослава похожи основатели империй — Карл Великий, Оттон I. Каждый из них дал мир своей разноплеменной стране, разгромив соседних «варваров» (авар, мадьяр, печенегов) и упорядочил ее законами и основами просвещения. Разница — в религиозной политике: Ярослав более терпим к язычникам, поскольку сама Русь была крещена недавно и непрочно.

38. Папа Григорий VII, герцог Вильям Нормандский, Генрих I Французский, молодой император Генрих IV, король Эдуард Исповедник в Англии, Болеслав Храбрый в Польше, Харальд Хардрада в Норвегии.

39. Жена Ярослава — Ингигерда; его сыновья — Изяслав, Святослав, Всеволод; дочери — Анна Французская, Екатерина Норвежская; братья — Мстислав Тмутараканский, Борис и Глеб; посадник Константин в Новгороде; епископ Илларион в Киеве; монах Антоний (будущий основатель Печерской лавры). В Византии — император Константин Мономах, патриарх Михаил Керулларий, писатель Михаил Пселл, полководец Георгий Маниак.

40. Летописание начали, видимо, княжеские библиотекари в Киеве; до Ярослава государственной библиотеки не было. Читали летопись только ближайшие сотрудники князя и его родные. Позднее летописание продолжили монахи Печерского монастыря, среди них — Нестор, который впервые составил общий обзор русской истории.

41. Ярославль на Волге. Ярослав на Волыни, Юрьев (Тарту) в Эстонии (в честь крестильного имени).

42. Владимир-Василий, Ярослав-Георгий. Этими именами князей звали только священники, а летописец упоминал их лишь в сообщениях о рождении и смерти князей.

В. Тюрин, доктор исторических наук

Два долгих летних дня, или Неотпразднованные именины

В пятницу 28 июня 1762 года император проснулся не в духе. Он засиделся накануне за ужином, выпил лишнего, и голова разламывалась от боли. Но во время развода настроение улучшилось, головная боль начала проходить: голштейнцы исполняли все экзертиции виртуозно, а командовавший барон фон Левен превзошел самого себя. Император повеселел, все заулыбались и засобирались в гости к императрице — из Ораниенбаума в Петергоф, чтобы присутст-

«Знание — сила». Май 1993

вовать на большом обеде, а вечером — на ужине. На ужине — праздничном, потому что назавтра, в день Петра и Павла, готовились отпраздновать именины императора Петра III.

Император любил Ораниенбаум. Там, где Нева широко разливается и берега ее расходятся далеко-далеко, любимец деда императора, Меншиков Александр Данилович, построил себе дворец на левом берегу. При Петре II Меншиков впал в немилость, и дворец, как, впрочем, и все имущество светлейшего, был отписан в казну и стал собственностью царской семьи.

Император любил Ораниенбаум. Где он провел молодость, где была для него выстроена крепостца, где существовал арсенал, не настоящий, а так, собрание военных раритетов, и где император забавлялся учениями трехтысячного войска соотечественников из герцогства Голштейнского.

Император не любил Петергоф. Он не любил Петергоф, потому что его любила императрица. А императрицу он не просто не любил — в последнее время он не мог ее выносить.

Но солнечным июньским днем, когда кажется, что лету нет конца, кавалькада карет, колясок и линеек в сопровождении конвойных гусар двинулась к Петергофу. Блестящее придворное общество...

А в Петергофе в тот день императрица поднялась рано. В шесть утра Алексей Орлов вошел в ее спальню в петергофском павильоне Монплезир и ровным голосом произнес: «Пора вставать — все готово для вашего провозглашения». Екатерина поспешно оделась. Орлов так гнал лошадей, что те выбились из сил. В пяти верстах от Петербурга она пересела в экипаж князя Барятинского, и свежие лошади помчали ее к престолу, мужеубийству и судьбе монарха. Судьбе, что нарекла ее в российской истории Екатериной Великой.

Вспоминала ли во время этой бешеной гонки София-Августа-Фредерика, или попросту Фике, дочь прусского генерала и князя Цербст-Дорнбургского[1] и принцессы Голштейн-Готторпской, теперь уже далекий день 28 июня 1744 года? Тогда, получив благословение архиепископа новгородского Амвросия Юшкевича, она «ясным и твердым голосом, чисто русским языком, удивившим всех присутствующих, произнесла символ веры, не запнувшись ни на одном слове», и тогда на литургии впервые была провозглашена ектения за «благоверную Екатерину Алексеевну» — так стала именоваться перешедшая из лютеранства в православие супруга наследника российского престола. Навериое, нет, не вспоминала. Давно уже ее воспринимали как русскую, больше того, она сама чувствовала себя русской, вначале стремясь понравиться императрице Елизавете и подчеркнуть свое несогласие с манерами и привычками мужа, а потом... потом она стала и ощущать себя не немецкой принцессой крошечного княжества, а наследницей престола российского.

И пока император Петр III только просыпался в Ораниенбауме после тяжелой ночи и медленно одевался, боясь потревожить головную боль, его супруга уже подъезжала к казармам гвардейского Измайловского полка.

А в полку бьют тревогу. Солдаты и офицеры, на ходу надевая рубашки и мундиры, бегут к Екатерине, «Матушка, избавительница!» — кричат, целуют руки, а сама Екатерина в слезах сообщает, что император отдал приказание убить ее и сына (не первая и не последняя в ее жизни ложь) и что единственная ее надежда — верные измайловцы. Два солдата ведут под руки престарелого священника с крестом, он принимает присягу от измайловцев. Появляется полковник, граф Кирилл Разумовский, и преклоняет колена перед императрицей.

В общей сумятице строят солдат в каре, в центре — экипаж Екатерины, и направляются к казармам другого гвардейского полка, Семеновского, за Фонтанку, где их встречают также с ликованием и громкими «Ура!»

А тем временем поднимается и третий гвардейский полк — Преображенский. Солдаты сами, без приказаний офицеров, в боевом порядке бегут к Зимнему дворцу, а часть их — прямо на Садовую.

Остаются артиллерийские и инженерные части. Туда кидается Григорий Орлов и приказывает начальнику генерал-фельдцейхмейстеру Александру Никитичу Вильбоа, человеку отменной храбрости и сообразительности, явиться к государыне. Недоумение Вильбоа длится одно мгновение: «Разве император умер?» — спрашивает он и тут же, обращаясь к своим инженерам, произносит: «Всякий человек смертен». Он следует за посланцем, чтобы броситься на колени перед императрицей и открыть арсеналы...

В этот самый момент, когда в Ораниенбауме император появляется на плацу, не совсем еще справившись с утренним похмельем, в Казанском соборе архиепископ Дмитрий Сеченов начинает молебен. Он провозглашает на ектениях самодержавную императрицу Екатерину Алексеевну и наследника — великого князя Павла Петровича..

Огромная толпа запрудила пространство перед собором.

Все в недоумении: что с императором? Радоваться? Как вести себя? Бог знает. Но — событие! И какое! На трон взошла Екатерина, и главное — исчез с трона Петр III.

Пока император в полном неведении, наконец развеселившись в окружении прекрасных дам, неторопливо приближается к Петергофу, в Петербурге события развиваются стремительно. Из Казанского собора Екатерина, сопровождаемая огромной толпой, направляется в Зимний дворец. Она прибывает туда около 10 часов утра. Армейские полки Ямбургский, Копорский, Невский, Петербургский, Астраханский и Ингерманландский выстроились на площади, и архиепископ санкт-петербургский приводит их к присяге.

В Зимнем уже собрались сенат и синод. Наспех составлен манифест и текст присяги. И здесь многих заговорщиков ждет первое разочарование — не законный наследник возводится на престол с матерью в качестве регентши, а немецкая принцесса, совсем недавно интриговавшая в пользу Фридриха II, с которым Россия вела долгую войну, становится российской самодержицей. Возможно ли такое? Каковы резоны? Основания? А резоны все те же, что и всегда в оправдание переворотов, — угроза идеологическая и угроза внешняя. Петр III обвиняется в намерении ввести «иноверный закон», обвиняется он также в «совершенном порабощении» славы российской заключением мира с «силь-

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

ПЕРЕВОДЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІЕЙ НАУКЪ

СЪ 13 ПОРТРЕТАМИ И 6 АВТОГРАФАМИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

Автограф Екатерины II из ее «Записок».

...élevé d'une personne a l'un. l'épaule droite et le coté gauche et la hanche droite etoit de deux doits plus hauts que les parties du dos formoit un zic z...

Такой вступила на российский престол София-Августа-Фредерика, или попросту Фике, дочь прусского генерала, вошедшая в историю Екатерина II.

[1] В 1742 году умер последний представитель Анхальт-Цербстского княжеского дома, и братья Иоганн-Людвиг и Христиан-Август (отец Фике), князья из побочной линии, Цербст-Дорнбургской, стали соправителями крошечного княжества Анхальт-Цербст.

ным ее злодеем» Фридрихом II. В сущности, это — все. Но, оказывается, этого достаточно.

Императрица действует быстро и продуманно.

Мы оставили императора двигающимся в открытой коляске в обществе дам и прусского посланника от Ораниенбаума к Петергофу, коего он и достиг около двух часов пополудни. У въезда в Петергоф к Петру кинулся выехавший немного раньше его генерал-адъютант Гудович и встревоженно сообщил, что императрица с раннего утра исчезла, и никто не знает, где она. Император бросается к павильону Монплезир, открывает шкафы, протыкает тростью потолок, панели — никого, лишь на полу бальное платье, заказанное ко дню его именин — к завтрашнему дню. Смятение, бессвязные возгласы, замешательство, шепот за его спиной... Лакеи и прислуга осведомлены лучше, чем двор. Наконец прозревает и император. В общей сумятице, никем не замеченный и не остановленный, к Петру приближается крестьянин и передает ему записку от бывшего камердинера, ставшего директором гобеленовой мануфактуры, француза Брессана. В записке сообщалось, что «гвардейские полки взбунтовались, императрица во главе их...» Полная растерянность и паника овладевают императором и его окружением.

...extrêmement consulta tout
a consulter, l'on one fit grant,

Не растерялись лишь три испытанных царедворца. Графы М. Л. Воронцов и А. И. Шувалов и князь Н. Ю. Трубецкой немедленно вызвались привезти «положительные о том сведения», а канцлер Воронцов добавил, что если императрица отправилась в Петербург, чтобы захватить престол, то он, пользуясь своим влиянием, попытается усовестить ее, если его величеству будет то угодно. Его величеству угодно, и три сановника уехали. Чтобы присягнуть Екатерине и никогда больше не увидеть императора...

После их отъезда паника усиливается. Прусский посланник рекомендует бежать в Нарву. Голоса разделяются: предлагаются Голштейн, Украина, Финляндия... Петр ни на что не решается. Он раздражителен и неспокоен.

Видимо, Петр III не вполне все-таки понимал, что происходит. Впервые с 25 декабря прошлого года, когда умерла его тетка, императрица Елизавета, его приказания не исполняются, а сановники и слуги потихоньку разбегаются. Наконец — радость: возвращается флигель-адъютант из Кронштадта с донесением генерала Девьера. Это был первый и последний гонец, возвратившийся к императору. Девьер сообщал, что в Кронштадте все готово для приема императора и что государь найдет там надежную защиту. Всеобщее ликование. Хлопоты по отъезду. И наконец все — сорок семь находящихся при императоре кавалеров и дам, а также прислуга — направляются морем к Кронштадту.

В то время, когда маленькая флотилия императора (яхта и галера) плыла

Великий князь Петр Федорович, Российский император Петр III.

в Кронштадт, большая армия императрицы двигалась к Петергофу. В отличие от Петра Екатерина действовала решительно. В десять вечера, одетая в мундир Преображенского полка, полковником которого она при радостных криках гвардейцев себя провозгласила, в шляпе, украшенной дубовыми листьями, распустив свои длинные волосы, двинулась во главе войска на Петергоф. Рядом с нею гарцевала, также затянутая в преображенский мундир, восторженная заговорщица, княгиня Екатерина Дашкова, сестра фаворитки императора. В десяти верстах от Петербурга, в Красном Кабачке, войско Екатерины остановилось на ночь. Императрица и ее подруга пытались заснуть в каморке, где была одна постель для обеих, но тщетно: сна не было, слишком возбуждены они были событиями прошедшего дня, а еще больше — ожиданием дня грядущего.

Когда императорская флотилия подошла к кронштадтской гавани, мичман Михаил Кожухов, караульный на бастионе, отказывается убрать бон, загораживающий путь в гавань. Петр доволен: он уверен, что действует приказ, отданный им через находящегося сейчас в Кронштадте Девьера, — никого в Кронштадт не пускать, кроме царя. Петр кричит, что он и есть император, и показывает Кожухову свою андреевскую ленту. На что слышит в ответ, что императора Петра III уже нет, а есть императрица Екатерина (позже она распорядится дать дерзкому мичману «два чина, два года жалования»).

И снова Петр впадает в страшную панику. Он упускает свой последний шанс — отказывается последовать совету Миниха направиться в Ревель, там сесть на военное судно и двинуться к русским войскам в Померании. «Вы примете начальство над войском, — говорит Миних, — поведете его в Россию, и я ручаюсь, что в шесть недель Петербург и Россия опять будут у ваших ног».

ce qu'il y avoit de gens
en jour et nuits un corps

Брезжило утро: закончился один длинный день, начинался другой — день именин загнанного, запуганного человека, вчера еще бывшего властелином огромной империи, а сегодня — жалкого беглеца без надежды на будущее.

Судьба рано свела Петра с его будущей женой и убийцей. Ему было десять лет, когда он впервые увидел ее — свою троюродную сестру. Позже в мемуарах, где правда искусно переплетена, нет, не с забывчивостью, а с добротной, продуманной ложью, императрица перенесет свое отвращение к взрослому мужчине на маленького мальчика, сообщив, что уже тогда она «слышала, как собравшиеся родственники говорили между собой, что молодой герцог склонен к пьянству (это в десять-то лет! — *В. Т.*) и что приближенные не давали ему напиваться за столом; что он упрям и вспыльчив... Этому ребенку приближенные его хотели придать вид взрослого и для этого стесняли его и держали на вытяжке, что должно было сделать его всего фальшивым, от внешнего вида до характера».

Оставим эти суждения на совести не Фике, конечно, а императрицы Екатерины. Но действительно, детство ее будущего мужа и императора было нелегким. Он родился 10 февраля 1728 года в столице Шлезвиг-Голштейнского герцогства Киле от брака между герцогом голштейнским Карлом-Фридрихом и Анной, дочерью Петра Великого. Спустя три месяца после рождения сына Анна Петровна скончалась. Мальчик рос без матери. А в 1739 году и отец его умер, ребенок остался сиротой. Рос он хилым и болезненным, о духовном его развитии заботились мало, отец все свое время проводил в казарме и передал сыну, как написал один

Граф Алексей Орлов-Чесменский.

из немецких биографов Петра III, «несчастную страсть к военщине». Мальчика с семи лет стали учить ружейным приемам и маршировке; его сделали унтер-офицером, во время развода или парада всякое учение прекращалось: принц бросался к окну и любовался сол-

датами. Как он сам позже рассказывал, его счастливейшим днем был тот, когда он, на девятом году своей жизни, стоял на часах вместе с взрослым унтер-офицером у двери в столовую залу, где давался обед по поводу дня рождения герцога. Неожиданно отец встал из-за стола, подозвал мальчика и, поздравив его с присвоением чина лейтенанта, позволил ему занять место за общим столом.

Несчастьем для Петра стал и выбор наставника. Обер-гофмаршал граф Брюммер был злобный интриган, невежественный наглец с явными садистскими наклонностями. Под его наблюдением ребенка плохо и нерегулярно кормили, часто и без причины жестоко наказывали, подавляли чувство собственного достоинства, постоянно делали выговоры. Петр замыкался в себе, но часто срывался, впадал в истерику и, что хуже, приучался лгать, чтобы избегнуть наказания. И природные, и воспитанные в нем застенчивость и трусость находили выход в бравадах и эпатажах; от ненавистного ему общества Брюммера он скрывался в лакейской и кордегардии — позднее взрослый Петр Федорович будет обвинен в неумении вести себя в приличном обществе и тяготении к компании лакеев и конюхов. Так или иначе, когда Петр в четырнадцатилетнем возрасте появился в Петербурге, даже не отягощенная образованием императрица Елизавета Петровна очень удивилась, что племянника в Голштейне ничему не научили. Небрежность сопровождала не только воспитание и образование Петра. Небрежность сопутствовала его предназначению. Наследником двух престолов был принц Карл-Петр-Ульрих. И имя свое он получил неспроста: Карл — если взойдет на шведский трон, Петр — если на российский. Внуком (родным и двоюродным) соперников — Петра Великого и Карла XII — был маленький герцог Голштейнский.

Когда в 1730 году в Москве возвели на престол Анну Иоанновну, отстранив дочерей Петра Великого, в Киле решили: быть младенцу шведским королем. А потому русскому языку не учили, воспитывали в лютеранской вере и о родине матери и деда при нем не говорили.

Но в ночь с 24 на 25 ноября 1740 года положение изменилось: цесаревна Елизавета Петровна, дочь Петра Великого, арестовала императора — младенца Иоанна VI — и его родителей и провозгласила себя императрицей. Чтобы придать законность перевороту, вспомнила завещание Екатерины I, и Елизавета поспешила упрочить престолонаследие за своей, петровской линией: из Киля спешно вызвала она племянника, поторопила его принять православие, нарекла великим князем Петром Федоровичем и наследником престола.

В 1745 году Петр Федорович достиг совершеннолетия и стал правящим герцогом Шлезвиг-Голштейнским. В том же году тетка женила его на выбранной ею невесте — анхальт-цербстской принцессе Софии-Федерике-Августе. Брак оказался неудачным. Супруги оставались чуждыми друг другу. Ничего не изменило и рождение ребенка, названного Павлом, которого императрица Елизавета отобрала у родителей и воспитывала сама. В отличие от неловкого, скрывавшего робость и смущение бравадами и неожиданными выходками Петра Федоровича, его супруга, Екатерина Алексеевна, была особой не по годам развитой, расчетливой, лукавой, умевшей скрывать свои мысли и завоевывать расположение окружающих. И когда 25 декабря 1761 года умерла Елизавета и на престол взошел Петр III, при петербургском дворе явственно запахло новой грозой, а точнее — новым переворотом, на которые так щедр был русский XVIII век.

Июньские события 1762 года — кульминационный пункт в истории российских переворотов XVIII века. Современники и впоследствии многие историки не понимали смысла этих перемен и всерьез уверяли почтенную публику на Западе (а иногда и нас), что «...при помощи нескольких гренадеров, нескольких бочек вина и нескольких мешков золота в России можно сделать все, что угодно». Анализ переворотов — тема необъятная; хочу лишь обратить внимание на одну силу, которая ими двигала,— общественное мнение, или то, что именовалось публикой. И поняла это Екатерина II, которая в своих мемуарах постоянно подчеркивала, что с момента своего приезда в Россию она только и думала о расположении публики, приучая ее видеть в ней, Екатерине, свою надежду. И поступая так, она поступала логично и целенаправленно. Конечно, от келейного совещания, когда на трон после смерти Петра I возводится Екатерина I, до возмущения Елизаветой Петровной гвардейских частей — дистанция огромного размера. Самым широким по размаху и вовлеченности в него именно публики стал переворот 1762 года.

Петра Федоровича погубило несоответствие его поведения той модели самодержца, которую стала создавать себе публика или, иначе говоря, сплачивающееся в корпорацию дворянство, получившее при Елизавете Петровне и других преемниках Петра I некоторую передышку от всесокрушающего деспотизма Петра Великого. Существует какая-то личностная нить в линии дед — внук — правнук: Петр I — Петр III — Павел I. Они — не просто самодержцы, они — самодержцы, которых неуклонно несло к деспотизму. И если деспотический характер Петра Великого придавал его царствованию звучание трагедийное, то его правнук, Павел I, употребил свойства своей деспотической натуры на создание романтико-трагедийно-фарсовой ситуации, а Петр III успел за свое недолгое царствование достичь лишь комедийно-фарсовых результатов (которых было, кстати, немало в деятельности и других его потомков и предков).

Петр III — невежественный (в отличие от сына) и нелюбознательный (в отличие от деда) человек, лишенный ясных нравственных устоев, ленивый, невоздержанный, хотя и обладавший, правда, весьма своеобразным чувством юмора и демократизмом (общая черта деспотов), не выдержал испытания властью. Он решил, что сам сан самодержца — его лучшая и единственная гарантия и что он может всегда, в любой миг его жизни поступать так, как он того хочет. Император не был злобен. Он никого не казнил, не преследовал, более того, это ему принадлежит манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», освободивший это сословие от обязательной государевой службы. Это он окончательно упразднил страшное пугало петровской эпохи — Тайную розыскных дел канцелярию. Это он предвосхитил мысль Екатерины II о секуляризации церковных имений и запретил преследование возвращавшихся из-за рубежа раскольников. Это он закончил обременительную и ненужную России войну с Пруссией за чужие — австрийские и французские — интересы.

Но именно потому, что все его действия носили взрывной скоропалительный характер, ни у кого не было уверенности, что однажды выбранная система действий будет и дальше существовать. К порывам императора относились с опаской, а то и с прямым неприятием. Петр Федорович меньше всего был дипломатом и шармером: он полагал, что самодержцу это не нужно. А вот к эпатажу и кунштюкам сердце его так и льнуло, и он себе в них не отказывал. У гроба тетки, императрицы Елизаветы, он шутил, передразнивал священников, а в Духов день, как доносил французский посланник, «с громким смехом вышел из церкви». Адъютант начальника полиции Петербурга Андрей Болотов, часто наблюдавший императора, пишет о стыде, который охватывал присутствующих, когда Петр беседовал с иностранными дипломатами и проводил время в застольях с людьми случайными, например, с актерами и переводчиками итальянского театра. «А однажды, как теперь вижу, дошли до того, что вышедши с балкона прямо в сад, ну играть все тут же на усыпанной песком площадке, как играют маленькие ребятки; ну все прыгать на одной ножке, а другим спогнутым коленом толкать своих товарищей. А по сему судите, каково же нам было тогда смотреть на зрелище сие из окон и видеть сим образом всех первейших в государстве людей, украшенных орденами и звездами, вдруг спрыгивающих, толкающихся и друг друга наземь валяющих?»

Но, думается, публика не просто шокировалась эксцентричностью человека, который столь не похож был на государя. Дело, конечно, глубже: опасались тиранства, своеволия, ибо действия и поведение государя были непредсказуемы и выходки его могли рассматриваться как симптомы деспотизма. Страх перед самодержавным произволом и личной незащищенностью — вот что ощущали люди.

Боялись и возвращения к засилью немцев — пруссаков и голштейнцев. И Петр Федорович делал все, чтобы страхи эти умножить. Плохо было не то, что он вывел Россию из тяжелой войны, это-то хорошо, плохо было то, как он это сделал. В столкновении с Россией Пруссия потерпела поражение. Петр же превратил победу тетушкиных фельдмаршалов и генералов в национальное унижение. 25 февраля 1762 года в Петербург прибыл прусский посланник адъютант короля Гольц, и Петр III предложил Фридриху II самому составить мирный договор, условия которого Гольц затем прочитал императору без свидетелей. Гольц становится ближайшим другом Петра. Император публично клянется в верности своему кумиру — Фридриху II, носит его портрет в перстне, вешает другой — над изголовьем. И на-

конец, император объявляет, что начинает новую войну — с Данией, чтобы отвоевать Шлезвиг, ранее принадлежавший герцогству Голштейн. После странного окончания войны с Пруссией государство вовлекается российским императором (или принцем Голштейнским? — вопрошает все та же публика) в нелепую войну с Данией.

В Петербурге неспокойно. Русский современник оценивает июнь 1762 года как время «шаткое и самое критическое».

В Петербурге не просто неспокойно, в Петербурге — заговор. К июню 1762 года он созрел окончательно. И возглавляет его женщина, которую Петр III не терпит и всерьез не принимает, — его жена Екатерина Алексеевна.

Именно Екатерина оказалась тем центром, в котором соединились разнородные потоки оппозиции Петру III — и как личности и как воплощению (неважно, реальному или воображаемому) самодержавия деспотического.

Петр капризничал и кривлялся у гроба Елизаветы; Екатерина «в глубоком трауре приходила к гробу своей нареченной тетки и, став на колени, долго и глубоко молилась». Петр потешался над духовенством и выказывал презрение к православию, оставаясь в душе лютеранином. Екатерина была предупредительна с иереями и подчеркивала свою приверженность православию. Петр третировал гвардию, грозил распределить ее по армейским полкам. Екатерина, став любовницей Григория Орлова, завоевывала популярность гвардейцев; Петр, очертя голову, кидался в союз с Фридрихом II, готовился к бессмысленной войне с Данией. Екатерина подчеркивала приверженность австрийскому дому и не одобряла датский поход. Петр к месту и не к месту обращался к памяти деда, главным образом — памяти деда-самодержца. Екатерина показывала, что ей по душе просвещенное правление, что ей знакомы идеи Монтескье, Вольтера, она цитировала и Тацита.

Екатериной движет честолюбие, о котором мало кто догадывается, и страх за свое будущее.

Силы и личности заговора были разнородны. Орловы и близкие к ним вовлекли в него гвардейских офицеров, а те — часть солдат. Восторженная поклонница Просвещения, юная княгиня Екатерина Дашкова вела доверительные разговоры в петербургских салонах в пользу Екатерины. К заговору примкнули сановники из числа наследников тех, кто пытался обуздать самодержавие еще в 1730 году. Первое место среди них занимал Никита Иванович Панин, ранее посланник в Копенгагене и Стокгольме, а ныне — воспитатель наследника Павла Петровича. Панин был убежденным сторонником шведской системы, ограничивающей власть монарха, и надеялся, что Екатерина — регентша при малолетнем императоре после устранения Петра III — последует его советам. Граф Кирилла Григорьевич Разумовский, полковник Измайловского полка, малороссийский гетман, сочувствовал заговору.

Екатерина проявляла блестящие дипломатические способности. Она не разрушала иллюзий Панина и полунамеками обнадеживала Орловых, что возможен ее брак с Григорием, она не сводила Орловых с Разумовским, она предоставляла свободу рук Дашковой, не посвящая ее в свои связи.

Торжественное шествие Екатерины II по восшествии на престол.

Сергей Васильевич Салтыков.

Тревожен и страшен был петербургский июнь 1762 года.

После окончательного решения о походе в Данию гвардия открыто ропщет. Очевидец сообщает, что «безрассудство, упрямство и бестолковое поведение императора сделали его... настолько ненавистным, что в Петербурге, не остерегаясь более, все открыто уже высказывали свое недовольство».

12 июня, после трехдневных празднеств в честь мира с Пруссией, император уехал в Ораниенбаум, а через пять дней, 17 июня, Екатерина отбыла в Петергоф. Вероятно, именно в эти пять дней окончательно созрел сценарий переворота — арестовать императора в момент его возвращения в Петербург для начала датского похода.

В Петергофе Екатерина живет уединенно, никого не принимая, ни с кем не общаясь, никуда не выходя. Лишь 19 июня, по требованию императора, она появляется в Ораниенбауме — на домашнем спектакле, император играет в оркестре на скрипке — и в тот же день возвращается в Петергоф. Это был последний раз, когда она видела своего мужа.

А слухи, искусно подогреваемые сторонниками Екатерины, растут и ширятся в столицах и провинции, факты переплетаются с нелепицами, а то и с прямой ложью. Но общественное мнение, над которым Петр III глумился, полагая, что в России самодержцу все позволено, вершит свое дело.

Обстановка в Петербурге накалена до предела, достаточно искры — и последует взрыв. И искра вспыхнула.

Вечером в среду 26 июня капрал Преображенского полка, имени которого история не донесла, спросил поручика Измайлова, скоро ли свергнут императора. Измайлов, хотя и ощущавший атмосферу всеобщего неудовольствия, но в заговор не посвященный, передал о словах капрала ротному командиру, секунд-майору Воейкову, а тот — полковнику (впоследствии генерал-аншефу и сенатору) Федору Ивановичу Ушакову. Утром 27 июня, в четверг, капрала допросили в полковой канцелярии. И тут выяснилось, что он уже задавал этот вопрос капитану Пассеку, который, как и Измайлов, хотя прогнал его, но в отличие от Измайлова не донес по начальству. Более того, в канцелярии нашли показание какого-то солдата, что Пассек хулил императора. Кому-то из полковых чинов захотелось выслужиться, делу дали ход и послали подробный отчет Петру в Ораниенбаум. Пополудни из Ораниенбаума пришел приказ арестовать Пассека, что и было сделано в тот же вечер. И тогда заговорщики встревожились: ведь капитан-поручик гренадерской роты лейб-гвардии Преображенского полка (потом он станет камергером) Петр Бог-

данович Пассек был одним из наиболее посвященных и активных участников заговора. Неизвестно, случайность ли арест Пассека или власти напали на след? Неясно, даст ли показания капитан-поручик или останется стойким (Пассек не проболтался, но об этом не знают заговорщики)?

И тогда решили действовать, не дожидаясь появления Петра в Петербурге. Риск большой: не изолировав императора, низвергнуть его, провозгласить Екатерину, не будучи уверенными, что Петр не ринется в Кронштадт или в действующую армию. Но выбора не было, понадеялись на атмосферу всеобщего недовольства, на нерешительность и трусость императора и, конечно, на великое русское «авось».

И надежды их оправдались.

Утром 29 июня (это была суббота) Екатерина получила донесение от заседавшего непрерывно Сената, где содержалось поздравление с днем тезоименитства наследника цесаревича Павла Петровича (о Петре III — ни слова) и сообщение, что в столице все «состоит благополучно». В шесть утра войска двинулась к Петергофу. По пути Екатерину встретил вице-канцлер князь Александр Михайлович Голицын, который вез письмо Петра с предложением примирения и обещанием исправиться. Голицын, передав письмо, принес присягу верности Екатерине и присоединился к ее свите. В одиннадцать утра Екатерина в сопровождении конногвардейцев въехала в Петергоф, уже занятый ее передовыми частями. К тому времени гусары Алексея Орлова блокировали все подступы к Ораниенбауму и изолировали потерявшего всякое присутствие духа императора. В Петергофе Екатерина получила второе письмо Петра. Он просил прощения, отказывался от престола и умолял отпустить в родной Голштейн с Воронцовой и Гудовичем; он не знает, что решено заточить его в Шлиссельбург, куда отправлен посланец, чтобы приготовить каземат. Осталось только выманить Петра из дворца и избежать столкновения с голштейнцами. Миссию эту взялся исполнить генерал Измайлов. Генерал, которому Петр доверял... С готовым актом отречения Измайлов явился к Петру и через несколько минут получил желаемую подпись от императора, впавшего в состояние прострации.

В Петергофе, куда Петра привезли в первом часу дня 29 июня, он подвергся унижениям. История российская — и древняя, и новейшая — небогата примерами великодушия к проигравшим. Грубо приказали ему раздеться и, не дождавшись, сорвали преображенский мундир. Некоторое время он сидел в одной рубашке, босиком, под насмешки и издевки солдат. Потом упал в обморок. Очнувшись, умолял не разлучать его с Елизаветой Воронцовой.

Н. И. Панин, обращаясь спустя много лет к этому дню, сокрушенно писал: «...Считаю величайшим несчастием моей жизни, что был обязан видеть Петра в это время». А в пятом часу дня из ворот Петергофа выехала большая карета «с завешенными гардинами, у которой на запятках, на козлах и по подножкам были гренадеры во всем вооружении, а за ними несколько конного конвоя». Отрекшегося от престола императора увозили в Ропшу. Она станет для него последним и недолгим местом жительства.

Кончился для Петра еще один долгий июньский день, день его именин... Екатерина на полпути к Петергофу, возбужденная, торжествующая, измученная напряжением, заснула не раздеваясь.

А потом начался пир победителей. 30 июня, в воскресенье, императрица торжественно въехала в столицу во главе гвардейских войск и линейных полков. Из окон, с крыш, заборов народ шумно приветствовал императрицу. Звон колоколов смешивался с полковой музыкой. В полдень Екатерина прибыла во дворец, где ее встретили наследник, сенат, синод и придворные, а оттуда проследовала в церковь, к молебну. Сержант Преображенского полка Гавриил Романович Державин в своих «Записках» вспоминал: «...День был самый красный, жаркий. Кабаки, погреба и трактиры для солдат растворены — пошел пир на весь мир; солдаты и солдатки в неистовом восторге радости носили ушатами вино, водку, пиво, мед, шампанское и всякие другие дорогие вина и лили все вместе без всякого разбору в кадки и бочонки, что у кого случилось». Пил простой народ, не держалась на ногах и полиция.

Екатерина отблагодарила население, не только разрешив трехдневное пьянство в Петербурге. Был обнародован указ «об облегчении народной тягости»: снизили на десять копеек с пуда цену на соль, «яко самой нужной и необходимой к пропитанию человеческой вещи». Сколько же соли надо было съесть, чтобы ощутить это благодеяние! А вот сподвижники по заговору были действительно одарены щедро: повышения по службе, чины, пенсии, дворянские звания и, главное, души, сотни душ рабов-крепостных. Раздачи крестьян и укрепление власти дворян над ними будут сопровождать все царствование поклонницы Дидро и Монтескье, и пропасть, вырытая Петром I, будет углубляться.

А самовластие, боясь которого свергли Петра III? В манифесте Екатерины II о восшествии на престол назидательно сообщалось, что «самовластие, необузданное добрыми и человеколюбивыми качествами в государе, владеющем самодержавно, есть такое зло, которое пагубным следствием непосредственною бывает причиною». Екатерина не стала жестоким деспотом, но осталась самодержицей в полной мере.

Неудобством для Екатерины оставался свергнутый император. Судьба Петра Федоровича была предрешена, видимо, в тот день, когда его отвезли в Ропшу, не в Шлиссельбург, как вначале предполагалось. В России уже жил в это время в шлиссельбургском каземате один бывший император — полубезумный, несчастный Иоанн Антонович. Теперь второй? И это при полном отсутствии прав на престол у Екатерины при сыне-наследнике?

Решение, конечно, приняла сама Екатерина. Но никогда вслух не высказала. Ближние к ней люди это хорошо поняли, к тому же Орловых продолжали заманивать возможностью брака Григория с императрицей. Так свершался заключительный этап трагедии.

Орловы торопятся. Живой Петр Федорович — препятствие честолюбивым замыслам братьев. Уже 30 июня по Петербургу разносятся слухи, что Петр Федорович нездоров. А он чувствует себя отнюдь неплохо и просит привезти любимую кровать из Ораниенбаума. В тот же день, 30 июня, ораниенбаумская кровать появилась в Ропше. Получает он (также по его просьбе) скрипку, собаку и камердинера. Петра держат в тесной комнате, не разрешают выйти даже на террасу или в другое помещение. Над ним издеваются. Шестого июля утром вышедший в сад «подышать чистым воздухом» камердинер Петра внезапно схвачен солдатами, посажен в уже приготовленный экипаж и увезен. Петр остается один на один с тюремщиками...

Вечером из Ропши прискакал гонец с письмом Екатерины от Алексея Орлова. Пьяной рукой Орлов написал: «Но, государыня, свершилась беда. Он заспорил за столом с князь Федором; не успели мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помним, что делали, но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата. Повинную тебе принес и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее окончить». На ужине, кончившемся умышленным (и уж меньше всего случайным) убийством Петра, кроме Алексея Орлова и Федора Барятинского, присутствовали и другие, те, которые «все до единого виноваты»: будущий камергер Григорий Теплов, лейб-медик Карл Крузе, сержант гвардии Николай Энгельгардт, конногвардейский капрал Григорий Потемкин, отец русского театра Федор Волков и еще несколько человек. Кто из них задушил Петра, в точности неизвестно. Но убивали все.

На следующий день «скорбный» манифест Екатерины II сообщил, что «бывший император Петр Третий обыкновенным прежде часто случавшимся ему припадком гемороидическим впал в прежестокую колику» и скончался. В ночь с 7 на 8 июля тело Петра было перевезено в Александро-Невскую лавру. Гроб, обитый красным бархатом, с наброшенным на него парчовым покровом, вокруг которого не поместили ни орденов, ни других знаков отличия, был поставлен на катафалк. Как сообщали очевидцы, лицо одетого в форму голштейнских драгун императора «черно, чернее, чем у апоплектика. На шее широкий шарф, но офицеры не дают времени всмотреться, приглашая проходить, проходить...»

Народ, толпившийся вокруг церкви, долго не расходился, словно ожидая чего-то. Уже ходили, как отмечали полицейские донесения, по городу «неосновательные толки и пустые враки».

Ни новая императрица, ни придворные, ни простой люд — словом, никто из расходившихся после погребения и представить себе не мог, что эти толки и враки спустя годы вдруг обретут реальность в плутоватом, бородатом и трусоватом лицедее, который в странном и необъяснимом порыве примет имя погребенного в июльский день 1762 года человека и даст свое настоящее имя пронесшемуся по России жуткому и кровавому смерчу — пугачевскому бунту.

ИЗ КОСМОСА, ДЛЯ КОСМОСА

Звездная миссия «Гиппарха»

Спутник «Гиппарх», запущенный Европейским космическим агентством в 1989 году, из-за технических неполадок попал тогда «не на ту орбиту». Однако, как выяснилось позднее, он вполне справляется с возложенными на него задачами. От него уже поступила информация, достаточная для определения координат не менее чем ста двадцати тысяч звезд на небе. Астрономам на Земле до сих пор удавалось измерить положения только одной тысячи звезд, да и то самых ярких. Поскольку «Гиппарх» будет находиться в полете несколько лет, то можно ожидать, что с его помощью состоится еще много новых открытий.

«Летающий» робот

В Японии разработан «летающий» робот ОСВ. Его задача — заменить астронавтов в открытом космосе при ремонтных и монтажных операциях, а также при различных проверках систем вне герметизированных помещений. Аппарат ОСВ имеет собственные двигатели, телекамеры, телеманипуляторы и собственное энергетическое обеспечение. Системы его управления включают последние достижения в создании искусственного интеллекта. ОСВ будет работать и по командам с Земли и с борта орбитального комплекса «Фридом». Рождение нового робота связано с японским проектом по участию в строительстве орбитальной станции.

Для любителей острых ощущений

Японское национальное управление по исследованиям космического пространства НАЗДА занялось осуществлением программы практического освоения поверхности Луны. Предвидится, что эта программа будет реализована к 2005 году. Часть ее — сегодняшняя миссия первого японского окололунного спутника.

И еще одна космическая новость из Страны восходящего солнца: группа фирм разрабатывает проект орбитального тела, находящегося на высоте 450 километров над поверхностью Земли. Это сооружение в виде цилиндра длиной 240 и диаметром 140 метров сможет принять одновременно до ста любителей острых ощущений. Чтобы создать искусственную гравитацию, спутник будет вращаться вокруг оси с частотой три оборота в минуту. Ожидается, что первые гости появятся в космическом отеле в 2020 году.

Из пушки — на орбиту!

Кажется, настало время осуществиться одному из самых смелых проектов писателя-фантаста Жюля Верна. Не прошло и полутора столетий, как к техническому решению этого проекта вплотную подошли американские инженеры. В Ливерморской национальной лаборатории имени Лоуренса уже готовят к испытаниям такую газодинамическую пушку. Согласно расчетам, запуски с ее помощью искусственных спутников обойдутся гораздо дешевле, чем с использованием обычных ракет-носителей. Длина ствола пушки не менее семисот метров, при калибре более трех с половиной метров. Вместо пороха здесь сгорает воздушно-метановая смесь, которая толкает многотонный поршень. Тот в свою очередь сжимает водород. Сжатый легкий газ затем расширяется и выталкивает двухтонный снаряд со скоростью восемь километров в секунду.

Одна такая пушка выдержит до трех тысяч «выстрелов» — запусков спутников. Интересно, что весь проект выполняется в рамках Стратегической оборонной инициативы.

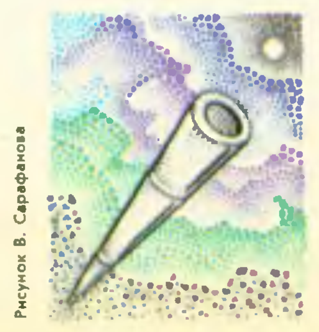

Рисунок В. Сарафанова

Букварь — через спутник

Индийское космическое агентство (ИКА) выдвинуло по своей инициативе небывалый проект использования космической техники... для решения проблемы борьбы с неграмотностью. Оно намеревается запустить пару искусственных спутников Земли, назначение которых — создавать условия для классных занятий в каждом сельском пункте. Эта программа, известная под названием «Грамсат» (слово «грам» на языке хинди означает «деревня»), таким образом, нацелена на обслуживание жителей 560 000 индийских деревень, где семьдесят процентов взрослых и детей лишены элементарной грамотности. Реализация этого замысла индийских инженеров, ученых и работников просвещения станет уникальным и радикальным мероприятием в области народного образования. Первый спутник будет запущен в 1995 году. Доктор Ю. К. Рао, директор ИКА, внес проект на утверждение правительства. Индия этим делает отличный подарок к Международному году грамотности.

Магнитного поля у Марса нет?

Длительные попытки доказать или опровергнуть существование у Марса собственного магнитного поля до сих пор не давали успеха. Важное слово в этом споре теперь сказано в работе Джанет Дж. Луман и Кристофера Т. Расселла из университета штата Калифорния, основанной на изучении данных, полученных приборами, установленными на борту космического аппарата «Фобос-2».

Оказалось, что магнитный «хвост», вытянувшийся от Марса в космическое пространство, выглядит так, как если бы он всецело был порожденим солнечного ветра. Этот поток заряженных частиц, извергаемых светилом, очевидно, просто обволакивает планету со всех сторон, а собственного магнитного поля она, по-видимому, не имеет. Если бы магнитное поле Марса было «внутреннего» происхождения, его конфигурация выглядела бы совсем иначе.

ПОНЕМНОГУ О МНОГОМ

Цветная тайна Нефертити

Зимой 1912 года известный немецкий археолог Людвиг Борхард начал раскопки в населенном пункте Тель-аль-Амарна, в Египте, где в далеком прошлом находился город Ахетатон, столица фараона-еретика Аменхотепа IV, или, как он назвал себя позже, Эхнатона (угодного Атону), жившего в XV веке до новой эры.

В центре города археологи неожиданно нашли кирпичную стену, за которой в беспорядке были разбросаны осколки статуй, болванки скульптур, гипсовые маски, инструменты ваятелей.

Вскоре была обнаружена большая комната, в которой оказались бюсты фараона и его семьи. Бюст Эхнатона был изваян в натуральную величину, лицо его было обезображено (это постарались жрецы после смерти «еретика»). А вот скульптурный портрет супруги фараона, царицы Нефертити, сохранился без повреждений.

Самой характерной особенностью бюста был своеобразный высокий парик, окрашенный в насыщенный светло-синий цвет. Заметим, что в Древнем Египте синий цвет волос считался цветом богов. Ученые были поражены тем, что великолепный ультрамарин сохранился в течение 3500 лет без каких-либо структурных изменений. Все повторяли один и тот же вопрос: каким образом древнеегипетские мастера добились столь чистых и устойчивых цветов?

Первоначально решили, что были использованы какие-то естественные красители. Но когда в 1923 году проводили первые исследования, выяснилось, что синий цвет получен с помощью искусственной краски. Какова технология ее производства, до конца не удалось выяснить и до сего дня. После длительного изучения проблемы в Швейцарском технологическом институте в Цюрихе ученые констатировали, что эта загадочная краска имела кристаллическую структуру (такой вывод был сделан в 1982 году). Следовательно, в Древнем Египте еще 3500 лет назад знали механизм синтеза кристаллических веществ, из которых изготавливали высококачественные краски.

Синий цвет бюста Нефертити (так называемая египетская лазурь) близок по цвету к краске, получаемой ныне из минерала лазурита. Но в Египте этот минерал встречается крайне редко, и едва ли он мог служить сырьем для получения синей краски, использовавшейся во времена фараонов в больших количествах — для фресок, настенной живописи, для иллюстраций на папирусных текстах и так далее. Так что древние мастера «были вынуждены» изобрести такую искусственную краску, секрет изготовления которой был впоследствии утерян. Правда, химическую формулу современные ученые все же установили. Но одно дело — знать формулу, а другое — получить такое вещество.

Предположили, что сырьем служила смесь естественных минералов — кальцита или известняка с лазуритом и кварцевым песком. Но из первых попыток использовать эту смесь ничего не получилось: песок, привезенный из пустыни, не отвечал условиям эксперимента, так как в нем содержится много железа. Нужный песок разыскали в Европе (тоже странно: неужели и египтяне возили его из тех же мест?). Смесь медленно нагревали в электрическом поле, датчики непрерывно сигнализировали об изменении температуры и массы вещества.

После многочисленных попыток ученые определили оптимальные физико-химические условия процесса. Синтез потребовал очень тонких измерений. Достаточно сказать, что скорость нагревания должна быть не более 6 градусов и не меньше 4 градусов в минуту. Максимальная температура в печи — не более 1000 градусов Цельсия. Требовалось присутствие и катализаторов.

Итак, похоже, что секрет древнеегипетских мастеров в основном раскрыт, есть технология получения египетской лазури. И все же... Какие весы отмеряли точное соответствие компонентов? Какова была конструкция печи, в которой 3500 лет назад поддерживали строгий температурный режим? Каким образом — с помощью каких приборов — контролировалась температура? Как регулировалась скорость нагревания? На эти вопросы ответов пока нет. Наверняка древние знали много больше, чем мы можем себе это представить.

ВО ВСЕМ МИРЕ

А жаль!

В свое время федеральное правительство США приложило руку к почти полному уничтожению овец породы навахо-чарро, известной своей выносливостью и особой, присущей только этой овце, шерстью, которая способствовала всемирной славе тканей, выработанных из шерсти овцы навахо. Эти овцы стали неотъемлемой частью культуры индейцев навахо после того, как они приобрели их у испанских поселенцев в начале XVII века. Когда армия США в 1863 году объявила войну народности навахо, в результате сражений было уничтожено почти все стадо этих редких животных. Позже, в период между 1930 и 1950 годами, в процессе осуществления федеральной программы сокращения поголовья домашнего скота индейцев навахо, которой предусматривалось уменьшение пастбищ и ограничение земель резерваций, было без разбора уничтожено все поголовье скота у племени чарро. Сейчас осталось менее тысячи голов этой ценной породы овец, что все же почти наполовину больше, чем было в 1985 году.

Как вращаются призмы

Известно, что предметы неправильной формы при падении вращаются. Южноафриканские инженеры обнаружили, что предметы в форме призмы вращаются только в том случае, если число их граней меньше восьми. Вращение зависит от числа граней, и в этом причина того, что призмы падают не вертикально вниз, а под определенным углом. Падающие плоские предметы вращаются быстро, но трехгранная призма — еще быстрее, четырехгранная — со скоростью двухмерного объекта, вращение пяти-, шести-, семигранных призм уменьшается с увеличением числа граней. Это открытие может быть полезно при выявлении причин авиационных катастроф.

Опыт Гумилева

С. Смирнов

Вот и не стало Льва Николаевича... На похоронах кто-то вспомнил одну эпитафию Эйнштейну: «Он вновь скрылся во Вселенной, как будто вернулся в родной дом». Так и Гумилев: завершив восьмидесятилетнюю экспедицию на Землю, он исчез, оставив прочные памятники своей бесстрашной мысли да непрочную память многих людей, которым он мешал жить привычной жизнью. Возмутитель спокойствия — таким его считали очень многие коллеги-историки, не задумываясь, *какое* это было спокойствие. Теперь можно ответить просто: спокойствие кладбища, где похоронены все непослушные крикуны, а всяк уцелевший сверчок знает свой шесток и не дерзает мыслить о запретном. Гумилев дожил до старости и в последние годы стал знаменит на всю Россию. Но сколько его ровесников того же интеллектуального калибра были остановлены абсолютной властью, сгинули безвестно и даже бесследно в юности или в расцвете сил!

Немногих уцелевших потомки нарекли «зубрами». Таковы Капица, Тимофеев-Ресовский, Лихачев, Гумилев. Почти все они «сидели» и, как правило, не под домашним арестом. Но Гумилев извлек из своего «сидения» неожиданную выгоду. Он использовал сталинские лагеря как небывалую полевую лабораторию этнографа и этнолога, где положение экспериментатора отличается от участи подопытных только одним: его мозг свободен, он умеет превращать бытовые наблюдения в научные гипотезы, тут же проверяя их практикой своих и чужих поступков и страданий.

Случайно ли гумилевские научные открытия сделал именно лагерник, а не обычный фронтовик, хотя фронтовиков было больше среди историков? Пожалуй, это не случайно. Фронтовик знает боевое братство, он может прийти к ключевому понятию консорция людей, сплоченных общей недоброй судьбой. Но на фронте не увидишь *десятки* разных консорциев, стиснутых вместе прессом лагерной неволи, а значит — не увидишь реакций между разными атомами и молекулами человеческого социума, не отличишь групповые императивы от личных особенностей поведения. Гумилев видел все это в течение четырнадцати лет, с перерывом на год войны и три года учебы — до очередного «ленинградского дела». Как-то раз его спросили: «Есть ли такие народы, представителей которых вы там *не* наблюдали?» Гумилев задумался, потом неуверенно ответил: «Разве что индусы! А прочие все были — англичане, американцы, турки, персы, корейцы, китайцы... И среди русских — казаки, баптисты, власовцы, коммунисты...» Вся этносфера Земли под боком, и никто не скрывает свои душевные порывы! Вот и стал Л. Н. Гумилев основателем двух новых ветвей на вековом древе истории.

Почему одной из этих ветвей оказалась средневековая номадистика — наука о кочевниках? Лев Николаевич объяснял это просто: в детстве он, как многие мальчишки, увлекался книгами об индейцах, а потом заметил, что в России есть множество «своих индейцев», которых ни один историк толком не изучал. Так родился (примерно в 1935 году) замысел «Истории Великой Степи» на всем ее протяжении — от хунное до монголов и ойратов. Потом был лагерь, а в нем — тесное общение с бурятами и татарами, калмыками и казахами, якутами и хакасами. Все они стали героями четырех главных книг Гумилева, написанных после возвращения в Ленинград в 1956 году: «Хунну», «Хунны в Китае», «Древние тюрки», «Поиски вымышленного царства». Над горизонтом российской исторической науки взошла сверхновая звезда небывалой яркости и цвета: спокойствие возмутилось...

Вспышки сверхновых достойны тщательного анализа. Биография Л. Н. Гумилева не составляет исключения. Всю жизнь он был в основном самоучкой, начиная с тихой школы в Бежецке, где геометрию изучали кое-как, физике вовсе не учили, а историю преподавал вчерашний питерский студент, благоговевший перед античными классиками. Кажется, тогда у юного Льва зародились первые сомнения. Мы знаем, что римляне и пунийцы воевали на равных, но изучаем эти войны только по римским источникам. А ведь в них, наверное, и вранья немало! Мы скорбим о разорении русских городов половцами. Но Владимир Мономах, должно быть, не меньше лютовал, разоряя половецкие кочевья зимой, когда степняки бессильны в глубоких снегах! Так постепенно вызревал особый, гумилевский стиль отношения к историческим источникам: полное уважение в сочетании с полным недоверием. Ибо летописец был человек вроде нас: умный и пристрастный, он втискивал известные факты в систему своих понятий, пренебрегая всем, что в нее не умещалось.

Так пролегла первая грань между Гумилевым и большинством его коллег — умных и скептичных источниковедов, не спорящих с начальством и готовых считать истиной каждую букву источника, но не вполне доверяющих собственной мысли, а еще меньше — мысли своих современников.

Почти все деловые возражения против статей и книг Гумилева сводились к простому доводу: «Автор Цзинь-шу пишет об этом иначе; значит, Гумилев не прав!» А почему не наоборот? Китайский придворный историк, конечно, лучше знал подробности очередной войны с «северными варварами»; он мог иметь свое мнение о причинах и справедливости этой войны. Даже мнение, отличное от воззрений Сына Неба. Но могло ли такое мнение историка попасть в официальный текст? Стоит вспомнить трактовку финской или корейской войны в трудах советских историков, и все встанет на место!

Сейчас многие из тех, кто ругал или игнорировал Гумилева в шестидесятые годы, говорят о нем с уважением. И кажется, не кривят душой. Не кривили и тогда. Просто душа такая — приученная зависеть то от царя, то от народа. Гумилев же был духовно независим от объектов своего изучения — от царей, народов и так далее. В этом корень его замечательных научных успехов и постоянных бытовых неудобств. Коммунальная квартира в ветхом доме на Большой Московской, сосед-осведомитель из бывших милиционеров, должность старшего научного сотрудника на географическом факультете ЛГУ, небольшой кружок друзей в Географическом обществе — и стойкая ненависть администраторов из Института этнографии, не способных примириться с существованием богатыря-конкурента, не дерзающих даже присвоить его рискованные открытия.

Ибо Гумилев работал рискованно. Разобравшись в динамике кочевых обществ с их простой и устойчивой экономикой, он почувствовал, что обнаруженные им закономерности этнической эволюции действуют на куда более широкой сцене. Консорции наблюдаются не только у хунное и монголов, но также у китайцев и великороссов, у римлян и англичан; и возможно, *все* народы проходят в своем развитии одни и те же возрасты! То есть Гумилеву повезло с кочевниками так же, как прежде Менделю повезло с горохом. Там оказалась наглядной схема *наследования* видовых признаков, здесь оказались на поверхности *переходы* между возрастами этноса.

Но изучать динамику этносферы во многом легче, чем разбираться в биосфере. Ведь человеческую летопись пишут сами люди, склонные уделять особое внимание переломным моментам своей истории. Геологическая же летопись фиксирует только долгие эпохи стабильности таксонов и ценозов, а краткие периоды «доминантного разбоя» среди генов и «ценотических катастроф» во флоре и фауне остаются «белыми пятнами». Оттого «менделизм» и «дарвинизм» до сих пор не срослись в единую строгую модель биоэволюции. Гумилев же дерзнул применить свою схему смены

5*

возрастов этноса ко всем без исключения народам Земли, разложить в «ряд Фурье» по этногенезам всю историю человечества и даже разобраться в глубинных причинах этнической эволюции. Легко вообразить, на сколько любимых мозолей он при этом наступил, какой шум поднялся в ученом мире и около него!

Нельзя сказать, что до Гумилева этих проблем никто не касался. Еще в XIV веке марокканец Ибн Хальдун заметил периодичность в политическом развитии кочевых народов Африки и Азии. Но он не стал углубляться в этот предмет, видя здесь лишь неизреченную волю Аллаха. К началу XX века идея о естественном старении и гибели всех народов и цивилизаций стала популярна в Западной Европе. Но *рождением* новых народов не интересовался ни один крупный историк вплоть до Арнольда Дж. Тойнби. В начале тридцатых годов этот дерзкий англичанин предложил довольно стройную схему развития и угасания типичной человеческой цивилизации и дал общее описание зачинателей такой цивилизации (например, христианской, исламской или эллинистической). Они, по мысли Тойнби, образуют некое «творческое меньшинство» в рамках «внешнего» или «внутреннего» пролетариата, порожденного мировой державой — последним продуктом развития предыдущей цивилизации.

Однако какие природные силы связывают вместе членов «творческого меньшинства», что вынуждает их творить нечто новое — об этом Тойнби ничего конкретного сказать не смог. Он как бы создал «статистическую физику» человеческого социума, описал в нем феномены плавления и кристаллизации, но не дошел до атомно-молекулярной химии этой диковинной физической среды. Следующий шаг в построении физики социума сделал Л. Н. Гумилев — человек, которого по воле судьбы никто не учил ни физике, ни химии. Не учили его и английскому, так что прочесть Тойнби в подлиннике Гумилев не мог; а перевести и издать у нас «буржуазного» историка, чьи книги пылятся в спецхране, было невозможно вплоть до девяностых годов. Поэтому легко предположить, что в XXI веке историки науки назовут Гумилева «учеником и преемником» Тойнби. И кто-нибудь пожалеет, что научная переписка двух гигантов не сохранилась в архивах Оксфорда, Петербурга или Норильска... Кто не верит в такую возможность, тот пусть почитает современные домыслы об отношениях между Ньютоном и Лейбницем.

Вернемся от лирики к физике. Не будучи учен ее традиционным ветвям, Гумилев сам открыл для себя более подходящий «квантовый» стиль рассуждений. Ведь социум — это просто скопление людей, обменивающихся между собой разными поступками. Эти поступки скрепляют социум, превращая его (в зависимости от преобладающего типа поступков) в консорций, этнос, державу или цивилизацию. Каждому из этих возрастов народа соответствует свой императив отношений между людьми. Гумилев описывал эти императивы своим «забавным русским слогом»: «Будь таким, каким ты должен быть!»; «Будь таким, как все!»; «Будь таким, как я!»; «Будь самим собою!» и т. д. Физики-ядерщики используют для описания своих объектов чуть менее понятную терминологию: вместо императивов у них разные заряды (электрический, барионный, лептонный), а вместо поступков — разные типы квантов обменных полей. Например, фотоны скачут внутри атома, мезоны — между протонами и нейтронами в ядре, глюоны — между кварками в протоне.

Однако «алгебра рассуждений» в этих двух мирах оказывается почти одинаковой, то есть история становится равноправной ветвью физики, вполне *естественной* наукой, без лишних гуманитарных таинств! Такой вывод, конечно, обидел многих «чистых» гуманитариев. И, напротив, он воодушевил гораздо большее множество физиков. Они составляли «творческое меньшинство» почти на всех публичных лекциях Л. Н. Гумилева в семидесятые годы, когда «Пассионарная теория этногенеза» шагнула в народ, задолго до ее официальной публикации.

Впрочем, с пассионарностью вышла загвоздка: несмотря на всю эрудицию и красноречие, Гумилев не смог определить это ключевое понятие так, чтобы все его понимали одинаково — и физики, и лирики. И не он первый потерпел фиаско. Тойнби тоже не сумел объяснить своим читателям, чем «творческое меньшинство» отличается от иных людей повышенной активности. Например, создатель партизанского отряда: чем он отличается от рядового партизана и чем — от главаря банды уголовников? Согласно Гумилеву, партизанский командир — чаще всего *пассионарий* (хотя он может быть и *гармоником*), рядовой партизан — почти всегда гармоник, а главарь банды, как правило, *субпассионарий* (хотя он может быть и пассионарием. Но тогда он не задержится среди бандитов, а пойдет дальше, как пошел Тамерлан). С другой стороны, Ньютон — тоже пассионарий, хотя он вполне самовыразился в науке, а общественной активностью не отличался...

Такая путаница приводит к простому выводу: за одним термином «пассионарность» скрывается группа разных понятий. Различить их можно только в рамках строгой физической теории подобно тому, как разделились многообразные смыслы термина «сила», охватывавшего некогда энергию, импульс, работу, мощность и т. п.

Гумилевская «пассионарность», видимо, ближе всего к физическому *действию*, введенному в XVIII веке П. Мопертюи как характеристика перехода кинетической энергии в потенциальную или обратно. Строгое определение таково: действие есть интеграл по времени от разности между кинетической и потенциальной энергиями. Мопертюи заметил: все механические процессы протекают так, что действие в них принимает наименьшее значение. То есть природа — «лентяйка» и избегает переводить один вид энергии в другой без крайней нужды. Эйлер тогда возразил своему ученому другу: математические рассуждения доказывают лишь *экстремальность*, а не минимальность действия. То есть возможны природные процессы, где действие принимает даже *наибольшее* значение! В механике этого не бывает, но в других ситуациях может и быть. Кто знает?

Теперь мы знаем ответ: траектории экстремального, но не минимального действия обычны там, где нарушен закон сохранения полной энергии. Например, в живых системах, поглощающих энергию извне и излучающих ее наружу. Таковы люди; оттого разные отрезки их биографий нередко изображаются траекториями экстремального, но не минимального действия. Это и есть «пассионарии» или «субпассионарии» в отличие от «гармоников», чьи биографии соответствуют минимальному действию. А разница между двумя типами «активистов» (героями и эгоистами) выражается в знаке их действия: одни переводят свою кинетическую энергию в потенциальную, создавая новые понятия и ценности и придавая новые смыслы человеческой жизни; другие лишь сжигают привычные ценности (переводят потенциальную энергию в кинетическую), сводя человеческую деятельность к животной борьбе за существование.

Чередование плавления и кристаллизации новых понятий, ценностей и императивов составляет главное содержание эволюции разума на Земле. Л. Н. Гумилев на редкость удачно подошел к этому высшему таинству природной эволюции и продвинулся так далеко, как ему позволили его личная пассионарность и эрудиция. Исторической эрудиции хватило: в силу своей биографии Гумилев одинаково хорошо понимал динамику социума «вблизи» и «издали». Недаром самая увлекательная из его книг («Поиски вымышленного царства») разделена на главы согласно уровням приближения наблюдателя к объекту: «трилистники» Птичьего Полета, Кургана, Мышиной Норы и Письменного Стола. По тем же биографическим принципам Гумилеву не хватило физической эрудиции, чтобы строго сформулировать общенаучную суть своей работы. «Экспериментальное обнаружение и исследование свойств траекторий экстремального, но не минимального действия в социальной эволюции» — никогда бы Л. Н. Гумилев не написал статью с таким названием! Вот и осталась не отмечена Нобелевской премией по физике еще одна работа, работа, сравнимая с открытиями Резерфорда и Бора. Что поделать, Нобелевский комитет состоит в основном не из гениев! Так остались без премий Тойнби и Гумилев; Резерфорд получил премию по химии, Бора наградили «за расшифровку атомных спектров», а Эйнштейна — «за объяснение фотоэффекта». И так далее. Верно предупреждал горький юморист С. Е. Лец: «Не вырастай выше мавзолея!»

Но вернемся к исторической науке, не подвластной лавровым венкам и недомыслию узких специалистов.

Описав феномен пассионарности, выяснив его значение для эволюции человечества, вплотную подойдя к пониманию его физической сути, Гумилев неизбежно задумался о происхождении «пассионарных вспышек». Что вызывает эти краткие «творческие взбрыки» в биографии индивида или в жизни человеческой популяции? Если у них нет единой простой причины, то в каких условиях они становятся более вероятны? Физика подсказывает лишь самые простые соображения: траектории экстремального, но не минимального действия проявляются в экстремальных, но не минимальных условиях!

В жизни самого Гумилева таким условием было частое чередование периодов острого бытового дискомфорта с периодами столь же острого интеллектуального торжества. Из бежецкой школьной тишины — в пламя научной мысли Ленинградского университета. А там — контраст общих «интеллектуальных пиров» и персональной дискриминации сына расстрелянного «белого» офицера. Потом лагерь: в нем сочетание физического рабства и внутренней духовной свободы стало еще острее. Затем — фронт, штурм Берлина в составе нового солдатского консорция. Далее — возвращение в Ленинград и новые интеллектуальные пиры на послевоенном пепелище, среди общих надежд на лучшую жизнь. Потом опять лагерь, где ученый-зэк сознательно глушил тоску научными наблюдениями своей и чужой духовной активности. Наконец — свобода, пятьдесят шестой год! И вдруг — стихийное отчуждение массы ленинградских коллег, готовых принять «блудного младшего брата» в общую ученую среду, но вовсе не готовых увидеть в простом лаборанте Эрмитажа зрелого научного лидера, накопившего «нобелевский» заряд пассионарности и готового создавать новые науки на той ниве, где уцелевшие и притихшие «советские» историки привыкли лишь скромно писать очередные диссертации.

Вдумаешься в это, и жуть берет: неужели лишь в таких передрягах вырастают нобелевские лауреаты? Не может быть! Не так было с Ньютоном, Эйнштейном, Ломоносовым, Тойнби... Конечно, жизнь их протекала негладко, характеры у всех были нелегкие, это обостряло восприятие даже незначительных жизненных невзгод, которые обычный человек переживает без последствий для себя и для истории. Но почти никому из великих научных открывателей судьба не уготовила такой мощной «дискомфортной мотивации», как Гумилеву. И обходятся же без этого нобелевские лауреаты наших дней! Их ведь много, и почти все они живут не в той злосчастной стране, где вырос и выжил Лев Гумилев...

Да, не в той стране, но в том же безумном мире. Эйнштейн не сидел в лагере, но сколько раз он бывал притесняем и гоним как «слишком умный еврей» или как «еврей-безбожник»! Лучшее свое научное творение — общую теорию относительности — Эйнштейн создал в разгар мировой войны. А потом он вдруг иссяк, в сорок лет оторвавшись мыслью от действующего консорция более молодых гениев. Ньютон отгорел еще раньше: к тридцати годам он завершил свои научные открытия и лишь в сорок лет оформил их, написав под давлением ученых друзей бессмертный обзор вершин физики и математики XVII века. Кстати, происходило это сразу после затухания двадцатилетней кровавой английской революции. И в нашем веке расцвет теоретической физики почему-то пришелся на годы фашистского кошмара и холодной войны...

Похоже, что любая цепочка стихийных колебаний внешней среды приводит весь социум в «дискомфортное» состояние. При этом неизбежно проявляются во множестве «пассионарии» и «субпассионарии». Они интенсивно взаимодействуют, создавая друг для друга дополнительные колебания комфортности. И эта цепная реакция порождает очередную вспышку социальной эволюции. При этом чем сложнее социум, тем меньшие колебания внешней среды могут стимулировать в нем пассионарную вспышку. В средние века для этого требовалась война или многолетний неурожай, а сейчас хватает колебания цен на нефть, появления вируса СПИД, открытия высокотемпературных сверхпроводников или слухов о нарушении прав человека в Китае...

На этом фоне нобелевские лауреаты идут косяком, и консорциев рождается немало. Правда, не все они порождают новые этносы, но ведь и в биосфере не каждый мутант становится предком нового вида. Очевидно, мы еще многого не понимаем в высшей алгебре и гармонии пассионарности. Со временем открытия Гумилева в этой сфере, наверное, покажутся такой же «элементарщиной», какой сейчас многие считают «простенькие» опыты Менделя с горохом или «случайное» открытие радиоактивности. Но кто-то должен был сделать первый шаг, чтобы все вокруг поняли: *это можно!* Гумилев сделал такой шаг: он проник в тайну этногенеза и одним рывком вернул российскую историческую науку на передний край мировой естественнонаучной мысли. Всю жизнь он считал себя удачливым человеком, а страдания, по его мнению, входят в профессию любого исследователя природы. Теперь он вновь исчез во Вселенной, пробудив своим примером очередное поколение пассионариев. Но место лидера пока пустует.

Кто сделает следующий шаг? ●

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД "КУЛЬТУРНАЯ ИНИЦИАТИВА":

ОБНОВЛЕНИЕ СТРАТЕГИИ И ПОЛИТИКИ

При всех трудностях переломного периода в жизни России одна черта отличает наше время несомненно. Это - резко возросший поток новаторских и предпринимательских инициатив, творческий поиск новых решений, возможно подчас и ошибочных, но в целом позволяющих продвигаться вперед. Возникают новые сетевые структуры, формируются законодательные условия для организационного новаторства, вокруг инициативных групп проявляются ростки новых пластов социальной жизни.

Одним из заметных социальных новшеств последних лет стало появление неправительственных благотворительных фондов и организаций. На самом деле движение благотворительности и милосердия в России имеет многовековую историю. На разных этапах оно выполняло важную роль внегосударственной помощи социальным группам и нуждающимся гражданам, сохранения и развития культурного генофонда нации, поддержки новаторских и нетрадиционных инициатив в обществе. В России сегодня кризис традиционных государственно-политических структур и высокая неопределенность развития экономики и социально-культурной сферы с неизбежностью ставят задачу возрождения и развития благотворительного сектора, помощи как слабозащищенным слоям населения, так и тем, кто осуществляет новаторские интеллектуальные "прорывы" для успеха страны. Пятилетняя история Международного фонда "Культурная инициатива" - осуществление благотворительных акций, предоставление грантов в области науки, образования, культуры, формирование новаторских структур - свидетельствует о принципиальной возможности успешного решения этой задачи.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

В современных индустриально развитых странах благотворительные фонды аккумулируют значительные ресурсы и решают важные задачи здорового развития общества, дополняя и продвигая социальные, образовательные инициативы, проекты охраны окружающей среды и здравоохранения, программы поддержки культуры, музеев, научных исследований и т.п. С переходом России к рыночной экономике и формированием гражданского общества появляется необходимость в аналогичных структурах в нашей стране.

Международный Фонд "Культурная инициатива" - негосударственная бесприбыльная благотворительная организация - был создан в 1988 году в целях содействия политическим и экономическим реформам, распространения знаний и прогрессивных элементов культуры. При основании Фонда его учредителями выступили отечественные благотворительные организации и Open Society Fund (США), возглавляемый крупным американским финансистом Джорджем Соросом.

Оценивая пятилетние итоги работы Международного Фонда "Культурная инициатива" , можно с уверенностью сказать, что результаты деятельности Фонда проявляются в поддержке нововведений и появлении инициатив, оказывающих влияние на жизнедеятельность общества, способствуют демократизации общества и формированию образованного и граждански сознательного поколения XXI века.

Финансовые средства Фонда формируются из взносов учредителей, добровольных пожертвований организаций и частных лиц. Они расходуются на поддержку и финансирование инициативных проектов и программ Фонда, командирование ученых и специалистов, студентов и аспирантов за рубеж, проведение конференций, экспертизу экономических и иных программ. За годы существования Фонда поддержаны сотни программ, тысячи специалистов побывали за границей. Руководство Фонда стремилось найти таких получателей грантов, которые помогали бы обществу обретать гуманные, демократические черты, обогащать сокровищницу человеческих знаний.

В 1991 году получателями грантов выступили представители более 50 городов России, а также Прибалтики, Украины, Узбекистана, Грузии. Фонд "Культурная инициатива" поддерживал стажировки студентов и аспирантов в ведущих научных и учебных центрах мира. В рамках Travel Program и других проектов были организованы стажировки в Гарвардском и Стэнфордском университетах (США), Оксфордском, Манчестерском университетах, Лондонской школе бизнеса (Великобритания), осуществлялась широкая программа в Центрально-Европейском университете, а также совместно с другими научными и учебными центрами в разных странах. Фонд поддерживал участие талантливых ученых и специалистов в международных конференциях и симпозиумах, работу в архивах Германии, США, Франции и др. Фонд поддержал и оказал финансовое содействие проведению крупного Конгресса Соотечественников, на котором впервые представители российской диаспоры обсуждали в Москве проблемы и перспективы возрождения Отечества, участвовал в организации и проведении других престижных научных и практических форумов. Значительное место в работе Фонда занимала издательская деятельность. Издавались различные книги, сборники. Получали поддержку независимые издательские центры.

Сегодня Фонд находится на этапе обновления. Складывается собственное лицо Фонда, формируются приоритетные интересы и вокруг них - группы высококвалифицированных экспертов и энтузиастов. Ведется поиск новых форм сотрудничества с различными организациями, авторитетными зарубежными партнерами. В целом, делаются новые энергичные шаги для выдвижения Международного Фонда "Культурная Инициатива" в число авторитетных благотворительных бесприбыльных организаций в мире.

ФОРМИРУЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ

Год 1992 был периодом глубокой трансформации взглядов на содержание деятельности Фонда и его роль в обществе. Год назад руководство Фонда внимательно проанализировало работу организации, провело анкетирование членов Правления и экспертов, изучило оценки общественного мнения. Результаты показали, что к сильным сторонам деятельности Фонда относят прежде всего выявление болевых точек общества, способность сосредоточиться на серьезных проблемах, оперативность в решении многих вопросов, демократизм процесса

выдачи грантов, поддержку независимых начинаний, неформальность принятия решений, гибкость маневра средствами, независимость от госструктур и политических сил, ориентацию на мыслящую интеллигенцию. Критическая оценка деятельности Фонда включала факты приоритетного поощрения одиночек, а не "ячеек" науки, образования и культуры, наблюдавшееся распыление средств, внутреннюю борьбу групп экспертов, незадействованность Правления в повседневных делах, неэффективную организацию обратной связи с грантополучателями, сильную завязку на "столичный" круг и слабые связи вне столицы; инертность собственных шагов по провоцированию инициатив; отсутствие горизонтальных связей между проектами.

Отвечая на вопросы о том, с чем столкнется Фонд в 1993-94 гг., участники опросов указали прежде всего на проблемы, связанные с нестабильностью общества и потенциальными социальными взрывами, с общим кризисом научного, преподавательского, культурного и издательского дела в Росиии. Гиперинфляция, исчерпание ресурсов, по мнению некоторых, приведут к снижению внимания к новым начинаниям, а социальный хаос и экономический коллапс поставят перед инициаторами и грантополучателями прежде всего проблемы выживания. Не исключались попытки подчинить деятельность Фонда государственным институтам. Видение долгосрочных перспектив Фонда многогранно. Фонд-2000, если переживет трудное время, по мнению его руководителей, выйдет на путь финансирования крупных приоритетных программ. Расширится международная деятельность, будут новые спонсоры. Правление будет омолаживаться, и его основу составят инициативные люди. Регулярно будет оказываться поддержка научных направлений, изданий, прогрессивных форм обучения. В целом Фонд может и должен стать престижным общественным институтом, важной частью интеллектуального и благотворительного истеблишмента с собственной политикой и активным участием в формировании инфраструктуры гражданского общества.

Таким образом, объективный взгляд на положение вещей, на потенциальные возможности Фонда, способности его коллектива и единомышленников составил основу обновления стратегии. Мы исходили из того, что при ограниченности ресурсов Фонд не может охватить все вопросы инвестиционной деятельности в интеллектуальное производство, поддержать любые инициативы в сферах культуры, науки, образования, здравоохранения и социального обеспечения. В то же время концентрация усилий на ключевых направлениях, правильный выбор самих направлений поддержки инициатив и развития кадров оказываются сегодня критически важными.

НОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ И НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Выработка эффективной политики Фонда потребовала четко сформулировать его приоритетные цели. В наиболее общем виде они включают содействие созданию демократического общества на территории бывшего СССР и включению его в мировое сообщество; инвестиции в нововведения в интеллектуальной сфере, прежде всего в создание новых идей и концепций в сфере науки, культуры, образования; создание прообраза авторитетной негосударственной бесприбыльной организации, поддерживающей новаторские инициативы передовых мыслителей и предпринимателей, творческих коллективов и организаций; распространение культурных ценностей и содействие культурному

взаимообогащению народов мира. Одновременно были уточнены основополагающие принципы деятельности как-то: общественная значимость проектов и программ; поддержка индивидуальных свобод и прав человека; содействие творчеству и предпринимательству; бесприбыльный характер деятельности; глобальная ориентация деятельности.

В итоге сложилась новая ситуация с приоритетными направлениями деятельности. Они сосредоточились прежде всего вокруг перестройки образования, поддержки науки, содействия развитию открытого общества, объективной работы средств массовой информации, формирования целевых культурных центров и инициатив.

В области образования акценты стали смещаться прежде всего в пользу крупномасштабных программ, имеющих национальное и международное значение. Оцениваемая свыше пяти миллионов долларов программа "Трансформация преподавания общественных наук" предполагала содействие пересмотру учебных программ и методов обучения в школах и вузах России (и Украины), публикации новых учебников и учебных пособий. В ее реализации приняли участие и руководителиминистерств и ведомств, и просветители-новаторы, и зарубежные эксперты. Другое направление образовательной активности Фонда включало проведение конкурсов для получения стипендий (например, стипендии Бенджамена Франклина - совместно с правительственными органами США) и стажировок в престижных международных учебных центрах и университетах (например, Центральный Европейский университет). Особое место занимает программа подготовки и повышения квалификации управленческих кадров на зарубежных предприятиях и в школах бизнеса (в частности, совместно с Консорциумом американских университетов в центральной части США). Наряду с этим был создан Международный центр экономического образования как координатор многих международных проектов. Продолжали действовать традиционные программы по линии Центрально-Европейского университета.

Осуществлявшаяся в 1992 году программа поддержки академической науки в Сибири в полмиллиона долларов доказала свою эффективность и послужила прообразом учрежденного Международного научного фонда - фонда в сто миллионов долларов для поддержки ученых и специалистов в бывшем СССР. Сибирская программа предполагала распределение стипендий на исследования среди ученых Академгородка в Новосибирске, поддержку компьютерного центра и библиотеки. Аналогичный проект разворачивается в Нижнем Новгороде. Другой проект предполагал конкурсное распределение трех тысяч грантов для поддержки научных проектов прежде всего в области естественных наук.

Следуя своим целевым установкам, Фонд вносил свой вклад в рзвитие гражданского общества в России. Среди поддержанных инициатив - создание Международного центра исследований по правам человека, поддержка масштабной конференции по вопросам тюремной реформы, публикации по сравнительному анализу политических культур, инициирование Центра исследований межэтнических конфликтов и другие.

Поддержка проектов в области средств массовых коммуникаций включала совместную работу с радиокомпанией Би-Би-Си по повышению качества радиовещания независимых станций, в частности по экономическому образованию, с "Интерньюс" - по повышению квалификации тележурналистов. Совместно с "Интерньюс" была проведена международная конференция по вопросам содействия средствам массовой информации и осуществлению более объективных репортажей в странах СНГ.

Заметным событием в рамках программ поддержки культуры стало создание Центра современного искусства Джорджа Сороса. Он призван осуществлять программы поддержки независимых художников, организации выставок, причем в тесном контакте с аналогичными центрами Центральной и Восточной Европы. Кроме того, Фонд способствовал привлечению талантливых художников, искусствоведов к участию в программах иных международных фондов, например Фонда Пола Гетти, Фонда Краснер-Поллак.

Последовательное формирование этических стандартов деятельности, поддержание соответствующей организационной культуры, непрерывное обучение сотрудников (и в будущем - представителей его партнеров) - критическое условие для Фонда.

В 1992 году Фонд осуществлял последовательную политику создания "имиджа", используя разработанную символику, язык и мифологию, логотип и др., привлекал на презентационные мероприятия авторитетных лиц из политической и общественной жизни. Усиливалась рекламная кампания, укреплялся контакт с прессой, к пропаганде привлекались члены Правления, Экспертного совета. Подготовлена серия презентаций как в России, так и в США и других странах. Критическим фактором представляется репутация Фонда как неправительственной, непартийной, некоммерческой организации.

Организационная культура Фонда включает разделяемые работниками ценности и убеждения, которые предопределяют нормы их поведения и характер жизнедеятельности организации. Организационная культура, на наш взгляд, должна иметь необходимую гибкость и обеспечивать доверие и сотрудничество в Фонде; поддерживать приверженность к высоким этическим стандартам в организации; сохранять индивидуальность работников в организации. В целом руководство Фонда верит в необходимость такой организационной культуры и климата, в основе которых лежат уважение к достоинству людей, к ценности индивида, поощрение инициативы и раскрытие творческого потенциала, предоставление возможностей для развития. И результаты налицо. В 1992 году при значительном обновлении кадрового состава в целом удалось создать дружную работоспособную команду профессионалов-единомышленников, направляющих свои усилия на поддержку интеллектуальных "прорывов" для успеха России.

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ РАЗВИТИЕ ФОНДА

Реализация стратегических установок в 1992 г. потребовала существенных изменений в организации работы и в действующей практике принятия решений.

Прежде всего оправдал себя целостный комплексный подход к развитию Фонда как динамичной, гибкой организации. Тем самым предпринимаемые Фондом меры рассматривались через призму процветания науки и культуры, в форме актуальной и полезной информации, общественного влияния, благоприятных условий для инвестирования, формирования сетевых структур и т.д. Инструментами аккумулирования результатов все более рассматривались отчетные конференции родственных проектов, публикации, собственный культурный центр,

где можно коллективно пользоваться результатами проектов и иной информацией. Усиливалось внимание к качеству научных и иных отчетов, предоставление которых предусмотрено договорами с грантополучателями ("обратная связь").

В рамках механизма выдвижения предложений Фонд повысил внимание к предоставлению подробных объяснений по содержанию порядка и формам подачи предложений, ставя задачу последовательного увеличения выдвигаемых предложений и аккумулирования инициативы. Сегодня ясно, что необходимо открыто объявлять результаты приема предложений, укорачивать сроки рассмотрения предложений, проводить кампанию по моральному поощрению успешных проектов и лидеров.

Также были внесены значительные изменения в организационную структуру Фонда. В частности, в деятельность Правления был введен принцип ротации, что предполагает сменяемость не менее трети членов Правления ежегодно; был создан Исполнительный комитет Фонда как коллективный орган оперативного руководства Фондом; усилилась роль матричных принципов руководства; повысился статус и расширились полномочия директоров программ. Постепенно менялось соотношение полномочий и функций служб, обеспечивающих инфраструктуру внутри Фонда силами его сотрудников, расширялся круг функций, которые разумно передать на контрактной основе высокопрофессиональным организациям и экспертам. Интенсивными оставались контакты и сотрудничество с региональными центрами в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Новосибирске.

Фонд развивал международные контакты, укреплял связи с зарубежными партнерами (Фонд братьев Рокфеллеров, Фонд Национального Форума, Совет Фондов (США), благотворительные фонды Германии и др.). Фонд принял приглашение Европейского Центра Фондов вступить в эту организацию в качестве ассоциированного члена, получив тем самым доступ к информации и техническому содействию со стороны ведущей в Европе организации, координирующей сотрудничество благотворительных фондов, обеспечив включение в европейские структуры и возможность развития контактов с зарубежными партнерами.

РАЗВИТИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО СЕКТОРА

Недавно Фонд поддержал инициативу создания Национального центра содействия движению благотворительности в России (Центра Фондов). В настоящее время уже создано немало благотворительных и некоммерческих организаций и фондов. Новый этап развития движения благотворительности связан с необходимостью координации их деятельности и усиления взаимодействия инициативных групп, распространения передового опыта и информации, реализации лидерских акций и проведения в жизнь высоких этических стандартов. Большое значение имеют инициативы по совершенствованию правовой базы благотворительного сектора и взаимодействие его с государственным и коммерческим секторами экономики, а также с международными структурами.

Настоящая инициатива создания Центра Фондов имеет своей целью формирование эффективных координационных механизмов, увязку деятельности благотворительных фондов и организаций, распространение информации и передового опыта, создание условий для появления новых инициатив в этой сфере общественной деятельности, развитие международного сотрудничества. Центр Фондов призван стать авторитетной организацией, содействующей становлению демократического Российского государства и восстановлению цивилизованных хозяйственных отношений в обществе, снятию барьеров для творчества, предпринимательства и новаторства в разных областях жизнедеятельности людей и смене ортодоксальных ценностных приоритетов, наконец, интеграции России в мировое сообщество.

Центр Фондов - независимая негосударственная некоммерческая структура - призван обеспечить координацию деятельности благотворительных организаций и фондов в России и их взаимодействие с зарубежными партнерами, распространение информации и знаний о благотворительном секторе и его задачах, создавать предпосылки для эффективного сбора средств и их ответственного использования, расширения условий для появления и развития благотворительных организаций, формирования высоких этических стандартов в обществе.

Центр Фондов не заменяет собой иные организации благотворительного сектора и их программы, а является центром содействия, консультирования, предоставления информационных и деловых услуг в рамках благотворительного сектора. Иными словами, задача Центра Фондов - повышение эффективности деятельности благотворительного сектора России.

Каковы основные функции Центра Фондов? Прежде всего он функционирует в качестве "зонтичной" организации и координирует деятельность благотворительных фондов и иных организаций в России, проведение встреч и семинаров, конференций и иных мероприятий, направленных содействовать взаимодействию организаций благотворительного сектора. Центр Фондов предполагает сбор и распространение информации о благотворительном секторе в России и за рубежом, целевой юридической информации, предоставление публикаций и информационных материалов для обучения, создание библиотеки и информационного центра. Далее, в задачи Центра входят предоставление консультаций по вопросам деятельности благотворительных организаций, техническое содействие фондам и организациям; содействие распространению знаний о деятельности благотворительного сектора, об организации фондов, программ и проектов, образовательная и просветительская деятельность; содействие поиску источников финансирования благотворительных программ в России и за рубежом, распространение знаний о формах получения грантов и иных видов помощи; создание условий для взаимодействия представителей благотворительного сектора с правительственными органами, средствами массовой информации; поддержка научных исследований и разработок о благотворительном секторе и деятельности бесприбыльных организаций.

Как видим, задачи обширные. Успех в их решении основан на том, что деятельность Центра Фондов опирается на совместные усилия представителей разных благотворительных организаций России, на активное участие экспертов и профессионалов, оказывающих содействие этому сектору, на сотрудничество с зарубежными фондами и ассоциациями.

Елена Карпухина
Исполнительный директор
Международного Фонда
"Культурная инициатива"

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

Б. Хейнрих

Крылатые интеллектуалы

Предисловие редактора перевода

Бернд Хейнрих, зоолог по образованию и натуралист по призванию, с детства был влюблен в воронов. Уже будучи профессором университета, он во время одной из своих экскурсий по лесистым взгорьям северо-востока США спугнул с туши убитого охотниками лося целую стаю этих прекрасных мощных иссиня-черных птиц. Едва ли кто-либо из непосвященных увидел бы в таком эпизоде нечто из ряда вон выходящее и требующее специального объяснения. А вот для Б. Хейнриха его случайная встреча с мародерствующей стаей воронов стала завязкой настоящего биологического детектива. Ведь ворон — птица, как известно, стремящаяся к уединению. Так почему же в зимние месяцы, когда из-за скудного стола это уединение особенно оправданно, вороны не только объединяются в стаи, но и, по-видимому, скликают друг друга на пиршество, если вдруг обнаружат тушу оленя или лося? Поискам ответа на этот вопрос Б. Хейнрих отдал четыре беспокойные зимы, до отказа насыщенные тревогами и радостями полевой жизни.

Книга, отрывки из которой вы прочтете, во многом отличается от привычного жанра «рассказов о животных». Ее основной стержень — дневниковые записи зоолога-профессионала, обнаружившего непонятное ему явление природы и день за днем ищущего в полевых наблюдениях ответ на преследующую его загадку.

Результат, которого удалось достичь Б. Хейнриху, применив столь нестандартные приемы изложения, оказался, на мой взгляд, совершенно неожиданным. Чем больше мы узнаем о воронах, мотивы поведения которых пытается разгадать исследователь, тем интереснее становятся для нас личность и поступки самого рассказчика. И хотя Б. Хейнрих назвал свою книгу «Ворон зимой», это рассказ отнюдь не только о воронах. Хотел того автор или нет, из-под его пера вышло превосходное описание поведения человека во всей его одержимости идеей познания и во всей кажущейся нелепости его поступков, диктуемых жаждой знаний и азартом исследователя-первопроходца.

Не секрет, что полевой зоолог зачастую кажется довольно комической фигурой. Классический пример тому — кузен Бенедикт в романе Жюля Верна «Пятнадцатилетний капитан». О том, насколько нелепыми, с точки зрения стороннего наблюдателя, могут казаться поступки зоолога, поглощенного своими изысканиями, можно порассказать немало. В этой книжке читатель найдет широкий ассортимент подобных чудачеств и несуразностей, что не раз предоставит ему возможность от души посмеяться над одержимым навязчивой идеей орнитологом. Впрочем, может быть, какая-нибудь добрая душа, напротив, посочувствует бедному исследователю, который на исходе каждой зимней ночи выползает из спального мешка на мороз, с тем чтобы еще в темноте вскарабкаться на вершину высокой ели и ожидать там рассвета. А прилетят ли сюда вороны, которых дрожащий от холода ученый поджидает столь экстравагантным способом, это еще большой вопрос.

В этой связи напрашивается мысль, что полевой зоолог — в известном смысле идеальный объект для тех, кто задался бы целью исследовать глубинные мотивы поведения современного горожанина. Ведь зоолог, находящийся при исполнении своих прямых обязанностей, вынужден отказаться от большинства условностей, сковывающих всех нас в повседневной цивилизованной жизни. Чтобы добыть истину, натуралист по необходимости должен принять условия игры, навязанные ему теми животными, которых он изучает. О том, куда полетят вороны со своей коллективной ночевки, удастся достоверно узнать, лишь сидя на восходе солнца на вершине заснеженной ели. Сюда можно было бы и не залезать в темноте, но это значило бы отказаться от удовлетворения того самого жгучего любопытства, благодаря которому люди некогда научились познавать и исследовать окружающий их мир и законы, им управляющие.

Любопытство натуралиста, не мыслящего своего существования вне связи с природой, во многом бескорыстно, оно сродни живой любознательности ребенка. По словам Б. Хейнриха, временами он и его коллеги-зоологи пытаются доказать себе, что результаты их деятельности могут найти «полезное» применение в практике. Но оказывается, не это основной мотив, толкающий зоолога на все его странные и зачастую нелегкие приключения. Честно говоря, признается автор книги, мы выбрали эту судьбу прежде всего потому, что общение с природой и с исследуемыми животными доставляет ни с чем не сравнимое удовольствие. Можно лишь поражаться тому, продолжает Б. Хейнрих, что так много людей способны увлекаться материальными, а нередко и заведомо искусственными вещами, когда природа столь захватывающе интересна и при этом столь доступна.

В этих словах раскрывается жизненная позиция прирожденного натуралиста-созерцателя. Именно она делает предлагаемую нам книгу живым и поэтическим описанием девственной природы северо-востока США, дремучих лесов, населенных великим множеством млекопитающих, птиц, насекомых. А посреди всего этого великолепия действует главный персонаж повествования — орнитолог-исследователь, задавшийся целью любой ценой вырвать у природы истину о мотивах поведения «вещей птицы» — ворона. Здесь Б. Хейнрих выступает перед нами уже в качестве профессионального ученого, готового познакомить заинтересованного читателя с принципами научного познания и с теми необходимыми правилами, без знания которых невозможно получить сколько-нибудь верное представление об основных закономерностях поведения животных. Мне кажется, что именно эта линия повествования, не находящая, как правило, своего места в популярных произведениях о жизни животных, представляет собой одну из самых

* Дайджест книги «Ворон зимой»

важных и ценных особенностей книги «Ворон зимой».

Разгадать мотивы поведения зверя или птицы, и ворона в том числе, — это значит ни много ни мало научиться понимать свой объект, как самого себя, в любой ситуации уметь предугадать, как именно поведет себя ваш «испытуемый». Но здесь же таится и основная опасность, подстерегающая этолога (так называют исследователей поведения животных). Опасность эта состоит в том, что один и тот же результат может быть вызван совершенно разными причинами. Сходные действия, предпринятые человеком и вороном в сходных обстоятельствах, сплошь и рядом диктуются в корне различными мотивами. Уловить и объяснить эти различия — вот в этом-то и состоит одна из конечных задач этолога.

Б. Хейнрих неоднократно подчеркивает в этой связи, насколько важно понимать разницу между результатами наблюдений и истолкованием этих результатов. Особенно это существенно в тех случаях, когда исследуемое нами животное пользуется у любителей природы репутацией высоко интеллектуального существа. Именно это относится к ворону, выступающему героем многих мифов и сказок у самых разных народов земного шара. Не отказывает ворону в известной сообразительности и автор этой книги. Но в то же время читатель может убедиться, что «интеллектуальные способности» ворона во многих случаях есть нечто совершенно иное, нежели интеллект человека. А подчас сообразительность и вовсе отказывает этой «мудрой» птице. Например, чета воронов решила построить гнездо на карнизе обрыва, который, как оказалось, был совершенно не пригоден для этой цели. Вороны принесли туда 1375 веток, каждая из которых тут же падала вниз. Именно столько раз понадобилось воронам повторить это бессмысленное действие, прежде чем птицы потеряли интерес к своей неосуществимой затее.

Поскольку книга Б. Хейнриха основывается на дневниковых записях, она на редкость естественно и правдиво описывает процесс научного познания со всеми его перипетиями, с чередованием самонадеянных прогнозов, несбывшихся надежд и горьких разочарований. Эта линия повествования дышит свежестью и мягким юмором. И в то же время здесь очень много поучительного, особенно для тех юных читателей, которые, возможно, посвятят себя в дальнейшем научной деятельности. Какими же причудливыми дорожками движется исследователь к истине! На первых порах новые сведения идут лавиной. Их так много и они столь противоречивы, что вас охватывает замешательство, угнетает полная неопределенность в выборе дальнейшего пути исследований. Затем начинают вырисовываться предположения и гипотезы, обилие которых наводит на мысль, что и нескольких жизней не хватит, чтобы проверить их все в той или иной последовательности.

Но вот, кажется, тускло забрезжило прозрение. Отгадка все ближе, ближе. Увы, внезапно появляются новые факты, которые сразу же превращают все прошлые предположения и догадки в нелепые и смешные домыслы. Месяц проходит за месяцем, новые надежды раз за разом сменяются новыми приступами отчаяния и неверия в свои силы и возможности. И вдруг – о счастье! Всего лишь один новый кусочек мозаики — и все разрозненные и противоречивые факты вдруг, как по команде, занимают нужные места. Во всей массе накопленных сведений внезапно обнаруживается дотоле скрытая логика. Беспорядочное нагромождение фактов превращается в оформленную систему, которая нравится исследователю своей строгостью и логической красотой. И чем больше наблюдений ложится в систему, говорит Б. Хейнрих, тем эта красота удивительнее. «В конце концов мною овладевает убеждение, что если система красива, значит, она верна. Мне говорили, что и в математике дело обстоит почти буквально так».

Но есть тут и еще один момент. Как бы далеко мы ни продвинулись в нашем понимании происходящего, особенность «биологического детектива» в том, что у него никогда не будет конца. Чем больше известно биологу об объекте его исследования, тем больше появляется новых вопросов. Не собирается ставить точку в своих исследованиях и Б. Хейнрих, так что мы можем ожидать от него новых открытий и, возможно, новых книг о жизни и поведении воронов.

Нет никаких сомнений, что книга «Ворон зимой» — это большой успех ее автора. Более того, многоплановость книги, которая есть одновременно поэтическое эссе о девственной природе штата Мэн, правдивое описание жизни и быта исследователя-зоолога и вполне строгий в научном смысле очерк по естественной истории воронов делают эту работу выдающимся образцом научно-популярного жанра.

Е. ПАНОВ

Одиночка

И не вздрогнет, не взлетит он,
все сидит он, все сидит он,
Словно демон в дреме мрачной,
взгляд навек вонзив мне в грудь;
Свет от лампы вниз струится,
тень от ворона ложится...

Э. А. По, «Ворон».

Одиночка пытался кормиться на костях, почти совершенно очищенных ордой уже улетевших птиц. По какой-то причине он (я счел его самцом из-за большого клюва) остался тут, когда остальные отправились искать корм где-то еще. Он остался ради скудных объедков. Но пищи он находил все меньше и меньше, постепенно слабея, так что уже не мог улететь на поиски другого корма или следом за остальными.

В первый раз, когда я его увидел (у него была характерная метка — поврежденные хвостовые перья), он прошел под окном прямо у меня под носом. Это ошеломило нас обоих. Он улетел, но с трудом. Днем он вернулся и стал испускать пронзительные трели, усевшись на низком деревце рядом с новой тушей, которую я привез. После сорока громких трелей он принялся щелкать клювом, тихо поскуливать, постанывать и каркать. Чтобы добраться до приманки, ему требовалось пройти через небольшую впадину, откуда он не мог видеть ни окна, ни меня, и он набрался мужества пройти через это слепое пятно только после двенадцати попыток. Ухватил полоску нутряного жира и улетел.

Неделю спустя он все еще был тут, и один (на это время я убрал мясо). Он заметно ослабел. Направившись к голым костям, я увидел, что он прыжками удаляется в лес, начав свое отступление, едва заметил меня. Ворон — и прыгает, вместо того чтобы улететь? Странно! И я погнался за ним на лыжах. Он вспрыгнул на нижнюю ветку ели, я начал взбираться за ним. Это, видимо, привело его в сильное возбуждение, и, когда мы оказались довольно высоко над землей, он, с трудом взмахивая крыльями, улетел в долину.

Я не думал, что увижу его еще раз, но утром он опять клевал те же кости. Теперь я зашел с другой стороны и, припустив во весь дух, нагнал его прежде, чем он успел добраться до дерева.

Поместил я его в картонку и закрыл крышкой после того, как он взял кусок масла из рук (пока я еще держал его, вернувшись с ним в Кафланк), и после того, как он укусил меня за палец и клюнул в щеку. Когда я схватил его, он весь дрожал. От холода или от страха? Возможно, ему требовался постоянный уход, и я забрал его в Вермонт, где посадил в наспех сооруженную проволочную клетку, которую установил на кухонном столе.

Очутившись в этой клетке после шестичасового заключения в картонке, он повел себя спокойно: огляделся и небрежно вскочил на жердочку. Слабым он не выглядел. Возможно, первый плотный обед его подкрепил. Я предложил ему куриную ногу. Он поколебался, прошел по жердочке и взял ее из моей руки, спрыгнул на пол клетки и принялся расклевывать угощение. Кончив, он вспрыгнул назад на жердочку. Я протянул ему картофельную соломку. Он прошел по жердочке к проволоке, взял соломку у меня из пальцев и проглотил с такой охотой, словно картофельная соломка всегда была его любимым блюдом. Кроме того, он съел кусок сыра, но когда я предложил ему дольку апельсина, не тронулся с места. Откуда он знает, что сыр и соломка съедобны, а апельсин — нет?

Мой сынишка Стюарт смотрит, как ворон ест, и без умолку болтает. Ворон полностью игнорирует и Стюарта, и кошку, усевшуюся возле клетки, но настороженно поглядывает в мою сторону. Эта птица ставит меня в полный тупик. Игнорирует кошку? А мной интересуется, поскольку уже понял, что я для него источник корма?

С самого начала от него веет полным самообладанием, полным спокойствием. Ни следа паники! Птенец, выкормленный в неволе, из рук, не мог бы вести себя непринужденнее. На протяжении часа он взъерошивает перья, полирует клюв о жердочку и чистит оперение, повернувшись ко мне спиной, пока я читаю Стюарту вслух. Нас разделяют всего полтора метра. Ворон зевает, полузакрывает глаза, опять полирует клюв, небрежно поклевывает жердочку, спрыгивает на пол за новой закуской. И все это время поглядывает по сторонам в манере, которую я бы назвал «взвешивающей». Теперь он снова чистит перья, распушает их, встряхивается, поворачивается и бесцельно разглядывает пол клетки.

Неужели это и правда дикая птица? Такая же, как та, которая сегодня взмыла со льда реки Андроскоггин и улетела на километр, едва я остановил машину в отдалении, чтобы разобраться, что это за черное пятно? Как та, которая мгновенно взлетает с туши, стоит мне в хижине уронить на пол ложку? Чей клюв раскрывается от испуга, когда она наконец-

то приближается к туше теленка, которую изучала целых три дня?

И это те самые птицы, которые известны своей крайней робостью по отношению ко всему «новому»? Оскар и Магдалина Хейроты, известные немецкие орнитологи, работавшие в Берлинском зоопарке, описали в своей знаменитой книге «Птицы Средней Европы» (1926), как их два ручных ворона метались по клетке не один час, «пока совсем не обессилили» от того лишь, что кто-то поднял флаг почти в ста метрах от них. А что может быть «новее», чем внезапно очутиться в клетке на моем кухонном столе в близком соседстве с мальчиком, мужчиной и кошкой? Или это ручной ворон, улетевший из клетки? Но всего несколько часов назад он предпринял отчаянную попытку скрыться, едва увидел меня. (Позднее я поймал еще одного ворона на свалке, и он тоже через несколько часов казался совсем ручным. Этот ворон быстро хирел, и, когда месяц спустя стало очевидно, что он умирает, я прекратил его мучения. Вскрытие обнаружило свинцовые дробины. Другие, здоровые вороны, выпущенные в затемненную комнату, тоже через несколько минут уже не боялись брать корм у меня из рук. Совершенно очевидно, что «ручное» поведение одиночки в неволе не было чем-то уникальным.)

Я уже пришел к выводу, что вороны способны не приближаться к приманке несколько дней или недель, если замечают возле нее малейшие отклонения от привычного. А теперь, когда все внезапно стало новым, эта птица ведет себя так, словно ничего необычного вокруг нет! Я не знаю, как вороны воспринимают окружающий мир. Могу только догадываться, что видят они его не как абсолют, но как отклонения от уже принятого. И когда все оказывается другим, тогда сравнивать уже не с чем и принять можно практически что угодно. Да, если уж на то пошло, разве люди не воспринимают окружающий мир точно так же?

Этот ворон порвжает меня еще многим. Он кажется бодрым. И совсем не похож на птицу, умирающую с голоду, как это представлялось мне. В клетке он выглядит здоровым и крепким. Хотя у него, может быть, от голода атрофировались летательные мышцы, вприпрыжку он передвигается отлично, с той же скоростью, с какой бегаю по снегу я. Вряд ли его крылья повреждены — не заметно никаких признаков вывиха, никакой неуклюжести. Летать он может, но примерно так, как может бежать человек, у которого подгибаются ноги после сильного потрясения.

Он полон любопытства и рассматривает все, что я ему протягиваю. Хлебная корка с арахисовым маслом? Он подходит, пробует, бросает и, наклонив голову, следит, как она падает на пол. Сохранил бы я любопытство после того, как ослабел от голода и угодил в клетку?

Больше всего меня поражает его спокойствие. Он ведет себя так, словно не знает, что такое страх. Голову, правда, поворачивает, но безмятежно. Ни разу не ударяется о сетку. Когда хочет спуститься или подняться, прыгает с жердочки на жердочку. На душе у меня становится спокойно.

На второй день своей неволи ворон тихо сидит на жердочке, но видит все. Его карие глаза смотрят то туда, то сюда: вверх — на ползущую по потолку муху, вниз — на проходящую мимо кошку, в сторону, где я готовлю ужин. Иногда я прерываю свое занятие и разговариваю с ним. Он словно бы расслабляется еще больше и отвечает тихими чмокающими звуками.

На полу его клетки лежат остатки бифштекса, дохлый бурундук (только что из моего холодильника), перо совы и куски хлеба. Всего в тридцати сантиметрах от его насеста. Иногда он посматривает на них изучающим взглядом. Когда я протягиваю ему что-нибудь — шоколадное мороженое на ложке, ломоть хлеба, комок арахисового масла,— он боком передвигается по жердочке и осторожненько дегустирует. Забирает кончиком клюва крохотную порцию, двигает ее внутри взад и вперед, а потом проглатывает или выплевывает. Проглатывает он мороженое, чернику, жир и картофельную соломку, а выплевывает хлеб (который накануне ел!), консервированного для кошек тунца и апельсин. Он становится все более разборчивым в еде, но бурундук приводит его в восторг. Расклевывает по кусочкам заднюю половину тушки. Она выскальзывает, падает. Как ни странно, он ее не поднимает, но берет у меня из рук. Он даже подходит, чтобы взять у меня из пальцев совиное перо, играет с ним несколько секунд, потом роняет. И он любит снег! Он пьет воду из ложки, которую я ему протягиваю, но если ложка полна снега, он подходит охотнее и поедает снег глоток за глотком. Ледышки проглатываются целиком.

К концу апреля мой кухонный жилец уже давно переселен в авиарий во дворе. Когда я вхожу в эту обширную клетку и предлагаю ему корм, он подлетает ко мне примерно на полтора метра. Здесь он корма у меня из рук не берет, но подходит, чтобы взять его с ветки рядом со мной. Он энергично летает по клетке и всегда безмолвствует.

Мороженого он больше не получает, но любит падаль. К дохлому голубю он подходит без всяких колебаний. В конце концов он полностью съел белку, но не без труда. Ему не удавалось пробить шкурку. Но он нашел выход: «освежевал» ее через рот. В результате осталась очищенная беличья шкурка мехом внутрь.

Он совершенно здоров, как показала проверка. Его помет был прокручен в лабораторной центрифуге в растворе сахарозы, и наверх не всплыло ни единого яйца какого-нибудь парвзита. Его кровь изучил под микроскопом специалист по малярии. Никаких паразитов в крови. Так что, возможно, причиной его слабости действительно был голод, как я и предположил.

Его поведение по-прежнему крайне интересно для меня, так как помогает разбираться в поведении его сородичей на воле. Например, положение перьев. Когда он боится меня и пятится, он плотно прижимает перья на голове. (Странно, что подчиненные птицы, отступающие от корма, эти перья распушают.) Но теперь в моем присутствии он часто чувствует себя настолько в безопасности, что распушает перья на туловище и даже встряхивается.

Сегодня, 21 апреля 1986 года, я ловлю его сачком, заворачиваю в куртку и замыкаю у него на ноге металлическое кольцо Службы рыбы и дичи США, а также зеленое пластмассовое кольцо Национальной компании кольцевания и мечения. Пластмассовое кольцо имеет ширину чуть меньше полутора сантиметров и заворачивается на ноге спиралью. Избавиться от него, по-моему, невозможно, но ворон тут же принимается яростно кусать и клевать его. Я ухожу, а когда возвращаюсь через два часа, правая нога у ворона вся в крови, чешуи содраны, обнажена кость, но пластмассовое кольцо сброшено! Алюминиевое кольцо он терпит. Я было подумал метить диких птиц пластмассовыми кольцами разного цвета, потому что они видны издалека, а разные цвета могут служить кодом. Сколько бы усилий потрвтил я зря, если бы мне не представился случай заранее испробовать план, который казался таким верным, простым, не нуждающимся в проверке! Теперь я знаю, что метить отловленных диких воронов цветной пластмассой нельзя. (Такими кольцами я метил птенцов в гнезде, и они не обращали на них никакого внимания. Однако многие взрослые птицы выбрасывают пластмассовые кольца из гнезда вместе с прикрепленными к ним птенцами.)

Вскоре мой одиночка уже ежедневно «пел» в своем авиарии. Поющий ворон щебечет и каркает, вопит и выводит трели и пускает в ход весь свой обширный звуковой репертуар.

Этого ворона я выпустил на свободу 10 июля 1986 года. Он тогда совершенно перестал петь, но оставался возле дома, общаясь с воронами, которые жили у меня в двух других авиариях. Когда 20 июля я выпустил их, он заключил с ними дружбу, особенно с одним. Они улетели вместе, а 28 июля он присоединился к участникам пикника в парке Литл-Ривер в Уотербери (штат Вермонт). Вероятно, он еще оставался совсем ручным, во всяком случае удалось разобрать номер на его алюминиевом кольце, о чем несколько месяцев спустя мне и сообщили из Службы рыбы и дичи. Видимо, подобно другим воронам, он теперь убедился, чего можно не бояться, а именно — людей. И потому, если вам повстречается ворон, который очень любит картофельную соломку, шоколадное мороженое и погибших под колесами бурундуков, поглядите, нет ли у него на ноге алюминиевого кольца. Если на кольце номер 706-21301 США, пожалуйста, позвоните мне. Я буду очень рад узнать о новейших приключениях моего старого друга.

Перевод с английского И. ГУРОВОЙ

Продолжение следует

Третий из «Инклингов» приходит к Россию

С публикацией первой из семи известных повестей Чарльза Вильямса (1886—1945) успешно завершается начальный этап знакомства русского читателя с творчеством «Инклингов» — интереснейших авторов, составивших в тридцатые годы «кружок пишущих ученых Оксфорда». Двое из них — Дж. Р. Р. Толкиен и К. Льюис — легко добились мировой славы, к Ч. Вильямсу она приходила постепенно, и процесс этот еще не завершен. Однако журнал «Тайм» уже назвал Ч. Вильямса «одним из наиболее одаренных и влиятельных христианских писателей, которых дало Англии это столетие».

Что же объединяло «Инклингов», не ставивших перед своим литературным кружком никаких особенных целей, кроме дружбы? Трое из них — Толкиен, Льюис и Вильямс — обладали замечательным даром отображения «магического, волшебного мира» литературными средствами, а четвертый член кружка, О. Барфилд, дал этому миру философское обоснование. Магический мир «Инклинги» использовали в качестве способа пробуждения творческого воображения читателя, который, сопереживая героям и событиям произведения, незаметно приобщается к более глубокому уровню постижения истины. Книги «Инклингов» — не столько произведения литературы, сколько формы возрождения мифологической традиции и способы передачи религиозного опыта. Толкиен и Льюис, называя сей метод «мифопоэтическим сотворчеством», преуспели в решении этой задачи, а Вильямс сумел придать ей существенную глубину.

Биография Ч. Вильямса удивительно бедна внешними событиями. Например, он никогда не был в отпуске и лишь однажды покинул Англию, чтобы прочесть лекцию в Париже. Можно только догадываться, сколь же богатой была внутренняя жизнь человека, о котором В. Ауден, хорошо знавший его, как-то раз заметил: «Вильямс — один из двух людей, которых можно было бы назвать современными святыми» (другая — Дороти Дэй).

Вильямс недолго учился в университете (учебу пришлось прервать из-за отсутствия средств), работал в университетском издательстве, пройдя путь от корректора до главного редактора, по настоянию своих друзей читал лекции в Оксфорде, не имея не только ученой степени, но и законченного высшего образования. Но К. Льюис писал об одной из его лекций: «Наконец-то я хоть раз увидел, как происходит то, ради чего, собственно, и был основан университет — обучение мудрости».

Вильямсу удалось вечные темы Бога, души и ее спасения, мистического опыта облечь в яркую, богатую литературную форму. Он умер 15 мая 1945 года, и на его надгробье в церкви Сент Кросс в Оксфорде выбиты слова: «Чарльз Вильямс, поэт Милостью Божией».

«Война в Небесах» — повесть, написанная в малознакомом русскому читателю жанре мистического детектива. Хотя труп появляется в первых же строках произведения, придавая всему дальнейшему детективную окраску, главными для автора были и остаются «приключения духа».

Огромное значение в восприятии повести имеет глубоко укорененный в западной культуре (начиная со времен Кретьена де Труа в XII веке) символ св. Грааля. По наиболее распространенной версии, Грааль — чаша, из которой Иисус причащал апостолов на Тайной Вечере. По другой версии, Грааль — сосуд, в который была собрана кровь Иисуса, распятого на Голгофе. Символ это высочайший. Обретение Грааля — есть великое духовное свершение, описанное во множестве знаменитых произведений.

Появление на страницах повести Пресвитера Иоанна, равно как и тщательно выполненное описание магических обрядов и экстатических состояний героев, говорит о глубоких познаниях автора в «герметических» науках, приобретенных, видимо, в бытность членом ложи «Золотой Восход», основанной в 1888 году в традициях Ордена Розенкрейцеров. Пресвитер Иоанн — загадочная фигура, оставившая след в истории раннего европейского средневековья. Эзотерическая традиция иногда связывает это имя с легендарной Шамбалой.

Все прозаические и поэтические произведения Ч. Вильямса в той или иной степени повествуют об «иной» реальности, лежащей за гранью обыденного, о душе человека, ищущей и обретающей пути в надмирное, о крепости веры и о той «моральной доброте», которая, по словам Канта, является отличительной чертой человека, выделяющей его из необозримого множества живого на Земле.

Н. ГРИГОРЬЕВА,
В. ГРУШЕЦКИЙ

Ч. Вильямс

Война в небесах

Глава 1
Прелюдия

Телефон надрывался совершенно напрасно, ведь в комнате кроме трупа никого не было.

Впрочем, так продолжалось недолго. Лайонел Рекстоу, лениво возвращаясь после ленча, услышал трезвон еще в коридоре. Ворвавшись в свой кабинет, он кинулся к столу и схватил трубку. Краем глаза он, конечно, заметил торчащие из-под стола ноги в ботинках, но телефон требовал внимания в первую очередь.

— Да,— сказал Лайонел в трубку,— да... Нет, не раньше семнадцатого... Да кого волнует, чего он там хочет! Кому надо знать? Ах, Персиммонсу... Ну скажите ему, что семнадцатого узнает. Да-да, ладно, я задержу набор.

Он положил трубку и поглядел на ботинки. Может быть, кому-то понадобился телефон? Иногда сюда заходили позвонить. Хоть бы сказал что-нибудь, а то разлегся здесь и слушает чужие разговоры! Лайонел слегка наклонился к ботинкам.

— Вы там надолго устроились? — обратился он куда-то в пространство между ногами и ящиком стола. Ответа не последовало. Лайонел отошел, бросил шляпу, перчатки и книжку на полку, потом вернулся к столу, взял какой-то листок, прочитал, положил обратно и снова, уже с нетерпением, осведомился:

— Ну, долго вы там?

И опять ему не ответили. Он не получил ответа даже после того, как слегка пнул торчащий из-под стола ботинок, и повторил вопрос. Без всякой охоты он обошел стол (там у стены было потемнее), прикинул, где должна располагаться голова незнакомца и, повысив голос, произнес:

— Привет! В чем дело, эй?

Никакого результата. Лайонел пробормотал про себя: «Да что он там, черт побери, умер что ли?» и тут же почувствовал, что угадал.

Трупы просто так не валяются в кабинетах сотрудников лондонских издательств в половине третьего пополудни. Лайонел знал это наверняка. Происходящее принимало оборот чудовищный и несколько циничный. Мельком глянув на дверь (конечно, он закрыл ее, когда вошел), он попытался успокоиться способом, каким частенько пользовался, гоня прочь панику, возникавшую при мысли об авариях и других бедах, подстерегавших жену в его отсутствие. Человека могут сбить возле собственной двери, как того врача с Гувер Стрит. Нет, конечно. Выдумки все это! Он собрался потрогать торчащую из-под стола ногу. Хм... Так выдумки или нет?

Он тронул пришельца за ногу. Нога и не подумала сообщить об этом голове, затерявшейся где-то у стены, и Лайонел оставил свои попытки. Он вышел из кабинета и зашел в комнату напротив. Здешний обитатель распластался над столом, выискивая интересные предложения в газетных вырезках.

— Морнингтон, — обратился к нему Лайонел,— у меня в комнате человек под столом. Может, ты зайдешь, а то я ничего от него добиться не могу. Вид у него,— добавил он, пытаясь оставаться в преде-

лах реализма,— словно он умер для всего света.

— Надо же, какая удача! — желчно промолвил Морнингтон, отрываясь от работы.— Я было подумал, что он специально сидит у тебя под столом. Может, ты ему досадил чем-нибудь?

— А что,— продолжал он, пока они шли по коридору,— отличный способ мести — залезть под стол к человеку, который тебя оскорбил, и сидеть там с обиженным видом. Не обязательно голодать — это для более романтичных времен, в наши дни можно прихватить пару сэндвичей и термоса... термосы... Слушай, как будет множественное число от слова «термос»?

Войдя, Морнингтон уставился на ноги, торчащие из-под стола, потом осторожно приблизился и потрогал одну из них. Озадаченно взглянув на Лайонела, он резко произнес:

— Тут что-то не так. Сходи-ка, попроси Делинга зайти сюда.

Он опустился на колени и заглянул под стол. Лайонел уже мчался по коридору и через пару минут вернулся с коренастым человеком лет сорока пяти, выглядевшим скорее заинтересованным, чем обеспокоенным. Они застали Морнингтона в попытках вытащить тело из-под стола.

— Это наверняка труп,— отрывисто бросил он вошедшим.— Ну и дела! Зайдите-ка с другой стороны, Делинг. Там пуговицы зацепились не то за стол, не то еще за что. Попробуйте отцепить.

— А не лучше ли нам оставить все как есть до прихода полиции? — спросил Делинг.— Думаю, тело и трогать не стоило.

— Да как же еще я могу узнать, тело это или нет? — возмутился Морнингтон, но тут же остыл.— Впрочем, наверное, вы правы.

Он еще раз внимательно осмотрел ближайшую ногу, бормоча про себя: «Труп он и есть труп», а потом резко выпрямился.

— Слушайте, а Персиммонс здесь?

— Его нет сегодня,— ответил Делинг.— Он обещал быть к четырем.

— Значит, придется самим управляться. Делинг, свяжитесь с полицией. А вам, Рекстоу, хорошо бы поторчать в коридоре, чтобы народ сюда не лез. Если Пламптон узнает, он тут же помчится в «Вечерние новости» зарабатывать свои полгинеи.

Даже если бы Пламптон и захотел, едва ли ему удалось бы выведать зловещую тайну. Следующие четверть часа дверь в свой собственный кабинет бдительно охранял Лайонел, углубившийся для убедительности в чтение длиннейшего письма, захваченного со стола. Он надеялся, что за этим занятием его не станут беспокоить сотрудники, проходившие по коридору. Делинг спустился ко входной двери. Это довольно сложное зеркальное сооружение неизменно сбивало с толку даже постоянных посетителей, каждый раз вынужденных мучительно соображать, за какой стеклянной гранью находится нужный вход и является ли дверь дверью или это отражение двери. Здесь он и встретил полицию и врача, прибывших одновременно. Пока они поднимались по лестнице, он объяснил ситуацию.

Лестничный пролет выводил на площадку. Отсюда можно было попасть либо на следующий этаж, либо в кабинет Стефена Персиммонса, возглавлявшего издательство с тех пор, как он сменил на этом посту своего отца, семь лет назад вышедшего на пенсию. Вправо и влево от лестницы вели узкие коридоры, куда выходили двери кабинетов Рекстоу, Морнингтона, Делинга и других. Правый коридор кончался дверью Пламптона, а левый — комнатой Лайонела. За ней располагалась лестница в подвал. С этой лестницы можно было попасть еще в небольшой крытый дворик. Его стена граничила с соседней улицей.

Изучив диспозицию, полицейский инспектор заметил Морнингтону, что попасть в кабинет Лайонела и удавить кого угодно ничего не стоит, было бы желание.

Эти слова были сказаны уже после того, как полиция извлекла тело из-под стола и стало ясно, что неизвестный убит. Началась официальная процедура опознания. Лайонелу пришлось взглянуть на багровое лицо с выпученными глазами, после чего он, содрогнувшись, отступил назад, отрицательно помотав головой. Морнингтон задумчиво, а вслед за ним Делинг с любопытством, осмотрели задушенного и в свою очередь покачали головами. Убитый был человеком ниже среднего роста, одетым примерно так, как обычно одеваются представители среднего класса. Одежда оказалась не первой свежести, котелок был сильно помят, в карманах — ничего, кроме нескольких монет и дешевых часов, шея перехвачена крепкой веревкой, глубоко врезавшейся в кожу.

Других подробностей сотрудники издательства так и не добились от полиции, напустившей тумана и отбывшей восвояси, предварительно попытавшись разогнать любопытных по своим комнатам. Неизвестно, какими путями новости стре-

Иллюстрация Ю. Серафанова

мительно достигли Флит Стрит, и репортеры появились, едва толпа начала расходиться.

Вот такой бедлам и застал мистер Персиммонс, вернувшись часа в четыре с заседания Издательской ассоциации. На него тут же напал инспектор Колхаун, ведущий расследование.

Стефен Персиммонс не выглядел важной фигурой. Выражение его лица в любой момент с готовностью изображало беспокойство или бесконечную усталость, независимо от наличия повода. Впрочем, сейчас это выражение более обозначало тревогу, и основания для этого имелись вполне достаточные. Мистер Персиммонс, как и остальные сотрудники издательства, не смог опознать покойника и теперь отвечал на дотошные расспросы инспектора у себя в кабинете. Инспектор Колхаун, казалось, потерял к телу всякий интерес. Ему вдруг приспичило выяснять всю подноготную сотрудников Персиммонса.

— Ну а вот этот Рекстоу,— тянул инспектор,— у которого в кабинете обнаружили труп... Он давно у вас?

— Порядочно, — отвечал Персиммонс,— да и остальные на этом этаже, впрочем, и на следующем тоже. Большинство моих сотрудников работает в фирме дольше меня. Я-то пришел всего за три года до ухода отца. А тому уже семь лет. Итого будет десять. Все они у него работали.

— И Рекстоу?

— Конечно.

— Но вы ведь что-то знаете о нем? — настаивал инспектор.— Хотя бы адрес?

— Это все у Делинга,— с мукой в голосе произнес шеф издательства.— Он у нас ведает кадровыми вопросами. Я только помню, что Рекстоу женился несколько лет назад.

— А чем он у вас занимается? — не унимался Колхаун.

— О, у него много дел! Он ведет всю нашу беллетристику, начиная от текста и кончая переплетом

— Ну хорошо. А давно здесь трудится Морнингтон?

— Давным-давно. Я же говорю, они все пришли раньше меня.

— Я правильно понял, что Рекстоу встречался сегодня за ленчем с одним из ваших авторов? — перешел наконец к делу инспектор.

— Ну раз он говорит, наверное, так оно и было,— кивнул Персиммонс.

— Так вы не знаете наверняка? Разве он вам не сказал об этом? — удивился инспектор.

— Послушайте, — с раздражением произнес издатель,— вы что думаете, мои сотрудники будут мне докладывать о встрече с каждым автором? Я даю им работу, они ее делают, а как — это их дело.

— Ладно. А вот сэр Джайлс Тамалти,— продолжал инспектор,— его вы знаете?

— Да. Мы печатаем его последнюю книгу «Исторические следы, оставленные в фольклоре священными сосудами». Он археолог и антиквар, ученый, знаете ли. Рекстоу намучился с его иллюстрациями. Но вчера, помнится, он сказал, что все в порядке. Наверное, они по этому поводу и встречались. Да вы же можете у самого сэра Джайлса спросить...

— Я вот почему спрашиваю, — задумчиво отозвался инспектор Колхаун.— Если кого-то из ваших людей нет на месте, значит, в его кабинет может зайти кто угодно. Есть ведь и черный ход, и нигде ни одного дежурного.

— В приемной сидит секретарша,— уточнил Персиммонс.

— Э-э, секретарша! — пренебрежительно отмахнулся инспектор.— Если она не болтает с кем-нибудь по телефону, значит, читает роман. Что от нее толку? А потом на лестницу ведь можно попасть, и не заходя в приемную, так? А у черного хода и вовсе никого нет?

— Да не бывает здесь посторонних,— несчастным голосом произнес издатель.— И двери в кабинетах запираются.

— А ключи торчат в замочных скважинах,— саркастически закончил инспектор.

— Но никто ведь не входит,— ядовито ответил Персиммонс.

— Но ведь кто-то вошел-таки,— в тон ему произнес Колхаун.— Вот оно и случилось, чего не ждали. Вы как к религии относитесь, мистер Персиммонс?

— Ну я не могу назвать себя ревностным прихожанином,— растерянно отвечал Персиммонс.— Но я не понимаю...

— Ага, как и я, значит,— удовлетворенно кивнул инспектор.— Мне тоже не часто случается выбраться в церковь. Но все-таки я пару раз за последние месяцы ходил с женой на воскресную проповедь. Жена моя в Веслианской церкви бывает*. И, знаете, мистер Персиммонс, оба раза читали один и тот же отрывок из Библии, прямо как нарочно. Там в конце такие слова: «И то, что Я вам говорю, говорю и всем: бдите». Как раз для нашей публики, по-моему.

* Методистская церковь, основанная Джоном Весли (1703—1791), английским теологом и евангелистом, основателем методистского направления. *(Здесь и далее — прим. переводчиков.)*

Глава 2

Один и тот же вечер в трех разных домах

I

Адриан Рекстоу открыл духовку и устроил внутри цыпленка. Подойдя к столу, он вдруг сообразил, что забыл купить картошки для гарнира. Огорченно вздохнув, он подхватил овощную корзину, надел шляпу и вышел из дома. Возле калитки Адриан помедлил, соображая, в какой из двух магазинчиков, поставлявших ему провизию, отправиться, и выбрал ближайший.

— Три картошки,— озабоченно потребовал он в магазине.

— Конечно, сэр,— ответили ему.— Пять шиллингов, пожалуйста.

Адриан расплатился и с покупкой отправился домой. Но на углу подождал, пропуская трамвай, и тут его взгляд привлекла станция железной дороги. Адриана одолели сомнения. Важность овощей уже не казалась ему столь несомненной. Он вернулся в магазин, попросил посыльного доставить будущий гарнир домой, а сам поспешил на станцию.

За окном вагона понеслись, сменяя друг друга, мосты и тоннели; паровоз, на совесть приделанный к угольному тендеру и вагонам, мчался вперед по Брайтонской линии, но еще задолго до конечной станции в кухню, как всегда торопливо, вошла мама и, конечно, зацепила ногой пакгауз. Мосты, тоннели и вагоны разлетелись в разные стороны. Поток извинений вполне удовлетворил Адриана, и он с легким сердцем бросил паровоз в нескольких милях от Брайтона, чтобы вернуться к приготовлению ужина. Мама присела на стол. Это был не самый удачный ход в игре.

— Ой, мамочка, ты же на мой стол уселась! — воскликнул Адриан.

— Извини, дорогой. А он тебе нужен сейчас?

— Я как раз собирался расставлять посуду,— объяснил Адриан.— Сейчас посмотрю, как там цыпленок. О, кажется, удался!

— Очень мило,— с неопределенной интонацией произнесла Барбара Рекстоу.— Скажи, пожалуйста, большой он у тебя?

— Ну не так, чтобы очень,— объяснил Адриан,— но нам с тобой и тетушке Бет как раз хватит.

Барбара вздрогнула.

— А твоя тетушка Бет тоже здесь?

— Ну, может, зайдет,— отозвался Адриан.— Мам, а откуда у меня тетушка Бет взялась?

— Наверное, понемножку выросла, дорогуша,— рассеянно ответила мать.— Адриан, как ты полагаешь, хватит твоему папе сегодня на ужин холодных сосисок? Похоже, у нас больше ничего не осталось.

— Я не ем холодные сосиски,— быстро ответил Адриан.

— Ангел мой,— вздохнула Барбара,— сегодня ведь двадцать седьмое, и деньги все кончились. А вот и папа!

Несмотря на дневное потрясение, Лайонел Рекстоу с удивлением обнаружил, что призрак удавленного не мучает его. Память услужливо обронила где-то лицо бедняги, и, шагая в сумерках по улицам Тутинга, Лайонел понял, что дневное происшествие встряхнуло его основательнее и благотворнее, чем можно было ожидать. Масса фантастических опасностей, тучей взлетавших в сознании, стоило жене чуть приподняться, теперь вырвалась наружу и оказалась просто необъятной. Это была безумная стая лиц и голосов, и он сам, робкий, уменьшенный до карикатурных размеров, тоже всего лишь лицо и голос, едва не затерялся в этом вихре.

Уже вставляя ключ в замок входной двери, Лайонел поймал себя на том, что к обычному хороводу ужасных возможностей добавилась мысль о сыне. Невольно пытаясь угадать, какая из его химер, воплотившись, ожидает за дверью, изобразив на лице мужественную гримасу, Лайонел деревянным шагом вошел в собственный дом.

Обычный обмен приветствиями не очень-то помог. Улыбаясь Барбаре, Лайонел поймал мысль о любовнике, который, наверное, только что сбежал. Рассеянно наблюдая за Адрианом, увлеченно выискивавшим в вечерней газете картинки с поездами, он неожиданно отловил еще одну дикую мысль, больше пригодную в качестве сюжета страшной новеллы,— а почему, собственно, новеллы, разве так не может быть на самом деле? — что если его ребенок — это взрослый мужчина в обличье ребенка? Оставшись в одиночестве за столом после ужина, Лайонел оказался бессилен закрыть сознание от нахлынувших исторических или фантастических примеров, в которых ничего не подозревавшую жертву осторожно убивали ядом под прикрытием домашней обстановки. Тут же он отвлекся от поисков конкретного блюда, содержавшего яд, и стал думать о том, не является ли вообще вся еда на земле ядовитой?

От этих грез его отвлекла Барбара. Уложив Адриана, она вернулась в гостиную и взялась за вечернюю газету. Лайонел помнил, что первую полосу занимает дневное происшествие, но он почему-то не мог заговорить об этом сам и ждал, пока рассеянный взгляд жены отыщет репортаж.

— Ты знаешь, Адриан сегодня рисовал вполне приличные буквы,— сказала она.— Такое симпатичное «К» изобразил...

Вот вам и пожалуйста, в отчаянии подумал Лайонел, ну почему мир такой злой? Она что, читать не умеет? Неужели нельзя было избавить его от необходимости произносить вслух подробности сегодняшнего ужасного дня?

— Ты прочитала, что там у нас сегодня стряслось? — как можно более равнодушным тоном спросил он.

— Нет,— удивленно ответила жена.— Милый, ты плохо выглядишь. Не заболел, случайно?

— Да. Нет, не заболел,— поморщился Лайонел.— Еще бы мне не плохо выглядеть. Да посмотри же ты заметку! — он ткнул пальцем в газету.

— Где? — спросила жена, снова беря в руки «Стар».— О, «Убийство в издательстве в Сити»! Надеюсь, это не у вас? Лайонел! Это же в вашем издательстве! Где же это случилось?

— У меня в кабинете,— ответил Лайонел, всеми силами удерживая себя от попытки заглянуть под собственное кресло: нет ли там еще одного трупа? Нашлось же днем у него под столом одно тело, почему бы вечером не найтись другому? Просто его не видно. Ну а Барбара? Может, на самом деле она мертва, а в кресле напротив — всего лишь проекция его воспоминаний о тысяче таких вечеров, когда она сидела там, живая и здоровая. В этом жутком, неправильном мире как раз такой ужас и может оказаться правдой.

Голос Барбары — а может, то был голос его галлюцинации? — с трудом пробился к его сознанию.

— Дорогой мой, это же ужасно! Почему ты мне сразу не сказал?

Отбросив газету, она порывисто метнулась к Лайонелу и опустилась возле него на колени. Только поймав ее руку, Лайонел почувствовал, как напряжение отпускает его. В конце концов этот мир не так плох, если сумел породить Барбару. Адриан... иногда он несносен, но зато замечательно реален. Не могут в одном теле уживаться злой, мстительный, жестокий оборотень его воображения и этот шустрый мальчишка с неуемным интересом к самым разным вещам. Даже дьяволу не под силу прикинуться нормальным ребенком. Он прижал руку жены к щеке, и эта простая ласка вмиг погасила начинавшуюся истерику.

— Довольно противное дело, надо тебе сказать,— пробормотал Лайонел, потянувшись левой рукой за сигаретой.

2

Морнингтон не раз спорил с Лайонелом об истоках пессимизма. Сам он считал пессимистическое отношение к жизни следствием романтичного, если не сентиментального, взгляда на мир. Ироничный склад ума подсказывал Морнингтону: сегодняшнее потрясение вызвано новой для него мыслью,— оказывается, одни люди убивают других. А ведь это происходит сплошь и рядом, рассуждал сам с собой Морнингтон за ужином, и нет ничего глупее, чем теряться при встрече с обычными вещами. Еще Де Куинси, помнится, говорил, что у некоторых людей есть врожденная предрасположенность к тому, чтобы быть убитыми. Да, убить или быть убитым — вполне возможная вещь. Так неужто обычная вещь помешает мне передать отчет викарию?

Он поднялся, аккуратно сложил страницы, которые просматривал перед этим, и отправился в приход св. Киприана, где ведал приходно-расходной книгой. Нельзя сказать, чтобы ему нравилось это занятие, но как откажешь друзьям? Священник прихода как раз входил в их число.

Религиозность Морнингтона носила двойственный характер. В юности он достаточно насмотрелся на людей, относящихся к религии весьма пренебрежительно, и это не прошло бесследно. Теперь, оставаясь верующим, Морнингтон одинаково критично относился и к себе, и к другим, но сохранил уважение к миру как к Божьему творению и смотрел на жизнь одновременно с пессимистических и оптимистических позиций. На том они и сошлись со священником, пришедшим к тому же за долгие годы служения в разных приходах. Их связывала некая духовная близость, во всяком случае они так считали.

Однако сегодня вечером Морнингтон застал у своего друга посетителя. За столом листал какую-то рукопись маленький кругленький священнослужитель с сигарой во рту.

Викарий радушно встретил Морнингтона.

— Входите, входите, дорогой мой,— пригласил он.— Мы только что говорили о вас. Знакомьтесь: архидиакон Кастра Парвулорум — мистер Морнингтон. Мы слышали об ужасном происшествии у вас на службе. Что вы предприняли?

Архидиакон, поздоровавшись с Морнингтоном, снял очки и откинулся в кресле. «Ужасно»,— пробормотал он тоном, каким пользуются люди, не вполне уверенные, то ли хотят услышать от них окружающие. «Да, ужасно!»

— Неприятно, конечно,— ответил Морнингтон. Ему не понравилось показное сочувствие архидиакона. — Всех переполошили. Из-за этого я не послал рекламу в «Библиофил», значит, она не появится в этом месяце, и вот это действительно ужасно. Терпеть не могу, когда убийства вмешиваются в мои планы. А это к тому же и произошло-то в соседнем кабинете.

— Вот как на подобные вещи смотрят деловые люди,— усмехнувшись, произнес викарий.— Еще кофе? А этот бедняга... Выяснили, по крайней мере, кто он?

— Как бы не так! — с некоторым даже торжеством воскликнул Морнингтон.— Единственная улика, которой располагает полиция,— это труп. Не очень удобно таскать, да и продержится лишь несколько дней. Природа, знаете ли, свое возьмет. Меня куда больше беспокоит «Библиофил»... Впрочем, я не хочу отвлекать вас от дел своими служебными заботами.

— А мы вовсе и не отвлеклись,— мирно продолжал архидиакон.— До вашего прихода мы как раз говорили о делах, связанных с вашим издательством,— и он указал очками на рукопись перед собой.— Вы, наверное, догадываетесь...— смущенно добавил он.

Морнингтон постарался изобразить заинтересованность.

— Книги? — словно сомневаясь, спросил он.

— Книга, — мягко уточнил викарий.— Отец архидиакон — автор многих проповедей и речей о христианстве и Лиге Наций. Они собраны в этом небольшом томике. На мой взгляд, он неплохо пошел бы, а?

— Весьма признателен за предложение,— слегка поклонился Морнингтон.— Только, вы уж извините, я должен поинтересоваться, готов ли отец архидиакон поддержать свои желания? Другими словами, заплатить, если придется.

Архидиакон покачал головой.

— Нет, дорогой мистер Морнингтон. Мне это кажется не совсем нравственным. Недаром говорят: книга, как ребенок... Кому не нравятся собственные дети, какими бы они ни были? Это вполне нормально. Но мало кто при этом всерьез полагает, что лучше других. Поэтому я не собираюсь проталкивать свою книгу, «поддерживать», как вы изволили выразиться. По-моему, это так же глупо, как глупо быть плохим человеком.

Морнингтон взял рукопись и принялся листать, читая заголовки: «Протокол и Пакт», «Особенности национальностей», «Типы познания во Христе, представленные в человечестве», «Достаточно ли представительная Лига Наций?»

— Насколько я понял,— деловым тоном произнес Морнингтон, коротко взглядывая на архидиакона,— это рассчитано на специалистов, но написано популярно. Ничего не могу обещать, но посмотреть можно. Я возьму рукопись?

— Мне бы хотелось еще поработать в выходные дни,— ответил архидиакон.— Кое-что стоило бы поправить и заодно проверить греческий. Если вам удобно, я занес бы рукопись в издательство в понедельник или во вторник.

— Давайте,— согласился Морнингтон.— Но решать буду не я. Скорее всего, ее отдадут рецензенту-политику, судя по заголовкам; он вряд ли поймет что-нибудь, но вы все равно приносите. В перечне изданий Персиммонса такой кавардак, что в нем прекрасно уживаются «Флирт Фокси Флосси» и «Беседы о Черной Магии как Философии». Последняя книжка, конечно, из списка старшего Персиммонса.

— Но вы же говорили, что он отошел от дел,— удивился викарий.

— Он у нас Вечерняя Звезда,— усмехнулся Морнингтон,— и продолжает пользоваться всеобщей серостью. А попутно встревает во все остальные дела. Мы все время наблюдаем его на горизонте, а уж раз в неделю он занимает все небо, по крайней мере, наше, издательское. Этакое приятное созданье, склонное к оккультизму.

— Боюсь я этого интереса,— мрачно промолвил викарий,— оккультизм к добру не приведет. Посмотрите, что происходит в обществе: с одной стороны, тяга к подлинной религии, а с другой — греховное любопытство.

— Уж не полагаете ли вы всякое любопытство греховным? — поинтересовался Морнингтон.— А как же тогда Иов?

— Иов? — переспросил архидиакон.

— Да, сэр. Помните то место, где Иов выигрывает пари у троих приятелей? Я всегда считал, что ему помогло любопытство: и почему это все несчастья сыплются именно на его голову? Приятели-то смирились, а Иов возьми да спроси: что это, дескать Господи, Ты делаешь и почему?

— Ему же ответили, что человек не в состоянии уразуметь волю Божию,— покачал головой викарий.

— Ему не просто ответили, над ним еще и посмеялись,— возразил Морнингтон,— а это, согласитесь, не одно и то же. Все-таки, когда человеку, потерявшему все средства, дом, семью, покрытому язвами с ног до головы и сидящему на мусорном ящике, говорят: «Посмотри на бегемота»*, здесь чего-то не хватает.

— Но Иов оказался избран среди всех,— мягко подсказал архидиакон.

— Да уж, другого такого дурака надо было поискать,— согласился Морнингтон, вставая.— Мы ведь еще увидимся до вашего отъезда в... Кастра Парвулорум? — спросил он.— Надо же, какое веселенькое название!

— Жаль, что немногие им пользуются,— вздохнул архидиакон.— Во всех путеводителях это место именуется Фардль. Тамошние жители уже успели привыкнуть именно к этому названию. Что поделаешь, закон Гримма,— развел он руками.

— Это вы сказочника имеете в виду? Я думал, его основной интерес — parvuli**,— удивился Морнингтон.— Разве он имел отношение к законодательству?

— Да нет, он ведь языками занимался,— с улыбкой пояснил архидиакон.— Знаете, проблема индоевропейских звуков? «Кастра» куда-то запропастилось со временем, а в «парвулорум» «ф» заменило «п», на место «в» встало «д» и т. п. А Гримм это обнаружил. Но я-то стараюсь пользоваться только прежним названием. Это недалеко от Лондона. Цезарь нарек это местечко после того, как его солдаты отловили там детей бриттов, а он вернул их родителям.

— Тогда я не понимаю, зачем Гримму понадобилось вмешиваться в эту историю,— пожал плечами Морнингтон.— Фардль... похоже на название эссе Мориса Хьюлетта***. Кастра Парвулорум**** звучит вполне по-римски. Ну, доброй ночи, сэр, доброй ночи, викарий. Нет-нет, не провожайте меня.

3

В тот самый момент, когда Морнингтон помянул в разговоре старшего Персиммонса, последний, сидя в удобном кресле перед камином, слушал отчет сына о дневном происшествии. Старик выглядел внушительно. Откинувшись на спинку, он с явной иронией наблюдал, как Стефен Персиммонс взвинчивает сам себя, припоминая все новые подробности.

— Я сильно опасаюсь, не повредило бы это делам,— закончил наконец Стефен.

Отец, глядя в огонь, слегка вздохнул.

— Дела,— задумчиво протянул он,— я бы не стал о них беспокоиться. Если людям нужны твои книги, они купят их.— Он помолчал и добавил: — Я звонил сегодня, хотел зайти к тебе.

— Да? — рассеянно отозвался сын.— А мне не докладывали.

— Ничего страшного,— успокоил его мистер Персиммонс.

— Наверное, ты был у следователя. Но в следующий раз, когда будешь отвечать на вопросы, скажи, что тебе надо проконсультироваться со мной. Я же хочу, как лучше.

— Ты звонил по делу? Что-нибудь важное?

— Хотел обсудить балансовую ведомость,— ответил отец.— Я там не все понимаю. И еще, по-моему, в плане изданий слишком много романов. По-моему, ты не собираешься издавать мою книгу,— спокойно продолжал отец.— Ты хоть прочел ее?

— Прочел. Но пока еще не решил. Я же говорил тебе: мне она не понравилась и другим не понравится. Да, я знаю, на психоаналитику сейчас есть спрос, и все-таки я не уверен...— он замолчал, не окончив фразы.

— Стефен,— торжественно произнес старший Персиммонс,— если ты когда-нибудь обретешь уверенность в чем-нибудь, ты лишишь меня изрядной доли удовольствия от общения с тобой. Будь добр, объясни, в чем ты не уверен на этот раз?

— Ну, знаешь, эти примеры... То есть эти историйки, которые ты приводишь, как доказательства... наверное, с ними все в порядке... только в книге они выглядят как-то нелепо, смешно, что ли...

— «Смешные историйки, которые я читал в книге», сочинение Стефена Персиммонса,— издевательски прокомментировал отец.— Это не «историйки», Стефен, это научные примеры.

— Но они же все о пытках! — воскликнул сын.— Там есть один... ужас какой-то! Я не верю, что такая книга будет расходиться.

— Прекрасно разойдется,— заверил отец.— Ты же не ученый, Стефен.

— А диаграммы? А графики? — продолжал Стефен.— Это же дорого.

— Ладно. Как хочешь,— согласился старший Персиммонс.— Но имей в виду, если не издашь книгу до Рождества, я издам ее за свой счет. И это будет куда дороже, Стефен. А я тем временем еще что-нибудь напишу. Представляешь, какую брешь они пробьют в моем счете? Продавать я их не собираюсь, буду раздавать так, а что останется, сожгу, и все. У тебя впереди воскресенье, вот и думай, какие шаги тебе предпринять. А на следующей неделе я зайду в издательство, послушаю, что ты решил. Скажешь, авантюра, да? А ты не любишь рисковать и ставишь только наверняка, правда, Стефен? Знаешь, Стефен, я бы с радостью пустил тебя по миру, но...

— Да перестань ты дразнить меня! — воскликнул несчастный издатель.— Я слышать не могу, с каким выражением ты это произносишь: «Стефен, Стефен»! А тебе это удовольствие доставляет.

— ...но балансовая ведомость — не единственная причина моего сегодняшнего визита,— невозмутимо продолжал старший Персиммонс.— Да-да, я все-таки заходил, подыскивал местечко, где бы спокойно, без помех, убить человека, и твое заведение показалось мне не хуже любого другого. По-моему, я не ошибся.

Стефен Персиммонс в изумлении уставился на монументальную фигуру в кресле и растерянно пробормотал:

— Ты опять... ты нарочно дразнишь меня, чтобы я нервничал, да?

— Может, и так,— ответил мистер Персиммонс.— Я заметил, нервничать тебя заставляют факты. Они и твою мать довели до психиатрической клиники. Это ужасно, Стефен, лишиться жены вот так. Надеюсь, с тобой ничего подобного не случится. Знаешь, ведь я еще не так стар и, не буду скрывать, я хотел бы другого сына, Стефен. Да, да, Стефен, другого сына, такого, кому я мог бы оставить наследство, такого, которому были бы интересны мои дела. Тогда бы я лучше знал, что делать. Вот когда ты родился, Стефен...

— О Боже Всемогущий! — вскричал Стефен.— Не говори со мной так! Зачем ты сказал, что хотел убить человека? Что ты имел в виду?

— Что я имел в виду? — удивился отец.— Именно то, что сказал. Днем раньше, вчера, значит, я и думать об этом не думал, но как только сэр Джайлс Тамалти сказал мне, что собирается встретиться с Рекстоу, я тут же об этом и подумал. Ну вот, прибыли мы туда, а там и правда пусто. Если и был риск, то не особенно большой. Я попросил его подождать, закрыл дверь... это заняло не больше минуты, он ведь был довольно хилым созданьем.

Стефен почувствовал, что больше не в силах задавать вопросы. Неужели старик действительно говорит об убийстве? Да нет, похоже, он просто издевается над ним! А вдруг — правда? Или это такая нервная разрядка?

— Во-первых, Стефен,— голос отца словно ударил его,— ты, конечно, ни в чем не уверен. А если бы даже и был уверен, то на отца доносить как-то не принято, правда? Ты ведь помнишь, мать у тебя и в самом деле в психушке. А во-вторых, по завещанию, которое я составил две недели назад, все мои деньги пойдут на создание колонии в Восточном Лондоне. Если эта история выплывет наружу, у тебя возникнут проблемы. Да нет, ты же не станешь болтать об этом. Если тебя спросят, скажешь, что я приходил обсудить балансовый отчет. Я все равно зайду к тебе по этому поводу на следующей неделе.

Стефен встал.

— По-моему, ты хочешь и меня свести с ума,— проговорил он.— О Господи, если бы я знал, почему...

— Ты знаешь меня,— резко сказал отец.— Ты думаешь, я стал бы нервничать, если бы мне понадобилось придушить и тебя? Ладно. Уже поздно. Ты слишком много думаешь, Стефен, я тебе всегда это говорил. И ты все свои заботы таишь в себе, а ведь это нелегко. Поговорил бы начистоту с кем-нибудь из твоих сотрудников, ну хоть с тем же Рекстоу. Не-ет, ты всегда был скрытным парнем. Впрочем, может, тебе так лучше. И жены у тебя нет. Ну? Собираешься задушить меня или как?

Дверь за Стефеном Персиммонсом захлопнулась, но старик продолжал греметь:

— Знаешь, в прежние времена колдунов жгли, они знали, что их ждет костер, вот и приходилось спешить. Теперь-то торопиться некуда. Можно пожить в свое удовольствие. Магу вовсе не обязательно быть отшельником... А может, я просто устал? — спросил он сам себя.— Я хочу другого сына. И я хочу Грааль.

Грегори Персиммонс откинулся в кресле. Перед его невидящими глазами вереницей неслись дни, годы, открывая заманчивые перспективы.

Перевод Н. Григорьевой, В. Грушецкого

Продолжение следует

* Книга Иова, 40, 10: «Вот бегемот, которого Я создал, как и тебя...»

** Parvuli — дети (*лат.*)

*** М. Хьюлетт (1861—1923) — английский писатель, поэт, эссеист

**** Castra (*лат.*) — поселение, возникшее на месте римского военного лагеря. Parvulorum (*лат.*) — детский, от parvuli — дети

Наши лауреаты 1992 года

М. Курячая *— «Ловушка», № 11;*
Ю. Латынина *— серия статей о революциях: «Первая среди равных», № 4, «Рождение представительной демократии», № 10;*
В. Найшуль, И. Прусс *— «Брежневизм как источник наших свобод», № 9, «Почем деньги», № 10;*
А. Якимович *— «Культура утраченных различий...», № 5—7;*
С. Яковленко *— «Как мы обнаружили дьявола», № 5—7.*
Кроме того, отдельно отмечена работа М. Колерова и Г. Бельской по организации номера 2, посвященного российской истории, а также содействие в создании этого номера Ю. Кожуховой, А. Полунова, Н. Семевер.

Марина Алексеевна Курячая — не новичок в стане лауреатов нашего журнала. В последние годы, похоже, вырисовывается ее основная журналистская линия: не изменяя широте научной и образовательной тематики, все больше внимания концентрировать на конкретной судьбе. Это кредо, надеемся, подтвердит и год нынешний, если судить по тому, что уже в ее «чернильнице».

Юлия Леонидовна Латынина дебютировала в журнале в 1991 году статьей «Уроки «Вех». Неизменно вызывает бурные отклики читателей последовательными нападками на идею имущественного равенства. Бдительно прослеживает историю этой идеи в веках и находит ее в идеологии почти всех революций, от Спарты до наших дней, на Востоке и на Западе.

Начав серию статей о революциях всех времен и народов в 1992 году, пройдя Спарту и Англию, Ю. Латынина продолжает ее Китаем и Древним Ираном. Надеемся в ближайшие годы дойти до современности.

Виталий Аркадьевич Найшуль, кандидат экономических наук. В середине восьмидесятых годов предложил редакции рукопись, в которой он с соавторами выдвигал идею раздать всю государственную собственность гражданам. Идея показалась редакции экстремистской, рукопись была отклонена. Кто же тогда знал, что менее чем через 10 лет каждый россиянин получит ваучер!

Кроме ваучера, В. Найшуль (тоже с соавторами) изобрел концепцию «бюрократического рынка» как основного принципа функционирования экономики в постсталинский период. О чем и рассказал нашему корреспонденту в интервью.

Сейчас В. Найшуль в крепкой команде единомышленников изобретает модель национальной экономики и институциональных сдвигов в ней. О чем мы еще расскажем нашим читателям.

Ирина Владимировна Прусс, руководя отделом экономики в журнале, приводит в него и заставляет разговориться как уже состоявшихся корифеев экономической мысли, так и будущих ее светил, каким-то чутьем угадывая их в нынешнем сонме желающих «поправить» нашу экономику.

Сергей Иванович Яковленко, доктор физико-математических наук, заведует Теоретическим сектором в Институте общей физики РАН. Его научные интересы связаны с лазерной физикой, физикой плазмы, статистической физикой. По этим проблемам им написано более двухсот статей и три монографии. И хотя с нашим журналом Сергей Иванович сотрудничает недавно, он сразу обратил на себя внимание оригинальностью и глубиной своих идей.

Александр Клавдианович Якимович, художественный критик, историк искусства, культуролог.

Написал несколько книг и довольно много статей о классическом западноевропейском искусстве XVII – XIX веков в сугубо культурологической перспективе, в связи с философскими идеями и мироощущением, характерным для соответствующих культур и эпох. Из умеренного еретика академических гуманитарных дисциплин превратился в годы смуты в более радикального исследователя, занимающегося почти исключительно искусством XX века, увязывая его с «историей идей» от Ницше до постструктурализма. Очень немногие из этих работ изданы на русском языке, самые значительные опубликованы в зарубежных изданиях.

Автомобиль бесплатно

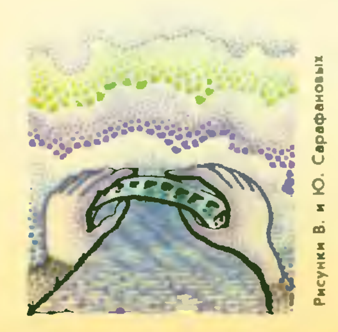
В городе Дотан, в американском штате Алабама, торговец подержанными автомобилями дал в местной газете объявление, обещая скидку в десять долларов тому, кто придет за покупкой с ребенком.

На следующий день в магазин явился фермер с тринадцатью детьми. Он выбрал машину за 120 долларов, которую ему пришлось отдать бесплатно. Но фермер потребовал с владельца магазина еще десять долларов — за тринадцатого ребенка. В машину поместилось только семеро детей и новоиспеченный владелец. Остальным пришлось идти домой пешком.

Проявить пленку? Опустите в озеро!

Во всяком случае, Джереми Линч, студент третьего курса Райерсонского политехнического института в Торонто, рекомендует проявлять пленку, опустив ее в воду озера Онтарио. Правда, процесс этот вместо нескольких минут, как обычно, длится. . 26 часов. По его словам, получаются вполне нормальные пленки. «Процессу проявления способствует содержащееся в воде озера железо, а также промышленные отходы в виде дизельного топлива и различных красок, в которых содержатся те же добавки, что и в обычных проявителях»,— говорит профессор Билл Сканлон, обучающий Линча искусству фотографии. Необыкновенное открытие Линча привлекло внимание фотографов всего мира. Недавно лондонская газета «Дейли мейл» пригласила его в Англию, чтобы повторить эксперимент в лондонской воде. Снимок, который вы видите, получен с пленки, проявленной в озере Онтарио.

Рисунки В. и Ю. Сарафановых

Эксперты из Ленгли бессильны

В поселке Ленгли, недалеко от Вашингтона, где находится основной комплекс зданий Центрального разведывательного управления США, некоторое время назад был воздвигнут «Памятник неизвестному разведчику». Однако в день торжественного открытия выяснилось, что скульптор Джим Санберн решил удивить американских разведчиков. На цоколе памятника красовалась довольно длинная надпись, смысла которой никто не мог понять. Автор был безжалостен: «Для того вы и разведчики, чтобы разгадать тайное послание. А если это вам окажется не по силам, то вот конверт с ключом для шифра...» Тогдашний шеф ЦРУ Уильям Уэбстер посчитал, что прочитать надпись своими силами — вопрос чести. Но не получилось! Даже помощь постоянного конкурента ЦРУ — Агентства национальной безопасности — оказалась недостаточной: разгадана была лишь четверть текста. В одном недавнем интервью Джим Санберн не без иронии отметил, что, видимо, подавший в отставку Уильям Уэбстер не вынес этого позора. Разумеется, его уход из ЦРУ мог иметь и другие причины, но так или иначе позорное пятно с Ленгли до сих пор не стерто.

Бывают и такие коллекционеры

Ладислав Ликлер из Праги считает себя тиросемофилистом, что в переводе с греческого означает «коллекционер разных видов сыра». В его коллекции 112 тысяч этикеток этого продукта, производимого в семидесяти двух странах мира. Самый старый экспонат — 1880 года, а самые ценные и красивые — с островов Фиджи и с Новой Каледонии.

Хитроумный допинг

На ипподроме колумбийской столицы Боготы одна из лошадей прямо со старта взяла бешеный темп и пришла к финишу первой. Судьи заподозрили неладное. Однако допинговый контроль ничего не показал. Позднее выяснилось: допинг, причем весьма хитроумный, все-таки был. Ловкачи подложили под седло лошади кусочек сухого льда, который причинял животному боль. К финишу же лед испарился.

Если бы не грелка...

Когда в бельгийском городе Лити некий Габриэль Лелон забрался ночью в ювелирный магазин, он предварительно перерезал все электрические провода. Системы безопасности были обесточены, но заодно отключилась и электрическая грелка, согревавшая ноги спящего хозяина. Когда ноги замерзли, тот проснулся и пошел разбираться с током. В торговом зале он наткнулся на грабителя и после недолгой борьбы крепко связал его.

Во втором номере журнала «Знание — сила» за этот год были пропущены фамилии (или псевдонимы) авторов стихов в разделе «Радиомолодушка».

Редакция приносит извинения авторам и нашим читателям.

Восстанавливаем подписи в необходимой последовательности: Габриэлла, Григорий Милин, Н. Иванова, Дмитрий, Г. И. Певзнер, Археоптерикс, Андрей Попов, Татьяна Степановна.

Рисунок Ю. Сарафанова